

16+

Евгения Черноусова

Удачная подмена

Евгения Черноусова

Удачная подмена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67964856

SelfPub; 2022

Аннотация

Можно поменять имя, но удастся ли поменять при этом характер, близких и судьбу?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвёртая	26
Глава пятая	35
Глава шестая	44
Глава седьмая	53
Глава восьмая	59
Глава девятая	66
Глава десятая	76
Глава одиннадцатая	88
Глава двенадцатая	92
Глава тринадцатая	101
Глава четырнадцатая	109
Глава пятнадцатая	118
Глава шестнадцатая	123
Глава семнадцатая	128
Глава восемнадцатая	134
Глава девятнадцатая	139
Глава двадцатая	146
Глава двадцать первая	155
Глава двадцать вторая	162
Глава двадцать третья	168

Глава двадцать четвёртая

181

Глава двадцать пятая

186

Евгения Черноусова

Удачная подмена

Глава первая

Автовокзал. Пока доехали, автобус почти опустел, останавливаясь у гипермаркета на въезде в город, потом у воинского мемориала и у центрального рынка. Может быть, ей стоило выйти раньше, но расспрашивать водителя и попутчиков было бы неосмотрительно. Если вдруг её будут разыскивать, а у кого-то из них в памяти отложится адрес? Нет уж, лучше проехаться на городском транспорте.

Лина покрутила головой и двинулась к ближайшей автобусной остановке. Не доходя до неё, на стене дома увидела надпись: «Московский проспект». Его-то ей и надо, только вот номер на доме 136, а ей нужен 28. Чтобы не спрашивать, прошла до следующего дома. Ага, значит, к началу улицы посадка с этой стороны. Сунулась в первую же подошедшую маршрутку, у водителя спрашивать не стала, решив, что выйдет, если автобус повернёт с проспекта. На её счастье он шёл пока по прямой. Она подумала, что жильё ей крёстный предложил не очень удачное. По широкому проспекту в несколько рядов непрерывным потоком двигались машины, так что в квартире наверняка слышен шум, да и окна не откроешь

из-за пыли и выхлопных газов. Но, может, повезёт, и окна выходят во двор?

На пути следования возникает большущая круглая клумба с непонятной бетонной композицией посередине. Маршрутка делает вокруг неё оборот и сворачивает. «Дом печати!», – хрипит водитель. Она протискивается к выходу и ступает на тротуар. Дом печати – это, надо полагать, здание напротив остановки через дорогу. Оно угловое, одной стороной тупого угла тянется вдоль Московского проспекта, другой – по сравнительно узкой улице, на которой высадилась Лина. А на той стороне, где она стоит, на остром углу обширное пустое пространство, наверное, летом здесь травяной газон, перечёркнутый плиточными дорожками, по которым сейчас гоняет тракторишко, цилиндрической щёткой сметая снег. Одна из тропинок, уже прочищенная, тянется к двум довольно далеко отступившим от дороги шестнадцатипятиэтажным башням, за которыми начинается группа древних пятиэтажек. Надо возвращаться на проспект. Она спрашивает у идущей от домов пожилой женщины, далеко ли дом 28, а в ответ та тычет пальцем в ближайшую башню. Это ей повезло! И вышла вовремя, и дом далеко от дороги с интенсивным движением, зато остановка почти рядом. Двинувшись к дому, она осознаёт, что опять ведёт себя как Лина. Почему не спросила у водителя, туда ли она едет? Как говорила мама, «тебе легче украсть, чем попросить».

Судя по номеру квартиры, подняться надо всего лишь на

второй этаж. Лина вынимает ключи и открывает оба замка. Нижний ключ проворачивается с трудом. Ага, надо будет личинку сменить. Квартира обычная: большая кухня-столовая и спальня чуть поменьше, вроде бы убрано, пыли нет, хотя, как говорил крёстный, хозяин здесь давно не появлялся. Значит, ключи оставлены кому-то, кто поддерживает порядок, и кто наверняка сдаёт её посуточно или даже по часам, получая дополнительный доход. Лина презрительно морщит свой аккуратный носик. Спёртый воздух, мерзкая смесь застарелого табака, пота и дешёвых духов. Точно дом свиданий! Она набирает крёстного.

– Линочка, деточка, я же сразу сказал, что этот жук квартиру для интима придерживал. Но в последнее время ему не до утех было. На год она твоя, только коммуналку плати. Уборщицу он рассчитал, но замочки, конечно, лучше поменять. Ясно, что баба доход извлекала, чай, не семейный дом. Что имеется из посуды и белья, пользуйся. Если брезгуешь, прокипяти. Всё, пока, не звони мне больше без крайней нужды. Привыкай к самостоятельности. Сама же решила...

Да уж, интим тут был самый дешёвый. Ну, поселил бы тут красотку и пользовался бы. Не дороже бы вышло, чем каждый раз сюда новую шалаву тащить, снова поморщилась она. Видно, клиент крёстного предпочитал брать не умением, а числом, вспомнились слова её почти тёзки. Она оторвала кусок бумажного полотенца и, обернув им руку, начала выдвигать ящики кухонных шкафов. Вот и отвёртка нашлась! Вы-

крутила цилиндр нижнего замка и отправилась по магазинам.

Через два часа вернулась с сумками продуктов и моющих средств, оглядела своё новое жилище и сказала:

– Ну, что ж, начнём с холодильника...

Несмотря на то, что завершила она свои труды далеко за полночь, проснулась Лина рано. Отдёрнула шторы, повешенные накануне влажными, прямо из стиральной машины, и огляделась. А не так уж плохо! Постелила Лина новый комплект постельного белья на кухонном диване, потому что до уборки комнаты руки не дошли, а на кровать просто смотреть без содрогания не могла. Сгоряча хотела новую купить, но потом взял верх трезвый расчёт: достаточно будет сменить пружинный матрас, а кровать помыть дезинфицирующим раствором.

Закрывая входную дверь, обмерила верхний замок, решив сменить и его. Нарисовалась и доверенное лицо владельца: наглая тётка из соседней квартиры, пытавшаяся прорваться мимо Лины, утверждая, что там её вещи. Не то, чтобы Лине было что-то жаль чего-то из хозяйского барахла, но памятуя, что ей нужно меняться, и чисто из вредности преградила ей путь:

– Здесь я живу! Все вопросы к участковому, гнездо порока прекращает своё существование!

– О, одним шалманом меньше! Приятно слышать, – радостно сказал кругленький мужичок в годах, шустро спуска-

ющийся по лестнице вслед за высокой худой женщиной. – Я хоть через этаж живу, но страсти в ключья и до меня долетают!

– Не говори, Дима, вопли мартовских кошек – то ещё испытание для поношенного пожилого организма, – подхватила его попутчица, смеясь.

– Это вы о чём? – подбоченилась соседка.

– Дышала ночь восторгом сладострастья, – ёрнически пропел мужик, вручая Лине визитку. – Если вопросы по правовой части возникнут, звони по-соседски, Алина, – и, развернувшись к соседке. – Серафима, участковый меня ещё с утра обрадовал, что квартира сдана на год официально и даже с временной регистрацией. Так что бизнес твой прикрылся. Охолонись.

Однако! Следователем сосед оказался, судя по визитке. Что же он сам шалман не прикрыл? Холодок по спине пробежал: и участковый её запомнил, когда она в ЖЭУ по поводу регистрации заходила, и соседу почему-то сразу доложил, даже имя назвал. А может, не на неё лично интерес направлен, а этого деятеля положено о соседях уведомлять? И владелец квартиры пока под следствием... так, соберись, Лина, крёстный велел прекратить быть тряпкой!

Лина подхватила пакет с мусором, вскинула голову и пошла к выходу. Но по дороге дважды споткнулась. Ох, нелегко изменить свой характер!

Глава вторая

На следующий день она решила, что полностью обжилась, и теперь пора подумать о работе. Немножко денежек крёстный ей дал на карте, Лина баланс проверила, ещё наличку, что после операции осталась, туда же положила, теперь на несколько месяцев хватит. При жёсткой экономии хватило бы и на год, если бы не было необходимости приобрести гардероб, она ведь приехала налегке. А на работу в одном платье не проходишь. Но работа нужна не только из-за денег, надо общаться и в битве с коллегами закаляться. С её нынешним дипломом – только в школу, но эта стезя не по ней. Значит, что-нибудь простенькое: регистратура, на телефоне сидеть, считать... только не на кассе! Ну вот, она опять себя сама обесценивает, как бы крёстный это назвал.

Эти два дня в Энске Лина топталась только на сравнительно небольшой торговой площади за пятиэтажными домами, где было с десятков небольших магазинов, четырёхэтажный торговый дом «Парковый» и аквацентр. Оттуда один раз доехала до Октябрьского района, там тоже крутилась, в основном, по торговым точкам. Поэтому в поисках работы решила пройтись по своему Московскому району, но выйти к остановке, откуда она впервые начала свой путь в гнездо порока. Сначала стоит пройтись по Московскому проспекту, там наверняка много офисов. Перейдя по зебре к дому печати,

невольно затормозила, залюбовавшись зданием. А ничего такое... старое, явно ещё от Советского Союза, но смотрится неплохо. Чем-то напоминает круизный теплоход с этой стороны. Видно только одно крыло, тянущееся вдоль этой улицы. Советская, вот табличка. Трёхэтажное здание, на углу нашла короткого четвёртого этажа, над ним ещё башенка с мощной металлической конструкцией. Антенна, наверное. Вот эта надстройка и вызывает ассоциацию с кораблём. Да, и вход оригинальный: на углу большая полукруглая площадка, к которой ведут широкие ступени с двух сторон, а ажурные литые перила этих ступеней переходят в такое же ажурное ограждение, идущее по краю этой полукруглой площадки. Внизу под этим ограждением на стене от лестницы до лестницы тянется надпись: «Дом печати приглашает». Под ним три доски: афиша об авторском вечере какого-то перца, объявление издательства «Вышли в свет» и капитальная доска со сменяющимися наклейками «В издательство требуются». А вот это уже интересно!

Сразу в глаза бросается «секретарь-машинистка». Теперь чаще пишут «помощница руководителя», но сути это не меняет. И для Лины работа привычная. Если руководитель старенький или женщина, то возьмут, зарплата там явно не облачная. Ну, а если молодой... так, Лина, опять себя обесцениваешь, соберись. Шустро взбирается по ступенькам, решительно входит в центральную дверь и обращается к охраннику:

– Где тут у вас отдел кадров?

Пожилой охранник отвечает обстоятельно:

– Так нет у нас отдела кадров. Отдел кадров у нас в управлении печати. Это на площади Ленина, знаете?

Лина дёргается, собираясь пискнуть «Спасибо, извините», но потом вспоминает, что обещала измениться, и говорит:

– Мне в «Губернскую газету».

– Второй этаж, правое крыло, – рукой указывает он на направление. – Паспорт имеется?

Насаживает на нос очки, записывает её в какую-то амбарную книгу и возвращает паспорт. Лина быстро поднялась по лестнице и пошла по коридору, разглядывая таблички на дверях. Так, приёмная. Узкая комната, окно во всю стену, под ним два рабочих стола, на которых в беспорядке навалены бумаги. Справа и слева от входа двери. На одной табличка «Заместитель главного редактора», на другой таблички не видно, потому что дверь распахнута, но понятно, что это кабинет главного редактора.

Лина решительно шагнула к распахнутой двери, поздоровалась и спросила о вакансии. Главред был не то, чтобы из тех, кого её личность могла устроить, а так, серединка на половинку. Не старый, но и не молодой, лет этак между сорока и пятьюдесятью. Большого роста, поджарый, с резкими чертами лица. Уверенный, сразу видно, что начальник. Бабушка охарактеризовала бы такого «Видный мужчина». А её «Ми-

нус нге» сказала бы «Не из нашей ценовой линейки мужик». Он посмотрел без особого интереса её документы, спросил, представляет ли она себе, чем ей предстоит заниматься. Лина выложила заготовленное:

– В студенческие годы приходилось подменять подругу в мелкой адвокатской конторе, пол дня она, пол дня я. Там было так: график по часам расписывать, чтобы босс встреч не пропустил, по возможности спихивать посетителей и звонящих на других сотрудников, но не ошибиться в ранге клиента, чтобы важного не отфутболить. Ну, корреспонденцию туда-сюда отправлять-принимать, тексты набирать, чай-кофе подавать.

– Ну... в общем, да, – как-то рассеянно согласился он. Похоже, не произвела Лина на него нужного впечатления, раздумывал, как отказать; тут телефон звякнул, он ответил. – Да... да... но я взял уже! Что я буду врать тебе? Фамилия? Редкая такая фамилия, Иванова. Приди да посмотри, она ещё у меня.

Сунул лист и ручку, продиктовал текст заявления, включая компьютер, вылез из-за стола и сказал:

– Быстренько садитесь и набирайте под диктовку! «Строительный бизнес переживает не лучшие времена...»

Они заканчивали второй абзац, когда в кабинет вошли две женщины: одна фигуристая такая, но лет ей за сорок, вторая примерно в Ленином возрасте. Старшая толкнула младшую к столу, который был установлен перпендикулярно сто-

ду главреда, а сама подошла и нагло схватила Линыны документы:

– Фу, начфак!

– А твоя, Ир, креатура, наверное, филолог?

– Само собой!

– Так что ж ты её литсотрудником не возьмёшь? Не стыдно ей пятнашку в месяц предлагать? Нет, если она печатает быстрее...

Девушка затрясла головой:

– Нет... я двумя пальцами....

– А грамотность? – эта самая Ира, которая запросто указывала начальнику, кого ему секретаршей брать, обошла стол, встала рядом с Линой и уставилась в монитор. – Да, нормально...

Ничего себе, нормально! Да Лина была самой грамотной на курсе! Ладно, лучше промолчать, расстановка сил ей пока неизвестна.

– Продолжим, Алина, – сказал главред. – Ира, тебе ещё что-то?

– Нет, Иван Ильич, спасибо за приют, за ласку, – подталкивая свою ставленницу, обиженно ответила она.

– Что, большая начальница? – простецки спросила Лина своего нового начальника, которого звали, как написано в её заявлении о приёме на работу, Санталов И.И.

– Ирка Медникова, главный редактор «Молодёжной газеты».

– Так вы на одном уровне по должности, а газета ваша даже уровнем выше...

– Наша, Алина, наша с вами газета.

– Я привыкла, что меня зовут Лина, – сказала она. – И можете не «ты» обращаться, возраст позволяет. Так что не так с этой главной редакторшей Ирой, если это не секрет?

– Боюсь я её, Лина, – комически содрогнулся Иван Ильич. – Не призываю тебя тоже бояться, но будь с ней настороже. Акула она. Съест.

Глава третья

В этот же день Лина познакомилась почти со всеми работниками редакции кроме зама, который по какой-то причине отсутствовал. Коллектив был не таким уж большим. Первой в приёмную заглянула арт-директор Лера, так она представилась. Миниатюрная, улыбчивая, на первый взгляд, совсем девочка. А на второй – да она главреду ровесница или около того! И зовёт его запросто по имени. Ну, хоть не Ванькой, а Иваном. Они громко спорили: какие-то рисунки, что-то надо в подвал перенести... Лина не особо вслушивалась, разбирая бумаги на столе. Потом спор затих, Лера вышла от главреда и скомандовала:

– Иван, выбери тут, что для тебя важное, а остальное Лина сгребёт в мусорные мешки. Надо же человеку рабочее место освободить! Развели, понимаешь, сроч. А после обеда я ей всё покажу. Ты извини, Лина, сейчас запара. Если вопросы срочные возникнут, мой кабинет напротив.

Иван Ильич послушно вышел и занялся сортировкой бумаг со стола. Мельком проглядывал, кое-что откладывая, а остальное летело в корзину. Какой-то не такой он начальник. Коллегу боится, подчинённая, хоть и называется каким-то там директором, но явно невелика шишка, а им командует. Может, любовница? Да нет, не так они общались, нет между ними притяжения, Лина такие связи всегда интуитивно

ощущала.

Позже она убедилась, что начальник он строгий и даже злой. На сисадмина рывкнул, когда выяснилось, что кто-то подменил монитор на её рабочем столе; вызвал бухгалтера, чтобы проверить по списку последней инвентаризации, что ещё отсюда утащили; шофёр Владимир Петрович, он же завхоз, от одного его взгляда дёрнулся и взамен унесённого из приёмной кем-то электрокамина приволок и повесил на стену конвекторный обогреватель; один из относительно молодых корреспондентов, когда пришёл с претензией по поводу сокращения своего очерка, вылетел из его кабинета через минуту под рык: «Я не настолько терпелив, чтобы объяснять очевидные вещи!» Лина решила, что он даёт слабину с дамами, но позже услышала, как он, пролетая по коридору, буркнул в ответ на что-то невнятное лепечущий женский голос: «Не устраивает – пишите заявление!»

К вечеру Лера провела её по зданию с экскурсией.

Небольшую надстройку четвёртого этажа с башенкой и антенной над ней занимала, оказывается, телестудия. Весь третий этаж сдавался в аренду разным мелким конторам и предпринимателям: адвокат, риелтор, мебель на заказ, благотворительный фонд, гадалка, секта какая-то, даже частный детектив. А второй этаж занимал владелец здания – издательство. В правом крыле располагались руководство издательства и «Губернская газета», в левом, что тянулось по Московскому проспекту, гнездились кабинеты «Молодёж-

ной газеты», «Городской газеты» и ещё трёх еженедельников, отпочковавших в своё время от «Губернской». Первый этаж под ними занимало кафе «Лилия». Перпендикулярно этому крылу вглубь квартала тянулась одноэтажная пристройка до дома торговли «Парковый». В ней буфет и банкетный зал кафе, который иногда снимали журналисты для своих корпоративов. Кстати, в народе кафе называют «Катамараном», потому что эта стекляшка объединяет два здания. А в правом крыле на первом этаже кабинеты типографии. А от конца этого крыла, что по Советской, параллельно Московскому ещё одна одноэтажная пристройка. Там самые шумные цеха типографии. Все эти здания и пристройки образуют внутренний двор, в который то и дело заезжали машины с грузами для кафе, торгового дома и типографии. Так что самые комфортные кабинеты – те, что выходят на Советскую, в них тише всего, меньше уличной пыли при проветривании. А самое главное – на фасадной стороне хорошо работает отопление. Именно потому эту сторону занимают кабинеты издательства, а помещения «Губернской газеты» смотрят окнами во двор и плохо отапливаются. Повезло только двум сотрудницам газеты, которым единственным достался кабинет с видом на Советскую. Напротив Лениной приёмной дверь в кабинет арт-директора Леры и менеджера по рекламе Лены.

Какое-то неприятное в целом впечатление сложилось от знакомства с сослуживцами. Кто-то выдавил из себя любез-

ную улыбку, кто-то и вообще соорудил гримасу. Особенно гадостный осадок остался от визита в самый первый от входа в крыло кабинет, где сидели трое мужчин, два молодых, в районе тридцати, третий на десяток лет постарше. Благо что кроме их с Лерой вошла в кабинет ещё корректор Оля, принеся какие-то бумажки. Корреспондент Игорь, молодой, но уже слегка оплывший светловолосый мужчина, сразу вызвал в душе неясную тревогу, как будто напоминая кого-то из прошлого. И подтвердил её опасения, приветствовав: «Добро пожаловать в пропагандистское болото!» и вывалив кучу скабрёзностей. Руки пытался распуścić, но тут Лера заставила его отступить, махнув сумкой. Ладно один хамил, но сокамерники его при этом гыгыкали. Этот ещё вслед процитировал:

– Вы привлекательны, я чертовски привлекателен, так что время терять?

Женщины отступили к дверям, но Лина вдруг опомнилась: это что же, снова уступаю? Вернулась, перегнулась через стол, заглянула под него и сказала:

– Кто-то из вас врёт, или ты, или твой ма-а-аленький дружок. Или я недостаточно привлекательна, или ты чертовски привлекаться не способен.

Сразу отреагировала Ольга, тоже заглянула под стол и захохотала:

– Правда твоя, тут стандартные ответы на анкету: нет, нет, не состоял, не привлекался!

– Зря ты с ним так, – покачала головой Лера, когда они оказались в коридоре. – Редкая погань, сынок заместителя мэра. Я зову его мэрский сын. Непременно отомстит.

– Что ж теперь, всем сынкам позволять хамить?

– Ладно, отобьёмся.

Началась притирка к новому месту. Вполне естественные вопросы тех коллег, которые желали с ней общаться, нельзя было оставлять без ответа, поэтому она сразу ответила, что ехала с севера в соседнюю область в гости, попала в аварию, потом из травматологии загремела в ковидный госпиталь, на родину решила не возвращаться, потому что родни у неё не осталось, вот и приехала в Новогорск, поскольку соседка по больничной палате предложила ей съёмную квартиру. Почему не осталось родни? Бабушка её растила, родителей нет давно. Теперь и она умерла.

На родне неоднократно прокалывалась. Могла в разговоре сказать: "Мой дедушка по такому поводу говорил..." А на возражение: "Ты же говорила, что никого кроме бабушки из родни не знала!", приходилось выкручиваться: "Он двоюродный брат бабушки, родня не близкая, да и умер давно!" Почему-то больше всех на такие проколы обращал внимание Игорь. И в этом случае он поглядел недоверчиво и спросил: "А как звали твоего дедушку?" Почему-то у неё вырвалось "Мардарий". Почему-почему, да потому что настоящее имя называть не хотелось, а звали её родного дедушку Алексей, а ещё был у Лины однокашник Лёшка, который хохмил: "Бу-

дуг у меня два сына, назову их Харлампий и Мардарий, сокращённо Харя и Морда". Игорь как будто её мысли подслушал и протянул: "Это как же его сокращённо звали?" Ну, Лина ответила, что бабушка звала брата Марик. Так он не успокоился, стал дальше расспрашивать, кем был. Пенсионером он был, вот! А до этого... пчеловодом! Ну это прокол, на севере, наверное, и пчёл-то нет. Да откуда ей знать про пчёл, её родной дедушка был правоведом, доктором наук.

Телефонные звонки на общий телефон были не столь частыми, но какими-то бестолковыми. Чаще доставали пожилые граждане. Через пару дней Лина стихийно включилась в раздувание ситуации с жалобой по телефону. Жалобщица была очень интеллигентной, но с такой болью говорила о допущенном ляпе, что Лина прониклась к ней сочувствием. Теоретик из музыкальной школы по просьбе всё ещё отсутствующего зама главреда неделю назад передала ему информацию о работе детской филармонии при школе по телефону. Мероприятие было посвящено русским композиторам восемнадцатого века, и Сергей Сергеевич одну из фамилий записал как услышал: Портнянский. Так и напечатали. Лина не знала, кто должен был проверить это: корректор ли, ответственный секретарь, но понимала, что вина на газете. Переадресовывать на начальство звонков она не стала, боясь, что это будет воспринято как стукачество. Успокаивать эту очень интеллигентную, судя по речи, даму пришлось минут двадцать. Через некоторое время подошёл Мотылёв, ответ-

ственный секретарь, сильно пьющий дядечка предпенсионного возраста, уселся у дверей, закинув ногу на ногу. Вышел Илья Ильич, сел с ним рядом.

– Ну, я не представляю себе, как мы можем исправить эту ошибку, – простонала Лина. – Поправка? Извинение перед покойным Бортнянским? Кроме ваших коллег, да и то не всех, этой ошибки никто не заметил. А давайте лучше опубликуем программу вашей детской филармонии на год, где все фамилии будут без ошибок? Я в музыкальной школе училась, даже знаю, что Фомина Евстигнеем звали. Обещаю лично проверить все персоналии. Это будет и реклама, и приглашение организованных групп из школ области на ваши концерты!

– Бесплатное объявление, – громко сказал Иван Ильич.

– Мы предлагаем вам бесплатное объявление.

– Да, – выдохнула музыкантша. – Я узнавала, это дорого.

А вы точно опубликуете бесплатно?

– Скиньте на почту, организуем в ближайшее время.

Когда Лина положила трубку, Мотылёв подошёл, взял её руку и поцеловал:

– Деточка, я такого вежливого разговора в этих стенах не слышал вообще никогда! А почему вы так терпеливо с ней общались?

– Преподаватели музыкальной школы вообще люди культурные, но обездоленные как все бюджетники. Ну, духовики и баянисты, а из струнников гитаристы – эти побойчее, они

подработать могут. А где может подработать преподаватель музыкальной литературы? И на такого человека мне ли терпения не набраться?

– Как тебе, Вань?

– Мы сработаемся, – хлопнул по коленям главред. – Это тебе не дочки-сыночки, которыми учредитель нам всю редакцию загадил. Что, недаром я вас вызвал?

Оказывается, он с самого начала подслушивал, да ещё Мотылёва пригласил!

В этот же день познакомилась она с женой босса Мариной. Та зашла, не представившись, когда Лина, шевеля губами, проверяла набранный текст, а Иван Ильич бушевал в своём кабинете, ругаясь на кого-то по телефону.

– Страшный у вас шеф? – сочувственно спросила Марина.

– Да нормальный он дядька, – не отрываясь от текста, махнула Лина рукой.

Марина захохотала:

– Тебе сколько годочков-то?

– Д... двадцать два, – с запинкой ответила она.

– Ну, правильно, тебе он дядька, в отцы годится. Но, извини, выглядишь ты старше.

Ещё бы, ей ведь на самом деле уже двадцать шесть. Но этой гостье можно было и не хамить! А она распахнула редакторскую дверь и, пока Лина испуганно выбиралась из-за стола, выкрикнула:

– Вань, хватит лютовать!

Через пять минут они уже обнявшись направлялись на выход. Иван Ильич, поправляя шарф перед зеркалом, на ходу представил их друг другу. И Лина простила Марине бестактность насчёт возраста за эту их лёгкость в супружеском общении, о которой мечтала сама.

А вот зам, появившийся через неделю то ли из отпуска, то ли с больничного ей не понравился. Она понимала, что будет здесь «службой двух господ», но всё-таки предполагала, что главным будет Иван Ильич. Но Сергей Сергеевич всячески отстаивал свою «главность», требуя отложить главредовские статьи и срочно печатать его деловые бумаги: приказы, инструкции, ответы на запросы вышестоящих инстанций и так далее. Даже странно, что оба начальника, не старые ещё мужики, очень не дружили с клавиатурой. Иван Ильич предпочитал писать от руки или диктовать Лине, а потом требовал распечатать и правил ручкой. А Сергей Сергеевич вообще ничего сам не печатал, хотя компьютер у него на столе стоял, причём наикрутейший. Симпатия Лины была на стороне главного, хотя она понимала, что формально прав всё-таки зам, секретарша она, а не машинистка. Но большие тексты были ей интересны самой, несмотря на то, что с литературным творчеством она завязала с тех пор, когда Толик влез в её ноутбук и прочитал вслух, гогоча и комментируя её незавершённую повесть «Лена формирует характер».

А расстановку административных сил Лине разъяснила Лера: Иван Ильич до того, как возглавил газету, работал от-

ветственным секретарём. Они тогда с Мариной только поже-
нились, и тесть где-то в областной администрации служил.
Когда старый главред собирался на пенсию, Сергея Сергее-
вича из какой-то другой сферы сунули к нему замом, чтобы
он здесь малость пообвык, а потом сменил старика на посту.
Но потом что-то у него не срослось: не то старик в верхах
о нём плохо отозвался, не то покровители оказались недо-
статочно сильны, но место вдруг предложили Санталову. А
зам журналистом так и не стал, кроме коротких «информа-
шек» ни разу ничего не наваял. Теперь уже, спустя почти де-
сятки лет, ему это место не светит, потому что возраст при-
ближается к пенсии. Зато на эту должность нацелилась Мед-
никова. Она атакует Ивана Ильича с двух сторон: и в койку к
нему рвётся, и кресло его занять. Отчества её никто не зна-
ет, потому что Ира позиционирует себя как европейку, хотя
для русского человека на пятом десятке обращение по име-
ни звучит несолидно.

Глава четвёртая

Хотя Лина приступила к работе в середине февраля, в редакции уже только и разговоров было, что о женском празднике. Намечался корпоратив в последний рабочий день перед праздником, скидывались на застолье, договаривались о концертной программе. Было решено готовить по номеру художественной самодеятельности от каждого отдела редакции. Лера и Лена позвали Лину к себе в компанию:

– Не будешь же ты с двумя своими соседями объединяться?

– Я, может, и не против, но начальники едва ли согласятся, а женщины от зависти мне волосёнки повыдёргивают, – засмеялась Лина. – Есть у меня задумки. В студенческие годы мы подобный номер показывали, переделать под редакционные реалии – дело одного дня. Но, наверное, ещё один человек нужен.

– Ольгу пригласим, она тоже без компании.

Перешёптываясь и хихикая, они две недели подбирали реквизит. В ожидании был весь коллектив.

Праздновали в банкетном зале «Лилии». Меню было на уровне, да и таланты у редакционных работников были очень даже. Прекрасно пела романсы главбух издательства, а Иван Ильич аккомпанировал ей на гитаре. Ответсек Мотылёв, предпенсионного уже возраста мужик, мастерски чи-

тал Зощенко. Алиса, Милана и старший из соседей Игоря по кабинету подготовили на удивление красивый танцевальный номер «Танго втроём». Лина даже засмушалась, что их номер будет смотреться пошлой и примитивной самодеятельностью, и хотела предложить соседкам не выступать, но тут Сергей Сергеевич завопил:

– Эй, а где мои болотные сапоги?

– Айн момент, – подмигнула ему Лера. – Сейчас всё будет.

У них всё заранее было разложено в пакеты с надписями, чтобы быстро переодеваться. Девчонки отнесли их в отгороженный старой шторкой угол, Лина вернулась и развалилась в кресле, положив ногу на ногу. Игорь отпустил пару сальных шуточек по поводу этих ног, но она не прислушивалась, волнуясь по поводу предстоящего выступления. Девчонки подали сигнал, что готовы, Лина взяла в руки микрофон и загнусавила:

– Дом моделей «Энский шик» представляет коллекцию деловой одежды специально для журналистов. За время пандемии мы успели соскучиться по деловой униформе, поэтому теперь с удовольствием носим ее не только в будни, но и по особым случаям. Предлагаемые вам образы будут актуальны не только в рассмотренных нами ситуациях, но найдут применение на пляже, в офисе, на приёме и банкете. Итак, первая модель – базовая. Она создана под девизом, сформулированным в «Песне журналистов»: «Трое суток шагать, трое суток не спать»...

Длины Лениных ног не хватило на то, чтобы полностью растянуть голенища болотных сапог, поэтому она шла, придерживая голенища на бёдрах.

– Почему «трое суток шагать», зададим мы себе вопрос. Легче всего на него ответит наш водитель, экспедитор и просто гений в ремонте автотранспорта Владимир Петрович. А мы сосредоточимся на обуви, в которой вы будете шагать. Универсальный дизайн и прочность – главные причины, почему эта модель и дальше будет завоевывать все новых и новых поклонников. По сельскому бездорожью – извольте! Репортаж со стройки – без проблем! Даже перейти через вечную лужу на Октябрьской площади вам удастся без урона для гардероба. Обратите внимание, как решена проблема тары, ведь модная и эффектная сумка для женщины является как важным элементом безупречного образа, подтверждающего наличие превосходного вкуса и собственного стиля, так и немаловажным функциональным элементом в гардеробе прелестных дам. А здесь её функцию как одного из важнейших женских аксессуаров, берёт на себя наша универсальная обувь.

Лена разжала левую руку, и из спустившегося голенища посыпались кошелёк, косметичка, штопор, пачка соли, удостоверение, щётка и ещё разные мелочи, которые ей удалось туда запихнуть. Потом она отпустила правое голенище, и на пол выпала одинокая, но яркая упаковка на 50 презервативов.

– Ах, извините, это относится ко второй части девиза: «Трое суток не спать».

Переждав ржанье публики, Лина продолжила:

– Если уж речь зашла о средствах защиты, мы не можем не затронуть тему безопасности журналистов, что и раскроем в следующих моделях. Представляем комплект одежды и аксессуаров под названием «Зарплата 2021».

Миниатюрная Лера вышла в пиджаке, который она просила у толстого сисадмина Андрея. На верёвочке она тащила за собой пластмассовый танк своего племянника. На плече у неё висело его же деревянное ружьё.

– В новом сезоне чулочно-носочные изделия используются не как способ согреться в холода, а в качестве стильного аксессуара. Самый важный принцип – выбирать максимально яркие и контрастные модели, которые, на первый взгляд, выбиваются из образа. Если же вы предпочитаете классический гардероб, присмотрите себе лаконичные коричневые модели.

Лера перекинула со спины на грудь пришпиленный к плечу бабушкин чулок, набитый бумагой и перетянутый резинкой. Из-под резинки торчали банкноты банка приколов.

– Не правда ли, удачное использование контраста в образе? С одной стороны, кошелёк в стиле кантри, говорящий о хозяйке как о состоятельной, но простодушной девушке, с другой стороны арсенал, входящий в комплект, сигнализирует, что она может постоять за себя и за свою огромную зар-

плату. Ещё один защитный элемент: под модным уже многие годы пиджаком в стиле оверсайз скрывается новинка сезона – кевларовый жилет.

Под бурные аплодисменты Леру сменила Оля в широкой топорщащейся юбке.

– Тенденции проносятся перед нами с мимолетной скоростью, однако понятия «стиль» не существовало бы, если бы помимо горячих трендовых новинок не было вневременных вещей, которые актуальны не только спустя несколько сезонов, но и спустя несколько лет. Именно такие часто и составляют основу и тот самый пресловутый базовый гардероб, которым желают завладеть все. Юбка миди – модель на все времена. Этот образ мы назвали «Спугни козла». Изюминкой его является тот защитный элемент, что скрыт от глаз, но проявляет себя в полный голос, если интервьюируемый оказался козлом. Вот трепетная и нежная как аленький цветочек журналистка ждёт встречи с большим начальником, чтобы задать ему вопросы, волнующие наших читателей. А вот хамоватый начальник, который для налаживания контакта непринуждённо шлёпает наш цветочек по попе. Андрюша, изобрази начальника!

Андрей встаёт и нерешительно идёт к Оле. Его опережает Игорь, со всех сил пытаясь двинуть по пышной юбке, чтобы пробить тряпичную защиту. Звучит металлическое: «Бом!». Если бы знали коллеги, столько металлических предметов девчонкам пришлось перебрать, пока они не добились тако-

го почти колокольного звона от подвешенных друг на друге подноса и противня!

– Новинка сезона, защита с сигнализацией! И не думайте, что девушка защищена только с тыла, прикрыты все стратегически важные места. Моделечка Олечка, покажи дополнительную защиту!

Оля приподымает юбку, демонстрируя большую сковороду, висящую впереди, и уходит под смех и выкрики коллег. Снова выходит Лера, на этот раз она в мини-юбке и обтягивающей мощный бюст блузке с нескромным декольте.

– А если интервьюируемый не козёл, а олигарх? Тогда перед девушкой стоит задача противоположная: не защищаться, а нападать! Итак, после долгого правления длины миди мы постепенно отходим от золотой середины в пользу смелых и красочных мини-юбок, длина которых теперь достигает экстремальной высоты. В новом сезоне – никаких предубеждений: будьте уверены, что такие модели подходят девушкам с любыми формами. Как говорится, скромность украшает девушку, но зачем девушке лишние украшения? Итак, модель «Охота на олигарха». Разве не позовёт он такую журналистку разделить с ним свои миллиардерские радости и печали? Ну, а не позовёт, так у неё есть стратегический запас, чтобы без потерь вернуться в родную редакцию!

Лера запускает руку в декольте, достаёт оттуда кофточку, шапочку, медицинские бахилы и зонтик, встряхивает за плечи ставшую свободной в груди блузку, и под мужские кри-

ки: «Лера, какое богатство потеряла!» одевается и уходит. На смену ей выходит Лена с косыночкой на голове, в бабушкиных панталонах и коротком дочкином сарафане, не прикрывающем пятую точку.

– Ещё один образец модели того же названия, но в варианте «а ля простушка». Сельская наивность всегда в тренде! Обратите внимание на кокетливо подвёрнутую левую штанину, подчёркивающую противоречивость и сложность девичьей души! С одной стороны – открытость и простодушие, с другой – строгость маминого воспитания. Объект охоты, отказавшийся от предыдущего варианта, обязательно клюнет на этот! А теперь вернёмся в офис. Вы заметили, что все комплекты, представленные ранее, были подчёркнуто, я бы даже сказала, агрессивно женские. Вот единственный образ этой коллекции в стиле унисекс, подойдёт как девушке, так и юноше. Встречайте, комплект офисной одежды «Дом печати, северная сторона»!

Под смех публики появляется Оля, завёрнутая в ватное одеяло.

– В данном конкретном случае, чтобы обозначить пол модели, мы использовали бусы. Посмотрите, как оттеняют гранаты голубой цвет тёплой накидки! Можно использовать броши, кулоны, а также акцентировать талию ярким поясом или косынкой под цвет украшений. А если этот фасон использует мужчина, его мужественность подчеркнёт свободный узел галстука, армейский ремень и курительная трубка.

Отдельный совет хотелось бы дать мужчинам по цветовой гамме. Если девушка в этом образе может позволить себе всё, то представителям сильного пола я бы не рекомендовала розовый и голубой цвета. Итак, мы завершаем показ. Напоминаем, что эта коллекция получила третью премию на неделе высокой моды в селе Ярцево! Пишите, звоните, приезжайте, покупайте!

После праздника Лину приняли в коллективе за свою. Не только те трое, с кем она подружилась на этапе репетиций, но и остальные стали общаться с ней запросто, без надменных мин. Бухгалтерия как-то затащила к себе и попросила совета, как прикольно поздравить главбуха, и Лина в порыве вдохновения написала акrostих на её имя. А сама главбух оказалась Лининой соседкой, той, что проходила мимо неё в тот момент, когда она давала отпор Серафиме. Она жила в квартире над её гнездом порока и познакомила её с некоторыми жильцами их подъезда, после чего дом стал ей как-то родней. К тому соседу, что в первый день вручил ей визитку, она как-то осмелилась обратиться с вопросом по поводу одной анекдотичной судебной истории, о которой ходили слухи, а Иван Ильич собирался упомянуть в своей статье. Тот, заручившись её уверением, что сослаться на него она не будет, эту историю подправил от наслоений, возникших при пересказе, и вспомнил ещё несколько подобных. Лина оживлённо поделилась с начальником, а он предложил ей изложить это на бумаге «с присущим ей юмором».

– Так не наш формат, босс, – отреагировала она.

– У Витецкого опубликуем.

Этот Витецкий был из интернет-издания завода и вызывал у неё неприязнь ехидными подковырками, да и внешне: лысый, тощий, морщинистый, какой-то облезлый; но Санталов всегда отзывался о нём уважительно. Знакомство их, похоже, было с молодости, потому что звали они друг друга кличками: Вития и Сатана. Ну что ж, Лина набросала текст и отослала после одобрения Ивана Ильича. При очередном визите в редакцию Витецкий как-то кисло ей сказал:

– Ничо так у тебя выходит. Если сама будешь расти, Сатана тебя повысит.

То ли похвалил, то ли съехидничал. Но сердце дрогнуло: а вдруг с журналистикой получится?

Глава пятая

В ночь на восьмое марта Лина проснулась от стука. Что за чёрт? Такое впечатление, что стучат в окно. И писк. Кошка, что ли, на лоджию свалилась? Лина со вздохом поднялась с дивана (она всё ещё спала на кухне, брезгуя кроватью, хоть и отмывала её хлоркой) и подошла к балконной двери. Ничего не видно. Приоткрыла дверь и вышла на незастеклённую лоджию. Прислушалась. С соседней лоджии донёсся негромкий стук и всхлипывание: «Вова, открой!»

– Что там у вас? – хрипло спросила Лина.

В ответ тишина. Соседняя квартира относилась к другому подъезду, поэтому Лина не знала, кто там живёт. Подошла к перилам, заглянула: лоджия не застеклённая, как и у неё, так что скорее всего квартира куплена под съём. Свет в окне не горит, но уличное освещение позволило разглядеть полураздетую девичью фигурку.

– Ну, что случилось?

– Вова... выгнал. Он, наверное, заснул... он выпивши.

– Ну так стучи сильнее. Или окно выбивай. Мороз сильный, замёрзнешь.

– Он со зла может убить...

– О, господи! На перила забраться можешь? Или полицию вызвать?

– Лучше на перила...

– Подожди, я табурет подам.

Лина вынесла три табуретки. К ножке одной привязала верёвку и передала соседке: «Потом мы её за верёвку назад втянем». Две поставила к перегородке, на одну из них встала сама и ухватилась за перегородку между лоджиями: «Вот я, лезь, подстрахую!»

Сначала показалась рука, судорожно вцепившаяся в перегородку, потом нога, переступившая на перила Личиной лоджии. Лина подала соседке руку, та ухватилась за неё, второй продолжая держаться за стену. Некоторое время они стояли, боясь сдвинуться с места, а потом соседка сказала: «Отодвинь, прыгать лучше на пол». Лина откинула табурет ногой, и соседка рухнула на освободившееся место.

Проводив гостью, которая представилась Полиной, в ванную и снабдив полотенцем, Лина вернулась, чтобы забрать табурет с соседской лоджии. Потянула за верёвку и почти ухватилась за ножку, но чересчур резко дёрнула, и петля с ножки соскочила. Табурет ударился о заснеженные отмоски, негромко стукнув. Пришлось одеваться и выходить на улицу.

Лина запрокинув голову, поглядела на балконы второго этажа, и решила попутать неизвестного ей пьяного злого Вову. Она залезла на решётку, прикрывающую подвальное окно, и прыгнула в сугроб, провалившись в него по пояс. С трудом выбралась, подобрала табуретку и побежала домой. Глянет Вова вниз – а там следы от рухнувшего тела!

Проспавшийся Вова вниз взглянуть не догадался, найдя версию куда более правдоподобную – соседский балкон. И явился к Лилиной двери. Он звонил и барабанил в хлипкую дверь, выкрикивая угрозы в адрес хозяйки и гости. К счастью, участковый жил в соседней башне и по звонку Лилины явился быстро. Запущенный в квартиру, он выслушал рассказ о ночных приключениях и поволок Вову по месту жительства. Там он вывел его на балкон и ткнул пальцем вниз:

– Вот! По травматологическим отделениям поищи!

В общем, испортили девушки женский праздник мужикам. Вова собрал вещички и съёрнул к маме в деревню со съёмной квартиры, а участковый, прихватив Полинину одежду, вернулся к девушкам и, проговаривая беззвучно слова, не сочетающиеся с образом защитника правопорядка, повёз Полину в кризисный центр. Лилина предлагала ему оставить девушку на время у неё, но он отрезал:

– Он вернётся, как только добавит, – а Лилине шёпотом, пока гостя обувалась, пояснил. – Ты что, не видишь, кто она!

Лилина прицепилась к нему, а потом задержалась в этом приюте скорби почти до вечера. Она записала на телефон разговоры с временными обитательницами и сотрудниками центра, волонтёрами и приехавшими по вызову сотрудниками «Скорой помощи» к одной из пришедшей просить убежища. Впечатления были столь сильны, что Лилина долго не могла заснуть, а потом несколько раз просыпалась из-за кошмаров. Утром Иван Ильич долго разглядывал её помятое лицо,

а потом удивлённо спросил:

– Что, праздник удался? После корпоратива застолье продолжалось ещё три дня?

Вздыхнув, она поделилась впечатлениями и даже включила несколько записей.

– Это тема, – кивнул он. – Сама раскопала, сама разовьёшь. Не спеши, мысли должны в голове утрамбоваться. Месяц тебе сроку. Монологи максимально сократить, сделав убойными. И комментарии соберёшь: от психолога, от полицейского, от учителя... помнишь, там одна из жертв номер своей школы назвала? От старушки и от старичка, от подростков, от бизнесвумен. Обращение к общественности с просьбой о помощи. Одежда, питание, трудоустройство, психологическая и юридическая помощь.

К концу марта Лина поняла, что в семье Санталовых что-то не в порядке. Перестала забегать к мужу Марина, а он стал чаще появляться с признаками «после вчерашнего». Вероятно, что-то могла сказать по этому поводу Лера, но не говорила, потому что умная. Лина тоже неглупа, поэтому предполагала, что какую-то роль в этом сыграла Ирка Медникова.

Один раз Иван Ильич даже не смог присутствовать на административном совете в мэрии, куда накануне намеревался пойти. Вышел из своего кабинета, посмотрел на себя в зеркало на дверце шкафа в приёмной, вздохнул и сказал:

– Пройди-ка по кабинетам, скажешь мне, кто сейчас из литсотрудников на месте.

Вернулась, доложила, благо их в стенах издательства всего двое оказалось. Главный опять тяжело вздохнул:

– Лина, у меня к тебе просьба. Я в мэрию сейчас отправлю эту... Милану. Пойдёшь с ней.

– Иван Ильич, что я там смогу сделать? Я на такого рода мероприятиях никогда не была, знать там никого не знаю...

– Знакомства и не требуется. Милана в городском бомонде как рыба в воде. Тексты всех выступлений она у мамыши своей возьмёт, интервью у мэра – без вопросов. Твоя задача именно в том и состоит, чтобы дать свежий взгляд на незнакомое тебе болото с неизвестными обитателями. И несколько реплик от городских депутатов. Да, тебе же удостоверение редакционное надо... ну, возьми у Лены.

С чужим удостоверением и в незнакомой обстановке Лина чувствовала себя полудохлым жирным карасём, выброшенным волной на берег, в то время как золотая рыбка Милана изящно вертела хвостом и плавниками среди солидных мужиков и тщательно причёсанных дам в строгих костюмах. Это она и пробормотала в диктофон во время перерыва, присев в коридорном тупике первого этажа. Заодно охарактеризовала выступление мэра: «Этот дятел долбил, что главное направление – благоустройство Октябрьского парка. Ага, дорожек там плиточных не хватает, фонтана и торговых палаток! Лучше бы улицы в порядок приводили!» Потом вспомнила, что надо мини-интервью взять, в своей обычной манере постеснялась обратиться к мужчине, выбрала женщину

постарше и заговорила с ней. Женщина оказалась директором школы. Она так горела возмущением по поводу приоритетов, обозначенных городской властью, что они проговорили весь перерыв, и решили продолжить в следующем. Лина отсела в дальний конец зала и стала бормотать в диктофон свои комментарии. В очередной перерыв они снова сцепились языками с новой знакомой, а потом она же помогла Лине выполнить редакционное задание, подведя к ней ещё троих депутатов от своего района.

Вернувшись в редакцию, Лина застала у главреда его приятеля Витецкого. На вопрос босса о впечатлениях она хмуро отрезала:

– Матерные! Сейчас расшифрую и отдам!

И уселась за компьютер. В первую очередь напечатала реплики депутатов, отдала их и глубоко задумалась, что из того, что высказала о высоком собрании, можно вынести на публику. Увидев муку на её лице, вредный Витецкий без всякого стеснения схватил диктофон и понёс его в кабинет Санталова:

– Не надо причёсывать, мы и так разберёмся.

Возмущённая Лина влетела следом за ним, но Иван Ильич остановил её, приобняв.

– Нормально всё, Лина, сообрази-ка нам чайку.

Она плюнула и пошла за водой. А когда вернулась, то, открыв дверь, чуть не уронила чайник: из-за двери главреда несло басовитое мужское ржание. Лина обиженно поджала

губы, но тут, как почувствовав, из кабинета выглянул Мотылёв и, вытирая слёзы, сказал:

– Линочка, деточка, «тараканы в голове помвоенкома отработывали строевой шаг и задавали ритм всему залу» – это я никогда не забуду! А как ты городского начальника управления культуры... рыдаю, Лина! А уж «пенёк с глазками»...

– Солнце моё, ты сделала мой день, – отодвигая Мотылёва и выходя в приёмную, сказал Витецкий. – Значит, так, убираем личные оскорбления, прелестные по сути, но недопустимые в прессе, и пишем мне «Заметки не постороннего» знаков на тышчонку. Иван возражать не будет, это не его формат.

– Но сначала готовишь авторскую статью от имени этой директрисы, – отозвался из кабинета Санталов. – Нет гарантии, что учредитель согласится такое напечатать, но хотя бы попытаемся. Если зарубят, пристрою куда-нибудь всё равно. Растёт смена, а, Вития?

– Да только не твоя, – закончил Витецкий. – Согласись, мой стиль. Вообще складывается впечатление, что мы с Линочкой из одной песочницы. Ты какое учебное заведение заканчивала? Я – филфак Уремовского университета.

Эх, а ведь прав этот хрыч, вуз у них общий. Но приходится ответить, что училась она далеко на севере.

– А может, родня? – предполагает Мотылёв. – Вы глазами похожи. Разрез и цвет.

– Ага, похожи, – ворчит под нос Лина, выходя в коридор. –

Как свинья на быка, только шерсть коротка, как говорила моя бабушка.

Даже смешно, как можно было найти что-то общее во внешности щуплого, круглолицего с мелкими чертами Витецкого и полной Лины с её овальным лицом и высоким лбом. И большим носом... ой, нет, нос уже в прошлом.

А ведь удалось ей напечататься. У Витецкого под псевдонимом, в своей газете от имени директрисы. Но всё-таки! Кстати, она у неё ещё и по теме семейного насилия комментарий взяла.

Спустя несколько дней после публикации Лина, опаздывая на работу, обогнала на входе Мотылёва. Он придержал её за рукав:

– Деточка, не надо так спешить.

И в своей обычной манере неторопливо стал рассказывать свои бесконечные байки о газетных ляпах, начиная с публикации в Московской областной газете «Ленинское знамя» периода коллективизации, когда подборка материалов об изъятии продуктов птицеводства у единоличников вышла под шапкой «Вырвем с корнем яйца у кулака!» Лина звонко расхохоталась, совсем забыв о том, что опаздывает. И простояла ещё несколько минут, пока он ворочал ключом в вечно заедающем замке и досказывал очередной анекдот. Когда они наконец расстались, и Лина понеслась к приёмной, Алиса, воркующая с Игорем у соседнего кабинета, её поддела:

– Сдаётся, ты у нас геронтофилка! Вечно со старичками

обжимаешься.

Лина фыркнула:

– Ну, если выбирать между твоими и моими объектами внимания... а что тебя, кстати, прежде всего привлекает в мужчине?

– Ха, элементарно: рост, пресс, манеры, одежда.

– А по мне, так самый привлекательный орган у мужика – это мозги!

У Игоря желваки на скулах заходили, понял, в чей огород камушек. Из приёмной Лера вынырнула:

– Здорово сказано.

– А главное – обнадеживающе, – пробормотал Иван Ильич, сидя в своём кабинете, и громче добавил. – Лина, я там тебе задание на столе оставил.

Глава шестая

В левом крыле Дома печати затеяли ремонт. Начался он с кабинета главреда «Молодёжной газеты». Не велика птица, могла к собственному заму подселиться, но для неё нет преград, и она разместилась в переговорной издательства, большом зале на три окна, следующем за их приёмной. Ох, и доставала же она соседей! Медникова словно специально дразнила Ивана Ильича, да так, что он от неё прятался. Раньше ключ от его кабинета лежал у Лины в тумбочке, но теперь он попросил Лину держать его у себя в сумке. Как раз сегодня Лина убедилась, что, хоть Иван Ильич и злоупотребляет горячительным, но Иркины ходы просчитывает безошибочно.

Она появилась в приёмной в начале десятого, ещё только Лина вставила наушник, чтобы расшифровать очередной текст Санталова, наговоренный на диктофон.

– Лина, открой кабинет, в переговорной директор издательства гостей принимает, а мне надо пообщаться с посетительницей.

– Не было такого указания, – не скрывая неприязни, ответила она.

Медникова подошла к тумбочке и стала копаться в ящике:

– Где ключ?

– Иван Ильич забрал после того, как вы там побывали.

– Тогда выйди в коридор, нам надо поговорить.

– Это МОЙ рабочий кабинет, и это МОЯ работа, которую я не собираюсь откладывать ради болтовни посторонних. Идите в ВАШИ кабинеты, у вас их предостаточно.

– А, ладно! Присаживайся, Маша, – Ира плюхнулась на стул у двери и похлопала рукой по соседнему. – И вот что я тебе скажу. Не буду врать, что читала, рукопись я твою просмотрела по диагонали. Что я могу сказать? Да всё нормально: грамотно написано, сюжет несколько э... извилист, так скажем, но вполне занимателен. И читатель на твой текст найдётся...

– Но? – прервала её Маша, женщина чуть постарше Лины, а может, и не чуть, Лина всегда выглядела старше своих лет, да к тому же не привыкла уделять много времени уходу за собой, а эта была и при макияже, и одета дорого и продуманно.

– Но. Да, есть но. Скажу тебе честно, меня на определённом этапе жизни заинтересовала эта деятельность – писательство. Любовный роман – именно та тема, в которой мы, женщины, имеем простор для творчества и факты из жизни можем на бумагу выплеснуть. Я даже не только какие-то сюжеты наметила, а прямо-таки в процессе стирки, уборки и готовки фабулу одной повести продумала. Правда, на бумаге или в ворде изложить не успела, прежде решила с подобными текстами познакомиться. И поняла, что доходов это дело не принесёт, потому что сейчас этим буквально забиты электронные библиотеки. Забила, соответственно, и я... на

это. Твоя мама попросила меня выступить консультантом, я к ней очень хорошо отношусь, поэтому прими то, что я тебе говорю, без обид. Вот сжатая формула этой продукции. Первое и главное: история Золушки. В тех или иных вариациях. Ну, то есть для затравки непременно надо, чтобы пару разделяла социальная пропасть. Чтобы его родители называли её, такую юную, неисторченную, красивую и умную, плебейкой. Кстати, откуда бы в нашем обществе аристократам взяться? Папаня или сидел на бюджетных потоках, или в девяностые рекетирствовал – и вот его сынок графом считается. Этот граф непременно уже всех столичных красоток оттрахал, и даже с пригородами. А она такая невинная, а он её долго и упорно соблазняет. Технология соблазнения – в зависимости от вкуса. В прежнем литературоведении считалось, что эротичнее всего недомолвки, ибо читатель домысливает подробности сам, и из классиков самым эротичным считался Тургенев. Я бы поступила по более современной формуле Аверченко: «И всё заверте...» Но, если всё же писательница желает передать свои влажные мечты, рисуя словами, советую свои воспоминания умножать на четыре, так как её сексуальный опыт домохозяйки не может быть эталонным. Дальше. Он, пресловутый граф. Миллиардер и олигарх. Возраст от тридцати до пятидесяти. Мускулатура – во! Кстати, видела когда-нибудь миллиардеров и олигархов? Ну, по телевизору хотя бы? Вообще богатых людей, да чтобы без брылей и пивного живота? На мой взгляд, живот – признак

довольства жизнью. А вот изнурение собственного тела с целью усовершенствования – признак недовольства, а следовательно, любовник он хреновый, потому что в любви склонен получать, а не отдавать. Очень модно в этом жанре в качестве героя-любовника описывать восточного человека – араб, турок, в крайнем случае кавказец или татарин. Я объясняю это вполне понятным, но нездоровым женским интересом к тому, как это мужик расстался с фрагментом самого ценного? Ну, и последствия соития – беременность и дети. Если беременность, то с патологией и поддельным ДНК. Если дети, то в три года имеют лексикон женщины средних лет. В моде близнецы и двойняшки, в последнее время появились тройняшки, четверняшек пока не встречала. И почему-то этому мужику, бросившему бабу с животом, через несколько лет дети вдруг становятся нужны, хотя в жизни чаще бывает наоборот: сначала на детях настаивает, а когда пищащее чудо мешает спать и его надо вытряхивать из неароматных памперсов, он сдувается, мол, не готов. Возможен вариант беременности вследствие изнасилования, но потом он исправился и полюбил свою жертву, и она его тоже полюбила, извращенка этакая. Да, не забыть ещё один вариант любовной пары – служебный роман. Он – руководитель, она – подчинённая. Чаще всего секретарша...

Лина прыснула. Медникова удостоила её взглядом и фразой:

– Марина сказала мне, что ты Санталова дядькой зовёшь.

Это глупо. И он ещё о-го-го, и ты не принцесса. Но на романтическую пару вы точно не тянете. Переходим к второстепенным героям. Соперница – яркая красотка, вероломный друг героя, который покушается на скромные прелести героини, родители, которые желают династического брака молодого графа с дочерью банкира. Странствия брошенной красотки: сума, тюрьма, болезни и опять же покушение на тело приветствуются. В моде также фиктивный брак с богатым человеком для создания имиджа. А фиктивный потому что или он голубой, или имеет другую не приветствуемую в обществе связь с чужой женой или собственной родственницей. Подлец, одним словом. И, главное, после расставания герой-любовник продолжает осеменять женское население планеты с невиданным размахом, а она, оставленная им, плотно сжимает бёдра и ни-ни! И то, и другое по романским канонам считается любовью, пронесённой через года. А когда они воссоединяются, он из полигамного резко становится моногамным, и уже с другими ни-ни. Хоть бы кто-нибудь описал, чего ему эта перестройка стоила. Здесь дорожная развилка: бывает так, что они всё-таки не соединяются. Вместо графа на пути матери-одиночки возникает герцог, который полюбил её с пылом и страстью, принял её дитя как родное и ввёл их в своё поместье, рядом с которым графское – тьфу-избушка с малю-у-сенькой лужайкой. К тому же оказывается, что графское наследство получено в обход истинной наследницы, и эта наследница она и есть. Он сам плебей,

а она наследница аристократического рода, накоси выкуси! Как правило, этим роман завершается. Остаётся за кадром то, что рождённый в счастливом браке герцогёныш точно так же гадит в памперсы и не даёт спать ночами, герцог разбрасывает грязные носки, не убирает за собой в ванной, его не допросишься вынести мусор, и ещё в дальнейшем он будет зажимать фрейлин в тёмных углах, а потом может уйти к какой-нибудь маркизе. Вернёмся к шедевру. Из второстепенных персонажей ещё часто встречается охранник главного героя, который всё разруливает и телом заслоняет. И атрибуты: особняк, парк крутых автомобилей, скаковые лошади, яхта, секс на берегу океана, бриллиантик на пальчик в куеву тучу каратиков, обязательно в бутиках он прикупает ей сорок нарядов от кутюр с непременной демонстрацией. Возможны варианты. Всё.

Лина всхлипнула и ткнулась лбом в клавиатуру. Медникова фыркнула и ушла, не желая портить эффект от своего выступления разъяснениями. Лина с трудом разогнулась, вскочила с места, ухватила гостью за рукав и сказала:

– Извините, Маша, это я над собой смеюсь. Знаете, почему я пришла сюда работать, хотя понимала, что зарплата будет смешной? В память о несостоявшемся писательстве. Я свою повесть в этой схеме узнала. Когда-то сочиняла украдкой, утром до работы немного, а потом вечерами, когда муж на работе задерживался. Потом он влез в ноутбук и читал вслух с обидными комментариями. Именно такими коммен-

тариями, справедливыми по содержанию, но хамскими по форме. Они не понимают, что это не желание прославиться и разбогатеть, а попытка проорать свои обиды в лицо равнодушной толпе и найти среди них хоть одного сочувствующего. А ещё писательство – это диалог с самим собой, собеседником умным и добрым к тебе. Я теперь тут постигаю азы журналистики, с писательством покончено. А вы пишите, найдите свою платформу и публикуйтесь. Пусть у сорока читательниц, но признание вы найдёте.

– А можно вашу повесть прочесть?

– Выкинула. Всё прошлое из моей жизни выкинуто: писательство выкинула из головы, текст я выкинула в корзину, любовница мужа выкинула меня с лестничной площадки, я выкинула при этом плод из чрева, муж выкинул меня из квартиры, родственники выкинули меня из своей жизни. Да не кукситесь, Ирка – личность незаурядная, хоть и стерва, но всё же не Белинский. А хотите, я вам покажу, у кого надо консультироваться, если будете продолжать писать? Вот, садитесь и читайте эту статью! А потом исходник с правкой посмотрите.

Как ни странно, Маша безропотно села читать газету, а потом стала водить пальцами по черновику с многочисленными правками, вставками и даже вклейками. Потом подняла голову и сказала:

– Это удивительно! Из такого скучного разговора слепить интересный рассказ!

– А, прониклись, – обрадовалась Лина. – Если он не гений, то, по крайней мере, большой талант. Мне кажется, Иван Ильич в состоянии телефонную книгу языком поэзии изложить. Решитесь публиковаться, так попросите его стать вашим редактором! Ирка сможет квалифицированно поработать с текстом, но неизбежно схалтурит. А он не привык делать плохо.

– А можно мне переснять это?

– Да забирайте! И газету, и черновик забирайте. Пусть это вдохновит вас на литературный подвиг.

Когда Маша захлопнула дверь за собой, загремел ключ в редакторской двери. Выскочил помятый Санталов. С возгласом: «Ну, Иванова!» нырнул в коридор. Вернувшись, сказал:

– Пока ждал, что ты гостей выгонишь, чуть не... как бы сказать... чуть в мусорную корзину не напрудил!

– Могли бы позвонить и сказать, что в кабинете прячетесь. И чего не вышли? Ирка-то давно ушла. А мы, графоманы, нестрашные, – засмеялась Лина.

– Не хотелось твоё славословие прерывать, – щёлкнул он её по носу. – Думаешь, часто меня гением называют? Приятно, чёрт побери!

Включил чайник, а потом нерешительно спросил:

– Лина, а то, что ты выкинула из своей жизни – это было или это сюжет твоего романа?

– Да нет, всё правда жизни... кроме штампа в паспорте.

– Может, зря я тебя темой насилия напряг, если она для

тебя такая... личная?

– Нет, я другая, я такого не прощаю. Наоборот, мне непонятно, как можно снова под удар подставляться?

– Слушай, а ты правда меня дядькой зовёшь?

– Это было один раз, при знакомстве с Мариной. Отчасти для того, чтобы она во мне сюжет для небольшого романа не увидела, – засмеялась Лина.

Глава седьмая

Как-то зашла в гости Полина. Причём зашла в редакцию. Кажется, Лина не говорила, где и кем трудится. Или говорила? Явилась она, как выразилась, «поболтать», но потом стрельнула пару тысяч на два дня. К слову, вернула только через пару недель и всего тысячу. Лина угостила её чаем. Посидели, поболтали. За пол дня, что Полина провела у неё, начальство особенно не доставало. Так, один раз вышел из своего кабинета Сергей Сергеевич и спросил, отдала ли она табель в бухгалтерию. И Иван Ильич вынес свою статью с очередными поправками.

– Неплохая у тебя работа, – позавидовала Полина. – За час только два раза дёрнули. Может, ещё у вас место секретарши найдётся?

Лина засмеялась:

– Ты же видишь, я и одна не сильно загружена, а уж вдвоём мы бы тут челюсти вывихнули от зевания. Ты пей, а я пока текст поправлю.

Минут за десять управилась, отдала, ответила на телефонный звонок, потом перезвонила в район и напонила собкору, что Мотылёв ждёт от него уточнений, потом приняла факс, потом поговорила шёпотом с посетителем, зашла к заму, пригласила посетителя к нему, отнесла им в кабинет кофе, зашла к главреду, предложила и ему заодно испить, он

вышел в приёмную, присел за стол, демократично присоединившись к зашедшим почаёвничать Лере и Лене. Но почему-то почти залпом выпил свою чашку и ушёл к себе. Грубая Лена сказала Полине:

– Вот зря ты нашему боссу вздумала глазки строить, спустила его, даже перекусить толком не смог.

– А что такого?

Лина переводила глаза с Лены на Полину:

– Лен, ты чего? На кой Полине Санталов? Он ей в отцы годится!

– А что? Очень даже он ничего, – вдруг возразила Лина. – А нам, бедным девушкам, куда деваться? Богатые молодые люди на нас не позарятся, а вот мужчина в годах...

Лера с Леной переглянулись и захохотали. Потом Лера хлопала по плечу недоумённо хлопающей глазами девчонки:

– Оставь надежды, девочка, ты не его типаж. Он умных любит. Поверь мне, я обеих его жён знаю.

Лина сочла за лучшее переключить разговор, чтобы не раздувать конфликт, и рассказала о Иркиной схеме написания дамского романа:

– Помните, была такая детская салонная игра «Чепуха»? Участники садятся за стол и пишут на листочке ответ на вопрос, сворачивают лист, передают следующему, тот пишет ответ на следующий вопрос, сворачивает свой текст и передаёт далее. А вопросы: кто – с кем – где – когда – что делал – итог действия. А если подобным образом роман создать?

Наметить вопросы по персонажам и событиям. А чтобы с текстом не заморачиваться, на диктофон наговаривать. И задать время, к примеру, две минуты.

Лера схватила казённый диктофон и полетела по кабинетам. Через час они хохотали как безумные, слушая историю Маруси, прелестной дочери бедного учителя гимназии, полюбившей сына банкира Луиса-Альберто, богача и мерзавца, который обрюхатил бедную Маруську, пока она лежала в коме, разбившись на своём Бентли, а потом три знатных мерзавца, по очереди отыгравших коматозную невинную красавицу, не на жизнь, а на смерть сражались за отцовство после появления на свет четырёх дочерей. Полина встала и возмущённо им сказала:

– Какие-то вы бездушные. Очень трогательный рассказ вышел!

И захлопнула дверь за собой. Лера с Леной снова закатились хохотом. Лина засмушалась: ей и перед Полиной было неловко, и за её глупость перед коллегами стыдно.

– А давайте ещё раз прокрутим!

Вышел Санталов, послушал и сказал:

– Это вы по мотивам Иркиного обзора дамского творчества? Да, она у нас на курсе была звездой во всё небо. Милая такая провинциальная девочка: светлая головка, ожидание чуда в голубых глазах, образная речь. Но постепенно в глазах сталь появилась, чугуновой головой теперь можно сваи забивать, взглядом сейфы разрезать, речами тараканов травить, –

а уже закрывая за собой дверь кабинета, добавил. – А у тебя творческий потенциал и фантазия вполне на уровне, Лина. Если возобновишь писательство, согласен стать первым читателем и консультантом.

Вот удивительно, как Иван Ильич, даже спиваясь, оставался для неё авторитетом. Она чувствовала границу между ним и собой, никогда не могла бы перейти на «ты» или грубо ответить. Может быть, дело в его доброте по отношению к ней, в том, что он не скупился на комплементы, как, к примеру, сегодняшний? На зама его могла фыркнуть, тощему злому Витецкому в ответ на ехидную фразу могла нагрубить, хотя оба были на несколько лет старше Санталова. Она даже его комментарий по поводу Полины восприняла без возражений, хоть и не согласилась:

– Это ведь героиня твоей праздничной ночи, Лина? Ты с ней поаккуратнее. Слышала про стокгольмский синдром? А бывает этот же синдром, но навыворот: человек проникается признательностью к тому, кому сделал что-то хорошее. От твоей помощи она ничуть лучше не стала. Типичная помощничья кошка. Такие не способны на простую человеческую благодарность. Не подпускай её к себе, потужишь.

Следующим утром Лине позвонили из управления печати и сказали, что к десяти к ним подъедет высокое начальство с высокой миссией, какой конкретно – не оглашено. Лина заволновалась и открыла кабинет босса. Он ожидаемо отсыпался после вчерашнего, помятый и небритый.

– Блин, да хватит уже личную драму спиртом прижигать, – бубнила она, подавая ему стакан с водой. – Пейте, а то на голову вылью!

– Да, видок у меня, – вздохнул он. – На квартиру переодеться съездить, наверное, не успею.

Лина оценила его состояние критически:

– Типичный алкаш. Значит, так. Вот ключи. Вот адрес. Стиралка с функцией сушки, рубаху туда с бельём, пока в душе освежаетесь. В комодке полотенца, в аптечке одноразовые бритвы, утюг и гладильная доска на кухне. В холодильнике кастрюля с борщом, хорошо с бодуна мозги прочищает. Вперёд, время пошло!

Она едва успела собрать в пакет бутылки и одноразовую посуду, когда услышала цокот Иркиных каблучков. Сунула пакет под свой стол и выставила голову в коридор:

– Тётя Маруся, протрите кабинет начальника, пока он у Мотылёва. Ира, вам уже позвонили, что у нас высокие гости? Будьте добры, толкнитесь к Мотылёву, сообщите, а то босс телефон на столе оставил.

– Непременно, – радостно ответила она.

Значит, заранее знала. И наверняка сейчас мимо двери Мотылёва проскочит, не заглядывая.

Было уже десять минут одиннадцатого, когда босс влетел в приёмную: свежесвыбритый, в джинсах и джемпере.

– Иван Ильич, какой красивый, – простонала Лина. – Просто герой-любовник из американского фильма! Никогда

больше костюм не надевайте! Откуда дровишки?

– В «Парковом» приборахлился, – присаживаясь на корточки и облокотившись на её стол, шепнул он. – Я весь твой борщ слопал, ничего?

– Кастрюлю, надеюсь, вымыл?

– Обижаеть!

– Тогда прощён, – поправила она ему воротник рубашки в вырезе джемпера.

В это время распахнулась дверь, и в приёмную вошли ожидаемые гости. И Медникова с ними. Идущий впереди с недовольством покосился на подозрительно тесное общение начальника с секретаршей. Лина вскочила и распахнула двери редакторского кабинета:

– Чай, кофе?

Ну, на этот раз обошлось. Поговорили об информационном сопровождении сентябрьских выборов и разошлись. Ирка, конечно, расстроилась. Да и Сергей Сергеевич тоже. А босс – хоть бы хны, хотя понимал, что выборы – только предлог для внезапного налёта. Но пообещал Лине с пьянкой завязать. Назавтра пришёл снова свежевыбритый и трезвый. Надолго ли?

Глава восьмая

– Лина, отвези статью в «Фармэнс» на согласование, – буркнул Иван Ильич, бросая листы на стол.

– Почему я?

– А кто же ещё?

– Править тоже я буду?

– Да не надо там ничего править! Подпишут – и всё!

– А если не подпишут?

– Ты разговаривать будешь?

Лина сняла трубку и спросила:

– Какой там у них номер?

– Какой номер, – повысил он голос. – Я сказал, лично отвези!

Лина трубку положила, но с места не встала:

– Вы там были или по телефону интервью брали? Были? Вы предварительно согласовывали визит? Вам на проходной пропуск оставляли? Естественно, это же режимное предприятие! А тут я такая: «Здрасьте, я секретарша из газеты, мне ваша подпись нужна!» И пошла по цехам в баки цианистый калий разбрасывать. Так, что ли? Сейчас дозвонюсь, закажу пропуск, уточню, кто будет подпись ставить. А может, они предложат текст на почту сбросить, а согласованный по факсу перешлют? Возможны, как говорится, варианты.

– Лично быстрее, – уже не так агрессивно проворчал он.

– Ну и запишусь на приём. Есть там у вас визитка какая, или мне в интернете телефоны искать?

Телефоны, указанные в визитке, не отвечали, и пришлось воспользоваться страничкой фирмы в интернете. Начальство и их секретарь дружно отмалчивались. Заведующая отделом кадров, по-модному эйчар, отмахивалась, мол, не их тема. Вздохнув, Лина оторвала пятую точку от рабочего кресла и пошла к юрисконсульту. Миша был тот ещё гадёныш, сын главного архитектора города, Лера звала его «Аварийное жульё». Вообще учредитель, то есть областная власть, своих родственников чаще впихивал в банки и прочие хлебные места, а вот таких совсем уж никуда не годных гуманитариев на телевидение. А в свою газету любезно определяла чахлаю поросль городского начальства. Из тех дочек-сыночков, о которых говорил главред, была ещё Милана, дочь главы городского собрания. Должность Миши предполагала юридическую защиту в случае косяков, но какие могут быть косяки у такой беззубой газеты? Вот и приходил он утром с красными от бессонной буйной ночи глазами и дремал за столом.

– Миша, ты юриста из «Формэнса» знаешь?

– А тебе зачем?

– Нет, я, конечно, могу Ивана Ильича озадачить, только ведь он меня спросит, почему к тебе не обратилась...

– Да ладно, падай, Иванова. Знаю я его, конечно, только он не из наших. Старый такой пенёк, въедливый. Кому-то из

владельцев не то брат, не то сват.

– Ну так узнай у него, как текст статьи согласовать.

– А чья статья?

– Ой, да не тормози!

– А ты не хаами!

Миша открыл ноутбук. Значит, личных контактов всё же с юристом фармацевтического завода не имел, иначе бы полез в телефон или визитницу. И позвонил по стационарному телефону. И заговорил неуверенно и льстиво. И договорился о пропуске:

– Придёт? Конечно, автор придёт. Фамилия? Иванова.

– Ты чего?

– Будь спок, Иванова. Фамилию автора с ними согласовывать не надо. А ксиву я тебе сейчас слеплю. Фотку неси. Нет? Подымайся на четвёртый, я Димке позвоню, он за шесть секунд распечатает.

Оператор телестудии, действительно, очень быстро сделал фото. Станный он какой-то мальчишечка, молчит, от денег отказался, даже руку оттолкнул. Ну и ладно, зато в руках у неё оказалось удостоверение «Губернской газеты»:

– Э, ты что, почему корреспондент?

– Не бзди, подруга, так солиднее.

Подумала: а что, авось ещё где пригодится. И отправилась в «Фармэнс». Не ближний свет, это на окраине Октябрьского района.

Автобус ехал минут сорок. Три остановки в микрорайоне

Жаброво, идеально размеченном на квадраты жёлтыми девятиэтажными домами, а в центрах этих квадратов то торговый дом, то школа, то детсад, то храм. И сосны! Не посаженные, а многолетние, бережно сохранённые при строительстве. Асфальтовые дорожки между ними. Вон женщина катит коляску, мелькая за деревьями белой футболкой. Прикольно так, когда не дом втискивают между домами, а целый населённый пункт проектируют. Хотелось бы здесь жить. Чтобы квартира, муж, чтобы вот так же с колясочкой... как больно мечтать о том, что не сбылось! Так задумалась об этом, что не заметила, что автобус уже едет по улице частных деревянных домов. Потом с одной стороны тянется пустырь, а за ним белеют корпуса экспериментального фармацевтического производства, а за его высоким забором снова возникают многоэтажные жилые дома той же серии.

Тут серьёзная пропускная система, не амбарная книга и дядя Саша на вертушке, а аквариум с мониторами, арочным металлодетектором и охранниками на входе, пропуск, хоть и гостевой, но электронный. И что-то многовато народа у входа. Какая-то не то экскурсия, не то проверка. Отстояла в очереди, поднялась на второй этаж, нашла юриста. Старым Миша его, конечно, зря назвал, лет ему под сорок, но мрачен не по годам. Читал долго, вычеркнул два абзаца. Лине жалко было второй особенно, но возражать сразу не стала, пробежала по тексту ещё раз и поняла, что тут намёк на конкурентов и может быть воспринято как антиреклама. Попросила

поставить визу.

– А это к генеральному. Или к заму.

Она молча вывалилась в коридор, и тогда уже забурчала самой себе, что на фиг было звать, если ничего не решает. Потом вспомнила, что те, кто решает, даже трубку не подымают, а этот пропуск выписал, и успокоилась. Разложила вещи на подоконнике, позвонила Мотылёву, попросила убрать два абзаца.

– Вовремя ты, – откликнулся он. – Я уже подписывать нёс. А жаль, изящный пассаж Ванечка зафинтилил.

– Самой жалко, – откликнулась она. – Если босс меня разыскивать будет, так я ещё здесь. Визу ещё не поставили.

Дошла до приёмной. Только протянула руку к дверной ручке, как дверь резко распахнулась и даже ударилась обо что-то за ней. Чуть не сбив её с ног, выбежала женщина в слезах и, всхлипывая, понеслась к лестнице. Вошла, огляделась. Похоже, с коллегой разминулась. Ишь, начальство здесь какое, до слёз доводит. А может, харрасмент?

– Эх, а у меня-то босс золотой, – вздохнула.

Заглянула в дверь, на которой написано «Генеральный директор». Зовут, значит, Андрей Павлович. Этот генеральный рявкнул:

– Дверь закрой!

Ни фига себе тут политес! Закрыла, подошла к следующей. Зам, звать его Олег Анатольевич. Дверь не открывается. Вздохнула, присела. В комнате ощутимо потемнело.

Ого, кажется, дождь собирается. Стукнула рама открытого окна, распахнулась дверь, бумаги, лежащие на столе, с шелестом разлетелись по приёмной. Снова вздохнула, окно закрыла, дверь тоже плотно прикрыла, включила верхний свет и стала собирать бумаги. Сложила стопкой, потом махнула рукой, перебралась за секретарский стол: пока эта жертва хама в дамском туалете слёзы проливает, надо ликвидировать последствия непогоды. Вот в тумбочке прозрачные папки-уголки, по ним и разложим... так, документы с визой генерального: это главному технологу, это в бухгалтерию, это опять туда же...

Ну, вот и всё. Осталось две бумаги без отметок: заявление на отпуск и докладная о проверке склада. Вот красная папка «На подпись», туда и воткнём. Телефон зазвонил. Эх, бедолага, я по этому номеру сегодня пальцы отбила! Ответить, что ли, пока коллега рыдает в сортире?

– Здравствуйте, вас приветствует научно-производственное предприятие «Фармэнс».

Робкий голос спросил о вакансии. Ага тут офисная АТС.

– Давайте я переключу вас на отдел кадров.

Снова звонок. Из Самары, просят генерального. Ну, хватит уже, господа фармацевты, начинайте работать. Щелкнула переключателем:

– Андрей Павлович, с Самарой будете разговаривать?

– Переключите на меня, я уже иду!

Из кабинета Генерального выскочил моложавый лощёный

мужик, стал открывать кабинет зама.

– Алло, соединяю вас с Олегом Анатольевичем!

Вслед за ним в дверях показался толстоватый и лысоватый мужчина:

– Что, прислали уже вместо этой курицы? Как вас?

– Лина.

– Чай мне, Лена, и что там есть срочное?

Послать? Нет, сначала пусть бумагу подпишет! Подложи-ла статью в папку «На подпись» и сунула ему в руки:

– Вот, подписывайте, а я пока чай заварю.

– Это что? – он ткнул пальцем в разложенные уголки.

– Как кто-нибудь меня подменит, так разнесу, – мирно ответила Лина, расставляя на подносе чайную пару, сахарницу и вазочку с печеньем.

– Неси, пока я здесь. А потом поедем в детдом.

– На Советской?

– Угу.

Это удачно, до дома от него минут десять ходьбы. Лина быстро разнесла папки по кабинетам, никто даже не обратил внимание, что бумаги носит чужой человек. Только главного технолога на месте не оказалось, но уборщица, протиравшая фикус в холле, без всякой просьбы с Лениной стороны открыла кабинет. Лина застеснялась:

– Ой, да вы просто положите ему на стол, – сунула она ей папку в руки.

Глава девятая

Сел толстяк рядом с водителем, Лина сзади. Сначала что-то у водителя спросил, потом к Лине развернулся. Она понимала, что мужик хамло, имя её сразу не расслышал, потом вообще забыл, а поскольку она смяться собиралась, то в памяти его застревать не хотела, поэтому отвлекла вопросом:

– А что у нас в детдоме?

– День защиты детей у нас. Оргтехнику дарим.

– Э-э, ксероксом будем их защищать?

Толстяк растерялся:

– Что, надо конфет купить?

– Телефон давайте.

Связалась с директором детдома по его телефону, спросила, что можно купить детям. Как раз проезжали мимо пиццерии, спросила, можно ли пиццу. Тётка оказалась вменяемая, сказала, что вообще нельзя, но один раз можно. Обещала задержать полдник минут на десять, если опаздывать будут. А в пиццерии, когда узнали, для кого пицца, захотели отдать все шесть коробок бесплатно. Толстяк обиделся.

– Нельзя отказывать людям в благом деле, – похлопала его по плечу Лина. – Пошли, шарики купим.

Зашли в агентство «Счастливое детство», купили связку шаров, прихватили с собой двух аниматоров в клоунских костюмах, и уже двумя машинами, с хозяином пиццерии за

рулём, сопровождаемым двумя работницами, отправились в детдом. Насчёт аниматоров вышло удачно, иначе бы всё ограничилось бабьими слезами. Детки были не очень здоровые, Лина бы и сама не сдержалась, но ребята в клоунских костюмах закружили и взрослых, и детей. Скинув в угол туфли, она босиком и хоровод водила, и за шариками с ребятами гонялась, а потом сказочных героев изображала. В какой-то момент, оглянувшись, она отметила, что с детьми кружатся кроме воспитательницы только она и хозяин пиццерии, тётки зажали в углу директрису детдома и о чём-то выспрашивают со слезами, а Андрей Павлович сидит на детском стульчике с двумя девчонками на коленях, а трое пацанов пытаются с такого же стульчика влезть ему на шею. А, плевать на всё, поправляя юбку липкими руками, подумала она и, вставая на четвереньки, шепнула рядом стоящему мальчику, кого они будут изображать.

– А мы кто? – запищал пацан, усевшись ей на спину.

– Иван царевич, – завопил другой, пытаясь спихнуть его с Лины.

– А вот и нет, – вцепился он в неё так, что блузка треснула. – Мы конёк-горбунёк!

Ушли только когда детей погнали на ужин. Вернулись в пиццерию, хозяева под впечатлением накрыли поляну. Выпили, бабы опять ударились в слёзы. Под настроение ещё Лина рассказала, что маленький мальчик Андрюша, с которым она изображала конька-горбунка, поделился с ней, что мама

у него есть, она хорошая, только водку немножко пьёт, а вот папы нет, а хочется ему с папой на рыбалку ходить. Она первой ушла в машину, сказав водителю, что ее надо добросить до начала Московского проспекта. Андрей Павлович долго прощался с новыми знакомыми, а Лина, сильно уставшая за день, да ещё выпившая, незаметно вырубилась.

Проснулась она, когда машина затормозила у входа в заводоуправление «Фармэнса».

– Я же на Московский просила завезти, – взывала она.

– Да ладно, зайдём, приведёшь себя в порядок и поедешь домой, – весело сказал пьяненький Андрей Павлович.

Лина пригнулась и поглядела на себя в зеркало заднего вида. Да-а, ей бы не на детский праздник, а на Хэллоуин.

В туалете она долго приводила себя в порядок, даже блузку пришлось зашивать, благо что дорожный набор с иглами-нитками всегда у неё в сумочке лежал. Когда вошла в приёмную, её встретил уже ставший привычным за этот день запах съестного. В животе заурчало, она с завтрака серьёзного ничего не съела: с ребятишками на полдник кусочек пиццы, потом в пиццерии ещё какой-то ерундой закусывала, роллами, вроде. У зама в кабинете стол накрыт, с ним брюнетка яркая, но уже почти невменяемая, Андрей Павлович, чувствуется, уже с ними принял.

– А водитель где?

– Я его отпустил, – сказал Олег Анатольевич.

– На чём же я добираться буду?

– Мы поужинаем, он поужинает, потом вызовем.

Спорить бесполезно, а после шести автобусы тут ходят редко. Села, навалилась на закуску. От выпивки уклонялась насколько возможно, но всё-таки ещё добавила. В момент, когда отвалилась от тарелки, обнаружила, что зам с брюнеткой испарились, а Андрей Павлович сидит, положив руку на спинку её стула и что-то бормочет. Отодвинулась. А этот толстяк вдруг схватил её за грудь. Она вырвалась из потных объятий и выскочила в тёмный почему-то коридор. Её кавалер, что-то мыча, резвым козликом помчался следом. Добежав до лестницы и взглянув на освещённое фойе, решила, что мимо охраны не проскочит, и нырнула в боковой тёмный коридор. Сзади по-прежнему слышался топот, поэтому Лина продолжала бежать. По дороге она нажимала на дверные ручки, но все кабинеты, конечно, были закрыты.

Выбежала в фойе, освещенное через окно уличным фонарём. Кинулась к окну, разглядев, что здесь балкон. Пытаясь ухватиться за ручку двери, запуталась в шторе и обрушила карниз на пол. Зачем-то схватила штору и понеслась по коридору, волоча её за собой и наматывая на руку. Чуть не врезалась в дверь. Тупик. Зато в двери торчит ключ! Быстро повернула его и нырнула в дверь, переставила ключ на внутреннюю сторону и закрылась. Преследователь нажал на ручку, что-то проворчал, и неровные шаги зазвучали, удаляясь.

Лина огляделась. Она стояла на лестничной площадке. Лестница была широкой, от стены до стены. Справа баляси-

ны перил почти смыкались со стеной, над ними где-то над серединой лестничного марша было широкое, на три створки, но очень низкое окно, уличное освещение из которого падало на ступени. Дальше лестница поворачивала направо и скрывалась в темноте. Лина спустилась по ней и уткнулась в стену, включила фонарик на телефоне и увидела, что лестница снова повернула вправо и спускалась к двери. Свет всё того же уличного фонаря слабо пробивался через дверную щель. К сожалению, ключ от верхней двери нижнюю не только не открыл, но даже не вошёл в скважину.

Вернувшись на верхнюю площадку, Лина взгляделась в окно. Вроде бы, асфальт под ним. Значит, окно выходит на битумную крышу. Если бы не алкогольный кураж, Лина бы ни почём не полезла туда. А тут она взяла в руки туфли, закинула штору на плечо, залезла на перила и спиной к стене двинулась к окну. Да какое там окно, скорее, три форточки! Одну створку удалось открыть, а когда разворачивалась лицом к окну, умудрилась удариться о неё грудью. Лина подтянулась на подоконник, выкинула туфли на крышу, расстелила штору на подоконнике, чтобы не запацкаться, и полезла головой вперёд. Бабушка, помнится, говорила, что, если голова прошла, то и ты пролезешь. Ничего подобного, голова и руки прошли, а вот зад застрял.

– Это не таз, а целое джакузи, – простонала она.

Снова вернулась на перила, сняла юбку, выкинула её вслед за туфлями и снова поползла в окно. Подтянув живот

и ободрав бока, всё-таки протиснулась наружу. Прошлась по краю площадки. Оказывается, Лина вылезла на крышу входного тамбура, пристроенного с конца здания на одном уровне с торцом. До земли тут было метра четыре, так что спрыгнуть не удастся. Назад лезть тоже не хотелось. Подвыпившая Лина расстелила штору у окна, положила под голову юбку, которая была явно чище пыльной офисной шторы, легла и беззаботно заснула.

Проснулась она часа в три. Серенький рассвет принёс прохладу, а её с бодуна и так трясло. Натянула юбку, повесила многострадальную штору на крюк с электрическими изоляторами, вбитый в стену здания со стороны улицы, поглядела вниз и вздохнула:

– Ну что ж, пожила на крыше. Эх, Карлсончик, где твой пропеллер с моторчиком!

И полезла по стене, цепляясь за штору. Как ни странно, спустилась благополучно. Подумав, решила не оставлять следы преступления, сдёрнула штору с крюка, порвав при этом, завернула в неё кусок кирпича и перебросила через забор во двор предприятия. Подошла к ближайшему дому, прочитала название улицы и вызвала такси.

Дома, выйдя из душа, стала считать раны. На груди наливалось синевой место ушиба об оконную раму. Приложилась изрядно, теперь придётся носить что-нибудь под горло или с неглубоким вырезом. Ноги натёрла и на пятках, и на внутренней стороне бедра. Ну, пока пятки не подживут, в

сабо походит, а вот колготки в такую жару, чтобы бёдра не натирать – это же пытка! Со вздохом вытащила из шкафа джинсовые шорты стрейч, которые купила ещё зимой и по этому поводу до сих пор сама себе удивлялась. Ах, да, это она сделала с мыслью: «Чтобы измениться, надо делать то, что в прежней жизни бы и в голову не пришло». Натянула, прошлась. Да, ходить удобно, бёдра защищены. Но вид! Покрутилась перед зеркалом и даже застонала:

– Господи, чем это джакузи прикрыть?

Ещё раз перебрала свой скромный гардероб и натянула блузку в сине-белую клетку. Попу она почти прикрыла, а вот ворот застёжку доверху не предполагает. Надо будет булавкой заколоть. Уже опаздывала. Допила кофе, сунула чашку в мойку и полетела на работу.

К счастью, по дороге никого не встретила. Открыла ключом приёмную, значит, начальники её ещё не пришли. Села за стол, включила компьютер, стала разбирать завалы на столе. Надо же, день отсутствовала, а тут уже кучу макулатуры навалили! И даже почту не соизволили разложить. Так, газеты в сторону, рекламные листовки в корзину, письма адресатам. Ещё электронную почту надо проверить.

Осталось окончательную правку внести в статью босса, он исчёрканный рукой вариант на столе оставил. Лина вспомнила о не политых два дня цветах и подошла к подоконнику. И поплатилась. Вошли два этих клоуна, Игорь и Миша, а с ними Алиса и Милана, словом, почти вся золотая молодежь

редакции, и начали грязные подколы к её пятой точке. Ну всё, терпение её не беспредельно, и Лина готова использовать свои домашние заготовки.

– Алисонька, деточка, ты ведь у Игоря голосовой помощник? – съехидничала она. – Это ведь твоя реплика: «Подключите зарядное устройство»? Вот и заряжайся от него, а я тебе не соперница, мой порт его мини-USB не воспринимает.

Лера с Леной, подошедшие к своему кабинету, захохотали. Игорь взбесился и двинулся на Лину, но тут в приёмную вошёл главред:

– Всем брэк, давно подозревал, что наши мальчики и не мужчины вовсе, если с девочками воюют, – сказал он очень спокойно. – По какому поводу собрание?

Кто-то что-то спросил, остальные выскользнули. Когда Лина осталась одна, Иван Ильич выглянул из кабинета и попенял:

– Лина, у нас дресс-кода, конечно, нет, но твой сегодняшний прикид всё-таки не для слабого мужского сердца, это чистой воды провокация!

– Эх, Иван Ильич, были бы вы толстой тёткой, посмотрела бы я на вас в жару в юбке, – вздохнула она.

– А что не так?

Она с усилием потянула вверх штанину и развернула ногу. Он болезненно сморщился и даже покраснел слегка.

– Видите, как страдает женский организм от потёртостей,

когда в жару бегать приходится?

– Ну, извини.

Босс ныряет в свой кабинет, а потом оттуда спрашивает:

– Ты вчера во сколько из «Фармэнса» вернулась?

– Около четырёх.

– А почему не зашла?

– Ха! Это не день был, а утро.

– Не понял, – он выглядывает из кабинета и вдруг цепенеет. – И ещё раз не понял. Это что?!

Лиана уже сидит за компьютером и вносит правку по его замечкам, и сначала не понимает, к чему относиться его негодование. Потом опускает глаза вниз:

– Ах, блин, булавку забыла!

Пока она роется в сумке, он спрашивает с дрожью в голосе:

– Лиана, это что?

– В окно вылезала, об раму долбанулась. Рабочий момент.

Булавки нет, но, к счастью, есть иголка. Прямо на себе прихватывает ворот, чтобы скрыть синяк, который уже стал чернеть и выглядит ещё страшнее.

– Давай рассказывай. Про четыре утра и про это. С подробностями.

Иван Ильич берёт от входа стул и устанавливает его напротив Лининового стола. На вопрос из коридора: «Можно?» рявкает: «Позже!»

Лиана рассказывает, что поужинала с владельцами произ-

водства и о том, как толстый босс не туда свои ручонки потянул. И о комической погоне:

– Сама виновата, была бы трезвая, сообразила бы, что надо было сразу бежать через проходную. Ну, не стала бы охрана задерживать меня из-за того, что я начальнику не дала!

– Да не факт, – покачал головой главред. – Всякое бывает. Жаль, а мне он нормальным показался.

– Да и мне тоже сначала!

И Лина рассказала о том, как прикинулась секретаршей и хотела смыться, добравшись фармэнсовской машиной до детдома, но не смогла из-за того, что втянула в это дело слишком много людей. О том, что этот Андрей Павлович с ней сказки не изображал, но зато детишки по нему лазили, и сам он был очень трогательный, когда они его терзали. И в пиццерию она вернулась осознанно, очень ей понравился искренний порыв этих людей сделать добро детям. Ну, а дальше...

– Совсем ты, Лина, маленькая дурочка. Ну зачем было так рисковать?

– Да всё я осознала! Женский алкоголизм – зло.

Глава десятая

Пол кабинета был усеян бумагами. Андрей Павлович стоял у шкафа с распахнутыми дверцами, пролистывая папки, а потом со злостью швыряя их на пол.

– Андрюха, прекрати разбрасывать документы! Всё равно прежде чем вышвыривать всё это, придётся ещё раз посмотреть. Уборщице такое не поручишь.

– Олег, не беси меня! Ты что, не понимаешь, что если протокол не найдётся, нам кирдык! Ну вот скажи, как он мог пропасть из кабинета?

– Андрюш, ну давай не сразу о самом грустном? Ну, запихнул ты его куда-то не туда!

– Нет, этого просто не может быть! Ну, не может быть, что в среду нам пришлось отозвать четыре серии препарата, а в четверг мы обнаружили пропажу протокола. У нас крыса! Если протокол не найдётся, мы не сможем начать производства биосимиляра, и всё – мы банкроты!

– Хватит истерить! Вспоминай давай, кто у нас перебивал за эти три дня!

– Значит, так. В понедельник мы с тобой протокол обсуждали. Ещё намечали, что на первом этапе обойдёмся старыми мощностями, а после пуска опытно-промышленного цеха начнём производство по полному циклу, включая субстанцию... вот, видишь, я карандашом на обороте прошлогодне-

го плана набрасывал примерные даты и средства на закупку субстанций в Словакии только в первом полугодии. Точно помню, что, когда уходил, протокол убирал в сейф. Назавтра... тебя ведь с утра не было? Да, помню, что из сейфа доставал неучтёнку...

– Помню, Семёнычу, мы об это ещё на прошлой неделе договаривались.

– Был протокол! Я его не разглядывал, но он заметен среди прочих бумаг, потому что листы голубоватые и тоньше ксероксной бумаги. И всё, больше не видел.

– Ну, во вторник я появился к обеду. А потом мы и видеть ничего не могли, потому что перебрали.

– Вот! Именно тогда мы могли потерять бдительность и допустить в кабинет постороннего человека!

– Сейчас Макс возьмёт записи со всех камер и выявит, кто в кабинет заходил.

Просидели до конца дня. Пришлось выйти и в выходные. Макс бормотал:

– Такое совпадение просто не может быть случайным! Чтобы и пропажа, и куча посторонних, хотя обычно к нам редко приезжают, тем более, группами. А тут и из областного аптекоуправления, и толкачи эти с курсов, да из разных областей... во, шесть регионов! И на работу приходили наниматься, и из областной больницы за коим-то хреном... ты посмотри, а фамилии гостей! Ведь это надо было так народ собрать, чтобы три Ивановых, две Васильевых и две Прота-

совых! Так, подожди, а почему в заявке тридцать один гость, а фактически прошло тридцать три? Мужики, извиняйте, я на вход, буду проверять ещё раз паспортные данные.

И через пару часов ввалился с окончательным выводом:

– Вы там у себя молекулы считаете, а мои придурки людей по головам посчитать не могут! Заявлены тридцать одна, вошло тридцать три, вышло тридцать две! Получается, что кто-то из них до сих пор в здании! И либо одна из тёток два пропуска получила, либо в группу крыса затесалась!

Только в понедельник они смогли добраться до тех, кто заказывал пропуск. И тогда путаница ещё больше усилилась: отдел кадров посылал на место секретаря директора двоих, а Андрей Павлович утверждал, что было трое, две были бес-толковые курицы, а третья его вполне устроила, зовут её, кажется, Лена, только вот больше почему-то не пришла. А к юристу приходила корреспондентка, только вот фамилию он почему-то не записал. Не то Иванова, не то Силуанова.

– Мы, конечно, пробиваем всех по паспортам, – заявил владельцам производства Макс. – Только вот это незаконно. И не действенно, потому что через знакомых полицейских и за деньги.

– Прежде всего проверяем Ивановых. Олег, юрист наш ведь твоя креатура? Ну вот и вели ему землю рыть, но с кем он общался, вынь да положь!

– Он на больничном. Сказал, женщина молодая, около тридцати, толстож... с широким тазом, словом. Некрасивая.

– А, мать вашу!

Андрей Павлович, брызгая слюной, разразился непечатной тирадой, копаясь в карманах. Выудил визитку и взял трубку, хотя Макс призывал его действовать осторожно.

– Здравствуйте, Иван Ильич... вы извините, у меня к вашей корреспондентке вопрос возник... ну, которая с вашей статьёй приходила к юристу... так я подъеду?

– Ну, что там?

– Облил холодом и презрением. Сказал, что хочет со мной по-мужски пообщаться. Так что не так там?

Макс заржал:

– То есть намекнул, что морду набьёт? Давайте я с вами подъеду, а то который день ваших овец считаем. Лучше с мужиками попинаюсь!

И поехали все втроём.

А Иван Ильич вышел в приёмную и сказал сердито:

– Лина, там твой поклонник хочет с тобой пообщаться.

– А кто у нас поклонник? Вроде бы, стою я одинокая как баобаб в саванне. Кроме мэрского сына никто не цепляется.

– Ну как же, один такой гонял тебя тёмными коридорами режимного объекта.

– Б-р-р. Неужели извиниться решил? Не прошло и полгода... ну, общаемся.

И пообщались. Они вошли, когда Лина, воткнув наушник, набирала очередное интервью, принесённое шефом. Андрей Павлович разглядел её первым и завопил:

– Секретарша!

– Ну да, секретарша. И что? – вышел из своего кабинета Санталов.

– Она приходила устраиваться к нам на работу!

Признаться, Лина струсила. Но вида не показала:

– Вот так прям пришла и попросила принять на работу?

– Ты сидела за столом секретаря! Ты разносила бумаги!

Ты, – он поглядел на своих подельников и закончил сорвавшимся до шёпота голосом. – Это она, ребята! Она унесла протокол!

Санталов, до этого стоявший сзади неё, положив руку на спинку кресла, сгрёб его за рубашку, так что пуговицы весело забарабанили по ламинату:

– Ну-ка, встали все и пошли ко мне в кабинет! Будем разбираться. А начнём мы вот с чего. Линочка, деточка, остались ли на твоём теле следы недельной давности? Кто из вас, насильники, её тела домогался?

Гости переглянулись и уставились на Андрея Павловича.

– Я ничего, – тем же сиплым шёпотом ответил он. – Ну, я только...

– По коридору за мной не бегал? За грудь не хватал? – сердито спросила Лина и расстегнула сверху свою, на этот раз белую, блузку.

Бюстгальтер у неё был очень открытый, новый, кипенно-белый. И над ним особенно грязной казалась грудь с жёлто-серыми, уже почти сошедшими синяками. Андрей Павло-

вич от страха зажмурился. Олег Анатольевич громко сглотнул. Макс покраснел. Лина посмотрела на них и неожиданно развеселилась:

– Эй, дядьки, вы все, что ли, маньяки? А может, на моей улице перевернулась фура с просроченными презервативами?

– Почему с просроченными? – вырвалось у продвинутого зама.

– Ну, на пределе истечения срока использования, когда надо их все употребить в срочном порядке. Как говорится, лучше в нас, чем в таз.

– Зараза ты, Лина, – усмехнулся Иван Ильич. – Давай застёгивайся, а то, если кто из коллег или посетителей сюда ворвётся, насильниками будут считать нас всех четверых. Девушка неприлично оголена, следы насилия налицо, мужики захлебнулись слюнями. А вы давайте рассказывайте, что у вас произошло.

– Э-э, – предостерегающе замычал Макс.

– Да ладно, – отмахнулся Олег Анатольевич. – Дело наше называется труба. Может, Лина что-то видела или вспомнит?

Обменялись проблемами. Лина сказала, что раскладывала она документы с визами по папкам-уголкам и разносила по кабинетам. И кабинеты вспомнила: бухгалтерия, отдел снабжения и главный технолог. А себе забрала назад статью с исправлениями юриста и визой генерального. И больше ничего.

На обратном пути Макс бормотал, что ни хрена он этой Ивановой не верит и подноготную её раскопает. Он по всем трём Ивановым запросы сделал, но на этой теперь сосредоточит всё своё внимание. Начальники его молчали, пригрюнившись. Но проверить те папки надо прежде всего. Это ведь единственный случай, когда какие-то документы выносили из помещения.

Ну и, конечно, ни в одном из кабинетов искомый документ обнаружен не был. Уголки нашлись и документы с визой вспомнились. А протокола нет. А вот у технологов и следов не обнаружилось, даже пустой папки-уголка. Макс орал, что он Лину, крысу такую, разоблачит. Андрей Павлович виновато молчал, Олег Анатольевич, который в некотором роде был виновником его неэтичного поведения, не пенял ему, а даже наоборот, сказал, что зря его родственник назвал Лину некрасивой, очень даже она аппетитная... а ещё остроумная... ишь, как редактор за неё заступается! Вот насчёт редактора он зря сказал, Андрей Павлович бросил на него гневный взгляд и удалился в свой кабинет, от полной безнадёжности вновь взявшись перебирать бумаги.

Утром он позвонил Лине и стал путано извиняться. Она поняла, что этот немолодой толстяк вовсе и не козёл, просто подвыпил и решил угнаться за кобелистым молодцом замом. В конце концов синяк не он ей поставил, а сама она, корова неуклюжая, в окно неудачно вписалась. Так что она от всей души ответила ему, что не сердится, и стала расспрашивать о

поисках. И даже согласилась подъехать и пройти по кабинетам, в которых побывала, и посмотреть на приёмную, где теперь обустроилась новая секретарша, которая, конечно, ничего не знает о том, что здесь произошло, и что где прежде лежало.

Когда её слова услышал Иван Ильич, он сначала выскрикнулся: «Зачем?!», а потом сказал:

– Пусть заказывают пропуска на нас двоих, – и мстительно пояснил. – Ты, Иванова, с тех пор пару килограмм наела, и в окне теперь застрянешь. Так я подпихну.

По дороге она спросила, почему у серьёзного производства такая слабая служба безопасности.

– Да какое серьёзное? На ладан они дышат! Или ты по моей статье судишь? Так это джинса. Это областная администрация заказала. Понимаешь, области очень важно иметь собственное фармакологическое производство, тем более, в перспективе свой инсулин. Это не только экономика, но ещё и политика. Была экспериментальная лаборатория, прикупили производственные площади. Ну, ребята молодцы, конечно, два собственника, не акционируются, все кредиты на себя вешают. А без новой линии им точно конец.

Их встречали на проходной все трое. Показала в приёмной, откуда что брала и где раскладывала. Макс с недовольством подтвердил, что запись с камеры в приёмной зафиксировала, что Лина дальше порога кабинета не заходила. Новая секретарша при этом с тревогой покосилась на камеру

над входной дверью.

– Иван Ильич, золотой вы мой, – хихикнула Лина. – Носите вы мой образ в сердце, а не на жёстком диске. А тут – ни чулки не подтянуть, ни макияж не обновить. О служебном романе вообще не заикайся, сразу спалят.

Прошлась по коридорам, показала кабинеты, в которые заносила документы. Когда указала на последний, Макс встрепенулся:

– Этот закрыт уже почти месяц! Главный технолог в ковидном госпитале!

Лина подтвердила, что да, дверь была закрыта. Уборщица открыла его даже без просьбы с её стороны и положила папку на стол. Всей группой они влетели в кабинет, перебрали бумажное захламление на столе. Нет папки. В фойе за фикусом замаячила стройная брюнетка. Лина вспомнила её, она с Олегом за столом сидела в тот вечер. Интересно, а её проверяли? Хотела спросить, но местные мужики старательно делали вид, что брюнетки тут нет.

Охранник привёл уборщицу, Лина её признала, а та Лину нет: не входила, не вносила! Иван Ильич указал на камеру в коридоре, спросил, сохранились ли записи.

– У меня те дни и в сердце, и на жёстком диске, и на сменных носителях, – покосившись на Лину, ответил Макс.

На записи он быстро поймал момент, где Лина стоит у двери, передаёт папку, а уборщица заходит в кабинет и сразу возвращается – уже без неё. Олег слишком поспешно ско-

мандовал:

– Вырубай, дальше всё ясно. Ну, Александра Ивановна?

Когда поднажали, она с недовольством признала, что да, припоминается что-то такое. Мужики глядели на уборщицу угрожающе, она тряслась от страха, а Лина, хотя из-за отказа этой тётки пережила довольно неприятные мгновения, всё же осознала, что та вовсе не пыталась её подставить. Подумаешь, неделю назад что-то перенесла и положила! Кто бы не забыл? И она вежливо попросила:

– Александра Ивановна, а давайте повторим ваш маршрут? Вот взяли вы из моих рук папку, – она повертела головой и взяла из рук охранника какой-то тонкий журнал. – Я подаю, вы заходите, кладёте... ну?

Уборщица схватила журнал, влетела в кабинет, бросилась к столу, но внезапно затормозила:

– Куда тут чего положить? Слетит же!

Ну да, они же перебирали бумаги и всё раскидали.

– Александра Ивановна, тут всё было не так. Прежде бумаги стопками лежали.

Та закусила губу:

– Всё равно! Нет, я вспомнила! Я папку положила сверху, а она съехала, скользкая же. И я её переложила... вот, на столик!

У стены стоял диван, перед ним журнальный столик, по бокам два кресла. Пусто.

– Да кто же сюда заходил-то? – вскинулся Андрей Павло-

вич.

– Надо просматривать запись дальше. Если папка исчезла, значит, кто-то позже заходил, – сказала Лина.

Иван Ильич поглядел на брюнетку, подававшую отчаянные сигналы Олегу, и захохотал:

– Олег, сознавайся уже!

– В чём?

– Да не моргай ты невинными глазками! Дама сигнализирует тебе, что ваша конспиративная квартира засвечена. Посмотрит Макс запись дальше и увидит, что вы входите сюда вдвоём. Куда папку дел, шпион промышленный? Девушка, как вас там, папку не видели?

Брюнетка замотала головой:

– Нет! Но, может, она под диван завалилась?

Под диваном ничего. Тут Макса осенило:

– Вы ведь его раскладывали?

Кинулся к нему, поднял подушки сиденья, выдвинул ящик и вытащил из-под него папку, смятую гармошкой и запылённую. А в ней искомый документ на голубоватой бумаге с визой генерального.

В общем, как с самого начала предполагал Олег, имело место обычное головотяпство. Генеральный орал на кого-то из двух новых бестолковых секретарш, одновременно подписывая бумаги. Вместо копии протокола визу поставил на оригинале и кинул на секретарский стол. Если бы секретарша была прежняя, она бы знала, что главный технолог на-

долго выбыл, и нести такие бумаги надо в общий кабинет. В результате папка попала не туда, а потом и вовсе в диван, а потом по ней ещё попрыгали его активный зам с бухгалтершей. Ничего, главное, что «Фармэнс» спасён!

Проводив гостей, они на радостях выпили, но без фанатизма. Макс продолжал злиться, утверждая, что секретарша не так уж проста. Олег его живо заткнул:

– Ладно уж, признайся, что запал! Хочешь нарыть компромат и шантажом загнать в койку? Но в этой очереди ты последний! Первый претендент наш генеральный, который уже домогался её тела, но неудачно, вторым буду я, но не забудь ещё её собственного начальника, человека не последнего, депутата областной думы. А он сторожит её как дочь родную!

Глава одиннадцатая

У Леры юбилей – сорокалетие. Примета такая, что отмечать нельзя. Но она настояла, чтобы с коллективом выехать на природу. Лина предложила отдежурить в редакции у телефона. Как ни уговаривала её именинница, Лина решительно отказывалась ехать:

– У меня с алкоголем тяжёлая история. Я пить не хочу и на пьяных глядеть не хочу. Ясно же, что перепьют сто процентов мужиков и пятьдесят процентов женщин. Мало того, ещё уламывать начнут, чтобы выпила. А на босса, который больше месяца в завязке, а теперь развяжет, мне и вовсе глядеть не под силу.

– Поехали, Лина. Ей-богу, пить не буду, – вдруг говорит Иван Ильич. – И тебе буду только воду наливать. Будет у нас с тобой родниковый юбилей.

– Я тоже пить не буду, – ухмыляется Игорь. – За твой поцелуй, Лина, готов трезвым продержаться.

– Поддерживаю, – хлопнул его по плечу Миша.

– Я что вам, Мэрилин Монро? Она, говорят, как-то большое воинское соединение перецеловала в ходе рекламной акции. А я целую только тех, кто мне нравится. Игоря – только в одном случае: не только трезвого, но и мёртвого, в лобик и в гробу. И сокамерников его с Мишей на тех же основаниях. А остальных... не так уж их много, всех остальных,

и, если все трезвыми будут, как мужчин, так и женщин я облобызать готова.

– Хотелось бы посмотреть, – хихикнула Милана.

– Мне кажется, моя целомудренность никакому риску не подвергается, – вздохнула Лина. – Все напьются!

Выехали на арендованном автобусе в пригородный сосновый лес, тот самый, в который построили микрорайон Жаброво, но подальше от жилого массива, на берег Тихой Рясы.

Пока дамы оформляли поляну, именинница объявляла победителей в отдельных номинациях «Чепухи», потому что после начала застолья, как она выразилась, «литературный вкус понизится на сорок градусов». Хотя в качестве приза плескала в стакан номинанту из подаренной ей бутылки какого-то крутого бренди.

– Номинация «Шик-блеск»! Мнения разделились между двумя перлами: «Он бросил к её ногам горсть бриллиантов» и «На день рождения Вася подарил ей сковороду Тефаль, а на 8 марта алмаз Кохинор». Номинация «Пожар любви»: «Он заправил бензином полный бак и полетел дальше, сгорая от страсти». Номинация «Имя, сестра!»: и женское, и мужское представлены нашим горячо любимым ответственным секретарём. Поприветствуем Руладу Андреевну, сокращённо Рулю, и несократимого Эмпедокла Васякина! Номинация «Прелюдия страсти»: «Одним движением он снял шлафрок, шапокляк и кальсоны»...

Конечно, пили все. Некоторое время продержался опера-

тор Дима, но потом потянулся за остальными. А вот Иван Ильич пил минералку и Лине наливал её же. Когда Дима «развязал», он отобрал у него гитару, прилёг головой на Ленины колени и запел неожиданно совсем не мужскую песню, только слегка подкорректировав текст:

Поцелуй на моих губах

Горит в огне

И вся музыка сейчас –

О ней, о ней.

Я хочу, чтоб это был сон

Но, по-моему, я не сплю

Я болею тобой, я дышу тобой

Жаль, но я тебя люблю.

– Иван, не дразни мальчишку, – шепнула ему Лера.

Дима сердито оглянулся на них и потянулся стаканом к разливающему. А Иван Ильич спросил:

– Лина, я молодец?

– Ага, вы мой герой. Гитарист, певец, умник, да ещё трезвый, – ответила она и потянулась к нему губами.

Поцелуй получился затяжным и не слишком целомудренным. Тем не менее у него вырвалось:

– И это всё?

– Нет, – решительно ответила она. – Это был приз не последний, а поощрительный. Гран-при воспоследует после банкета.

– Я в предвкушении.

Дима сорвался с места и, спотыкаясь, убежал в сосны. Лера показала им кулак и вместе с Леной пустилась вдогонку за парнем.

Догнали, уговорили, привели, добавили. Лина понимала, что нравится Диме, но воспринимала его как мальчишку. Когда его погрузили в автобус, села рядом с ним, чтобы не свалился в проход.

По ходу обратного пути автобуса народ постепенно сгружался. Одним из первых сошёл Санталов, он после развода жил у приятеля в Жаброво. Уже стоя на ступеньке, вдруг спросил:

– А обещанный поцелуй?

– Был уже, – сердито выкрикнула Лера.

Лена заверещала, что был разговор о бонусе к тому поцелую. Лина встала, объявив: «Гран-при!» и обняла босса за шею, отметив про себя, что, стоя на две ступеньки выше, она сравнялась с ним в росте. И он крепко прижал её к себе. Глупость какая: двое трезвых людей беззастенчиво целуются на глазах у отсчитывающей секунды пьяной толпы. Наконец они разорвали объятия, и Иван Ильич прыгнул на тротуар.

– Лина, что за демонстрация? – сердито спросила Лера, которая уже давно усиленно сводила её с Димой.

– Потому что мне понравилось, – весело ответила Лина. – Целуется он сногшибательно и крышесносно.

Глава двенадцатая

Как-то неловко было при мысли о встрече после юбилейных поцелуев. Ну, неправильно всё это! Лина чувствовала, что перешла границы и сделала это зря. Это будет невосполнимая потеря, если после такой глупой ситуации утратится родственное притяжение между ней и Иваном Ильичом, что создалось за эти месяцы. Подходя к дому печати, она замедлила ход, но тут её окликнули:

– Лина, Санталов сегодня не в отъезде?

– Вроде, никуда не собирался, – ответила она Витецкому, быстрой походкой направляющемуся к ней от служебной стоянки. – Вы договаривались?

– Какое там, – оскалился он. – Пришёл предупредить, но боюсь, что это бесполезно. Подставили его.

Он проходит к приятелю в кабинет, сообщает последние сведения из верхов, и Лина неловкость от вчерашнего поведения кажется полнейшей ерундой.

Странно, но именно когда босс оказался в стойкой завязке, его и сняли. Была публикация не той статьи, Санталов отсутствовал по случаю выездного заседания областного совета, так что фактически виноват был Сергей Сергеевич, но отвечать всё равно пришлось главному. Едва ли статья была подсунута умышленно, у зама на это духа бы не хватило. У Ирки Медниковой бы хватило, но она к «Губернской» отно-

шения не имела. Зато шум поднять и волну погнать смогла. В очередной раз вызванный с замом в областную администрацию в середине дня, Иван Ильич вернулся ближе к концу рабочего дня и один. Вошёл в приёмную, прислонился к двери как-то расслабленно и сказал:

– Ну всё... я проработал здесь почти пятнадцать лет...

Лина бросилась к нему, усадила на стул, села рядом и шепнула:

– Я проработала с вами полгода, и это было здорово. Вы хотите рассказать или мы вместе помолчим? Или мне вам что-нибудь отвлекающее рассказать?

Он приобнял её:

– Ей-богу, если по ком скучать буду, так только по тебе...

– Они вам ничего не предложили?

Он усмехнулся: предложили они ему место Мотылёва. Подсидеть человека, который был его наставником в профессии – нет уж! Найдёт он сам себе хомут. Вслух не сказал ещё то, до чего даже секретарша додумалась: если главным поставят Сергея Сергеевича, а замом к нему кого-нибудь из сынков и дочек, то работать ответственному секретарю за троих при меньшей зарплате.

– Ладно, Лина, пойду расхламляться.

Лина слишком хорошо знала, каково это, когда тебя гонят. Будет ли ему лучше, если придут коллеги с вымученными словами сочувствия и поддержки? Некоторое время собиралась с духом, потом встала и подошла к распахнутой

двери. У неё даже сердце заныло при виде Ивана Ильича, собирающего вещи в дорожную сумку. И себя жалко. Он по большому счёту единственный в этом здании, кто к ней неизменно добр. Выдохнула и решительно шагнула через порог:

– Как будем стресс снимать? Алкоголь? Наркотики? Секс?

– При такой альтернативе дурак бы я был, если бы напился или укололся, – расцвёл он улыбкой.

– Ну, тогда едем в номера!

– Как ты это красиво сказала... в стиле девятнадцатого века...

– Ну, я постараюсь и дальше действовать красиво и в стиле. Берите сумку, уйдём по-английски через типографию!

И потащила его в конец коридора, к боковой лестнице. Только когда они вырулили на Советскую, она опомнилась:

– А куда это вы везёте меня?

– Как заказано, в гостиницу, – дрогнул его голос.

– Неожиданное, но очень верное решение.

А в гостинице, пока он оформлялся на рецепции, Лина сразу устремилась к аптечному киоску. Никто бы сейчас не сказал, что она размазня! Сама мужика на секс развела, сама средства защиты приобрела, если надо, то и дальше будет инициативу проявлять.

Всё же назавтра Лина сказала:

– Ну, не рассчитала! Но в аптеку теперь идёт приглашённая сторона!

Бывший начальник, который с вечера стал уже Ванечкой,

засмеялся:

– Никогда не думал, что увольнение может внести в мою жизнь столько позитива!

А вернувшись, сказал:

– Сейчас бранч принесут.

– Тогда я в душ, – испугалась она.

Вернулась к накрытому столу:

– Это что, официантку за посудой потом ждать?

– Да нет, договорился, за дверь всё выставим, не будем время терять. И ответь, пожалуйста, Лера уже десятый раз, наверное, названивает на твой телефон. На это тоже, знаешь ли, время теряется. И отвлекает.

– Да... я в нирване... что?!

Она отключила телефон и набросилась на бывшего начальника:

– После слов о нирване она сразу спросила: «Ты с Ивановом?»

– Лера с первого дня мне говорила: «Не тарачись на девочку, она тебе в дочери годится».

– Я её убью!

– За что?

– Это сколько же мы времени потеряли!

– Не потеряли, а использовали на то, чтобы оценить мой литературный гений и твою инициативность. И у нас получился не голый секс, а единение душ и тел, а следовательно, настоящая любовь.

– Ага, ещё я оценила твою скромность и правдивость. Я же прекрасно видела, что ты с первого взгляда решил мне отказать, и только раздумывал, как сделать это деликатно! И если бы не Ирка Медникова со своей протее, ты бы меня на работу не взял!

– Ну да. Я был тогда женатым человеком. Это же мазохизм – терпеть под боком такой соблазн!

– Так, понятно, значит, вождедел ты меня с первого взгляда. Что же потрясающего ты разглядел в толстухе с грушевидной фигурой?

– Отвечаю честно: больше всего потрясло то, что на противоположном от черенка конце. Хотя и черенок тоже ничего.

– Так... имей в виду, я человек уравновешенный, сразу не убиваю, сначала обиду анализирую и кару назначаю.

– Тяжело мне с тобой придётся...

– Это следует понимать, что мы будем встречаться?

– Даже не рассчитывай!

– Что?!

– Мы не будем встречаться, мы будем вместе жить.

Выходные заканчиваются, Лине завтра на работу. Иванскомандовал:

– Сейчас ко мне, я тебя утром на твою квартиру завезу, чтобы переодеться. А вечером будем переезжать.

– Вань, мне определённости нужна, не хочу сюрпризов. Ответь честно, что у тебя с Мариной? И на каком крючке

держит тебя Ирка?

– Всё у меня с Мариной. Официальный развод, раздел имущества. Возврата не будет. Не веришь? Давай честно расскажу. Мы прожили почти десять лет. У обоих второй брак. Поженились уже зрелыми и по любви. У меня первый брак был студенческий, гормоны играли. Быстро разбежались. Потом я долго жил один... ну, как один, скажу так, со многими и ни с кем. А Марина... с ней потянуло на стабильность. Как ответственные люди договорились, чтобы никаких измен, если кто захотел налево – лучше уходи. Через пару лет я по пьяни с Иркой переспал. Когда глаза продрал и понял, что натворил, извинялся, прощения у Ирки просил, и чтобы Марине не рассказывала. Она обещала, они ведь подруги были. И всё. С тех пор я бежал от неё как чёрт от ладана. И не пил почти, боялся бдительность потерять. А она, оказывается, сразу Марине рассказала. Ну, надеялась, наверное, что разбежимся, сказала, что любовь у нас взаимная. А Марина решила простить и молчать. Любила тогда... ну, а потом Ирка стала рассказывать, что у меня и с той, и с этой, и не могу я с одной партнёршей, скучно мне. А она верила подруге, а не мне. Изменила раз в отместку, потом два, в общем, пока я пытался загладить одну-единственную вину, рога мои становились всё ветвистее. Мы с ней перед судом поговорили, и она призналась, что без этого уже не может. Последние два года мы жили по инерции. Хоть о её закидонах и не знал, но чувствовал, что чужой она стала. Поэтому

на тебя так остро среагировал, ощутил себя живым рядом с тобой. А запил не потому что в отчаяние пришёл, когда эта история со сменой партнёров вскрылась, а потому что растерялся. Привычный мир рухнул. Пьянице проще: пьёшь – чувствуешь кайф, а как проспиться, сосредоточен только на мысли о предстоящем кайфе. А завязал когда ты меня алкашом назвала. Понял, что, если тебя потеряю, в жизни держаться не за что будет. Работу я найду...

– Не спеши. Давай сделаем недельную паузу? Мне кажется, если ты не будешь просить, то сами всё предложат и сами всё дадут.

Так и случилось, предложили сами. А Лина твердила одно: не спеши, будут и ещё предложения, тогда будет из чего выбирать. Действительно, предложения воспоследовали, Иван Ильич взял паузу на обдумывание. А пока отдыхал, вечерами заезжая за Линой и держа в тонусе весь дом печати. Народ изнывал от любопытства, наблюдая, как Санталов подъезжает к выходу, молодцевато выскакивает из машины и бережно усаживает свою спутницу на переднее сиденье.

В «Губернской газете» тоже вакансия. Временно исполняет должность главного редактора Сергей Сергеевич, а Ира Медникова даже с лица спала, так она жаждет определённости. Но её нет, и даже каких-то предположений никто не выдвигает. Похоже, администрация поддалась на интриги желающих занять это кресло, не подготовив резерва.

Когда Милана принесла в редакцию новость о том, что

Иван Ильич возглавит PR-отдел Нефтеперерабатывающего завода, в приёмной перебивала почти вся редакция. Лина подшивала документы с непроницаемым выражением лица, на намёки не реагировала. А на прямое утверждение Миланы вяло пробормотала:

– Ну, это вряд ли...

– Мама точно знает, что его приглашали!

– Ну, приглашали...

Милана фыркает: ну да, знает она, что коммерческий телевизионный канал тоже звал его, и должность неплохую предлагали, заведующим отделом новостей, но нефтеперерабатывающий круче! Лина трёт виски и терпеливо ждёт звонка. И вот он, абонент «Любимый»!

– Всё в порядке? Утвердили? Я тебя поздравляю!

На жадные расспросы коллег спокойно отвечает, что утверждён Санталов собкором солидной московской газеты по четырём областям, в том числе Энской, и встаёт вопрос, в какой из областей жить. Милана негодует: как можно из трёх вакансий выбрать самую незavidную?

– Есть ещё такая штука как призвание, – бормочет себе под нос Лина.

– А нефтяную зарплату не жалко? – спрашивает Лера.

– Работа не только для зарплаты, но и для души. Иван Ильич – человек пишущий. Я думаю, работай он говорящей головой или рекламщиком чёрного золота, у него бы глаза не горели, – ответила она ей.

Маленькая хрупкая Лера обнимает рыхлую Лину за талию и говорит:

– Ох, не хотела я, чтобы ты с Иваном сходилась. Старый он для тебя. Но ему с тобой повезло. Уж Маринка горящие глаза в расчёт никогда бы не приняла.

Глава тринадцатая

Два месяца прошло, а Сергей Сергеевич по-прежнему ио. Ходит злой как чёрт, не догадываясь, что участь кресла давно решена, главным будет назначен их же собкор из дальнего района, только вот эпидемическая обстановка подвела. Сначала в больницу попал, теперь в отпуске долечивается в санатории. Может быть, администрация уже жалеет о своём предложении, но переигрывать неловко.

Работать Лине надоело. Если раньше она шла в дом печати, зная, что там Санталов, который расскажет что-нибудь интересное или хоть улыбнётся ей на ходу, подколлет как-нибудь необидно, предложит чая попить, то теперь видит она только хмурую физиономию зама. Даже девчонки лишний раз не забегут, потому что он непременно сделает замечание. Если раньше она не спешила в свою пустую квартиру, то теперь рвётся в Жаброво всей душой. Лина вздыхает: оказывается, она, дура такая, давно в Ванечку влюблена была, только не понимала себя. Заходит Оля, толкается в дверь зама, кивает ей, получает в ответ отрицание и уstraивается у дверей:

– А что он в кабинет главного не переходит?

– Официального предложения ждём-с.

Почувствовав, что путь свободен, подтягиваются Лера и Лена.

– Лина, ты что-то знаешь?

– Ничегошеньки не знаю.

– Иван не может не знать, значит, и ты знаешь, – говорит Лера. – Понимаю, не проболтаешься, но хотя бы скажи, сколько ждать и чего ждать, горя или радости.

– Коллективу хуже не будет.

– И это главное, товарищи, – изображает она Горбачёва и начинает обычный трёп. – Лин, ты худеешь?

– Не на диете, но немного убавила.

– Как говорила моя бабушка, «мужик не собака, но сало потаскивает», – садится на любимого конька Ольга. – Как там Иван Ильич, судя по всему, справляется?

– Оля, я на такие темы не разговариваю.

– Злюка, единственного стоящего мужика в своё стойло увела, и даже информации не даёт!

– О, девчонки, как вас тут много!

– А нестоящие – вот они, – бормочет Лена.

Это Игорь подтянулся:

– Лина, а я твою родственницу нашёл! Во!

На её стол падает большая и очень знакомая фотография. У неё такая же была. Их выпуск. С некоторым усилием она сохраняет неподвижность лица:

– Отстань, опять какая-нибудь глупость.

– Да нет, посмотри, ведь похожа? А я всё вспоминал, где я тебя видел!

– Озерова Ангелина, – читает Ольга. – И ни капельки не похожа. Нос, очки... да ну тебя, Игорь!

– Дай-ка и я гляну, – говорит Лена. – Не пойму, чего ты тут похожего нашёл? И вообще, что ты к нам пристал? Шёл бы ты лесом!

– Не-ет, очень похожа. Такая же зануда. И голову так же поворачивает, чтобы облить презрением.

– Любовь твоя, что ли? – спросила Лера.

– Да я бы с такой, – дёргается Игорь. – Уродина и задавака. Тупая как пробка, но внучка профессора, поэтому её не заваливали.

– Значит, умная, – кивает Лера. – Я уже заметила, что ты очень болезненно на умных женщин реагируешь.

– Не признаёшь, значит, родню, Иванова? Ладно, я в Уремовск на праздники собираюсь, найду эту Озерову, спрошу у неё про тебя.

Эту Озерову он, конечно, не найдёт, а вот фамилию Иванова может услышать, а это не есть хорошо. А Игорь с первого взгляда показался ей смутно знакомым. Теперь она его вспомнила. Он перевёлся к ним из Новогорского университета на последнем курсе, потому и не признала сразу. Ничего особенного из себя не представлял, только ездил на крутой машине. В университете таких мажоров было немало, но не на филологическом факультете. Больше ничем не выделялся. Ах, да, вспомнила ещё, что Лариска на него запала и некоторое время с ним жила. Ещё рассказывала какую-то полуфантастическую историю о том, как он отомстил неверной возлюбленной, из-за чего ему пришлось спешно перево-

диться в Уремовск. Если это хоть вполовину правда, то он псих... а хотя, какие сомнения? Точно псих!

Через час Лина пошла наполнить чайник. Теперь она не вылетает в коридор, а осторожно выглядывает в дверь, прежде чем выйти. Дверь кабинета Игоря приоткрыта, а сам он провожает девушку, стоя в дверях, отделяющих их крыло от лестничной площадки. Ей показалось, или это Полина? Да нет, не может быть! И она поспешила к туалету.

Пока Санталов был рядом, она чувствовала себя защищённой. А теперь Лина лишний раз в коридор выйти боится. Такое впечатление, что её связь с ним подхлестнула всех местных кобелей, при том, что, объективно рассуждая, она здесь из всех редакционных дам по внешности самая некрасивая. Нет, это не обесценивание, это трезвая констатация фактов. Как-то это прорвалось у неё в разговоре с Лерой.

– Ты влюблена, и поэтому сияешь. Мэрский сынок думает, что от чужого счастья можно кусочек отщипнуть, а то и всё захватить. А кобели всегда стаей бегают, – пожалала она плечами. – Как в анекдоте: «К моей в моё отсутствие никто не приходил? Ну, тогда и я не пойду!»

Да, дело было в Игоре. Чем-то Лина его раздражала, и он пытался её достать, а потому распространял слухи о её доступности. Сам на людях рук не распускал, но речи гнусные заводил постоянно. И вот однажды зажал её на лестнице. Шедший сзади Дима заломил ему руку и с размаху бросил об стенку.

– Спасибо, Дима, – громко сказала при всех Лина, вытирая слёзы. – Один ты тут мужчина на всё здание остался. Прочие так, среднего рода, если о женщине сплетничают и позволяют подонкам их обижать.

Игорь назавтра демонстративно ушёл на больничный, хотя видимых повреждений не получил, а Диме предложили подать заявление по собственному. Правда, заставили две недели отрабатывать, потому что замену сразу найти не могли.

– Сопьётся малый, – с осуждением глядя на Лину, сказала Лера.

И Лина взялась за телефон. Позвонила Витецкому, единственному Ваниному знакомому, кто мог трудоустроить, и к кому она могла обратиться. Спросила, не нужен ли в их интернет-издание хороший оператор.

– Хороший всем нужен, – ответил он и поинтересовался. – А почему не через Ивана рекомендуешь?

Лина знать его почти не знала, но деваться некуда, пришлось обрисовать ситуацию. И что по её вине хороший человек лишился работы, но втравливать в конфликт Санталова не хотелось бы.

– Как знаешь, – вздохнул Витецкий. – Вообще-то скрывать от мужа такое чревато ещё большими проблемами в дальнейшем. Ладно, я тебе адресок сейчас отправлю, а он пусть скинет ссылку на свои работы. Нет, не резюме, а конкретные сюжеты, им снятые.

И не поленился перезвонить потом и сообщить, что Диму они берут, и что не она ему, а он должен быть ей благодарен за такого сотрудника. И что в их издании на претензии мэра чихают, потому что завод с городской властью в конфликте.

После случая с оператором Димой её решимость уйти крепнет, и она подаёт Сергею Сергеевичу заявление на отпуск. Он откладывает его в сторону и молчит. Она разворачивается и уже в дверях спрашивает:

– Что-нибудь ещё требуется сделать до отпуска? И кому печать сдать?

– Я вас не отпускал! Вы даже восьми месяцев ещё не поработали.

Это даже лучше. Лина возвращается на рабочее место, берёт другое своё заявление, выжидает минуту, которая бы ушла на его написание и вновь заходит к нему.

– Будете отрабатывать две недели.

Иван звонит, спрашивает, может ли она сорваться на часок пораньше, он здесь неподалёку. Или ему пока в сервисный центр смотаться? Лина вздыхает и говорит, что заявление на расчёт подала.

– Умница ты моя, сейчас подъеду.

– Вань... он сказал, отрабатывать надо...

– Разберёмся.

С Сергеем Сергеевичем он решил вопрос за несколько минут. Потом он объяснил Лине, что просто предложил её немедленный расчёт в обмен на информацию о назначении

нового главреда. Когда они выходят, и он несёт пакеты с ба-
рахлом, которым Лина обросла за эти месяцы, она неволь-
но вспоминает, как тащила его к боковой лестнице всего два
месяца назад, и шепчет:

– Вань, мы в гостиницу, или моя должность на номер для
новобрачных не тянет? Может, через типографию пойдём?

– Молчи, мелкая вымогательница! Машина у парадного
подъезда.

– Это я-то мелкая? Во мне без малого восемьдесят кило!

– Фи, как грубо! Нельзя так разоблачаться, в женщине
должна быть какая-то загадка.

– А вдруг без моего откровения ты бы решил, что во мне
всего сорок и понёс бы на руках? А потом грыжа, радикулит,
бандаж и никакой интимной жизни?

– Как ты опошлилась в этом коллективе! Больше я тебя на
работу не пущу. Будешь сидеть дома и разделявать мамонта.

Нет, участь домашней хозяйки – не то, о чём мечталось.
Но пересидеть некоторое время дома, чтобы этот псих о ней
забыл, было бы не лишним. Ивану пока рассказать всё это
она не готова, поэтому поддразнивает, предлагая закинуть
удочку по поводу вакансии в «Формэнс», там её хорошо зна-
ют.

– Какой карьерный рост! От пошляков к маньякам, и всё
секретаршей, – он уже сердится.

– Ладно уж, побуду пока содержанкой, – гладит она его по
плечу.

В понедельник Лина просыпается от телефонного звонка. Ого, начало одиннадцатого! Иван уже ушёл по своим корреспондентским делам, не потревожив её и дав возможность выспаться. Лера интересуется, где все. А кто все? Лина дома одна, она теперь временно безработная. Взрыв эмоций, на что она спокойно отвечает, что потеряла интерес к этой работе, а вот если вам понадобится литсотрудник – обращайтесь. Лера вздыхает и соглашается, что место секретарши – не предел мечтаний, и терять ежедневно почти два часа на дорогу туда и обратно за смешные деньги нет резона.

Значит, Сергей Сергеевич не вышел на работу. Едва ли сердце отказало, скорее, взял больничный, решив показать учредителям, как без него тяжело. Ну, теперь это вне сферы её интересов, так только... любопытство пустое.

Глава четырнадцатая

Жизнь покатилась растительная: неспешные прогулки по микрорайону, мелкие покупки, готовка, уборка. Хорошо, что они в Жаброво живут, тут хоть можно свернуть в сосны и идти по натоптаным дорожкам, лишь иногда встречая гуляющих. Но однажды свернуть она не успела, её окликнула Полина. Сюрприз был неприятный. Девчонка упорно не отставала от неё, вцепилась как репей, сказала, что ей позарез нужны деньги. В ответ Лина вынула из сумки бумажник и показала его содержимое: несколько сотен и мелочь.

– Полина, я уволилась. Теперь у меня нет денег.

– Попроси у своего Ивана.

– А мне не надо, – обозлилась Лина.

– Ты собака на сене! Богатого мужика отхватила, а денег у него не берёшь и другим не даёшь!

– Откуда ты знаешь, что не беру? Я, может, те, что вчера взяла, на бриллианты потратила.

Чтобы отцепиться, Лина долго водила её по микрорайону, пока, наконец, не вывела к остановке.

– В центр поеду!

И быстро соскочила через четыре остановки, когда автобус, делая круг по микрорайону, делал остановку в сотне метров от той, на которой она садилась.

Через неделю одолела скука. В тот день Иван уехал на два

дня в Москву, и Лина решила прокатиться в центр и пошляться по новому торгово-развлекательному комплексу. Она подводила глаза и чуть не окривела, дёрнувшись от неожиданности, когда в дверь внезапно постучали. Извне проникнуть в подъезд можно было или с кем-нибудь, или если кто-то из соседей открыл, не спрашивая. С какой целью? Либо коробейники, либо сектанты, либо домушники. Соседи к ним не заходили, не было среди них знакомых, да и вообще никто к ним не ходил, жили они здесь на птичьих правах, просто однокурсник Санталова уехал на полгода за границу и пустил его пожить до покупки собственной квартиры. Если из знакомых, то позвонили бы предварительно. Не желая испытывать судьбу, она сделала вид, что её тут нет. Долбился кто-то долго, но молчал. Часа полтора выждала, потом решила пройтись среди сосен, поскольку было сухо, и даже солнышко проглядывало. И всё-таки зашла в строительный отдел торгового центра, купила дверную задвижку и как могла пришпандорила. По приезде Иван хмыкнул, увидев её приобретение, подкрутил шурупы, выслушал её рассказ, но не придал ему особого значения, да, мол, скорее всего, сектанты или коробейники. А железяка эта от честных людей, злоумышленника она не остановит.

Злоумышленники пришли всего через четыре дня. Санталов уехал в Новогорск опять на пару дней, и в первую же ночь Лина проснулась от щелчка в замке. Некоторое время лежала, соображая, что это, потом вскочила и понеслась

на кухню за каким-нибудь оборонительным оружием: нож, молоток. И это вместо того, чтобы позвонить! Она даже не вспомнила про телефон, оставив его на прикроватной тумбочке. Задвижка задержала злоумышленников ненадолго, но всё же дала ей время открыть ящик с посудой. Трое в балаклавах, пьяные придурки, среди которых она легко узнала Игоря. Она ему кричала, что узнала, что посадит, но пьяному море по колено, тем более, в Новогорске он подобным образом уже однокурснице за пренебрежение «отомстил» и не поплатился.

Молоток для отбивания мяса у неё отобрали, а поскольку одного из Игоревых дружков она успела им приложить, то он её свалил на пол и пнул пару раз ногой. Кто-то схватил её за ноги, а она, не желая, чтобы её вытащили в коридор, обхватила руками холодильник. Холодильник не упал, но покачнулся, и с него свалился чайник и попал на ногу нападавшему. Тот от неожиданности отскочил и отпустил Линыны ноги. А она рукой нашарила рядом с собой упавшую с холодильника бутылочку. Это была уксусная эссенция, которую она использовала, маринуя сегодня вечером помидоры. Резко оттолкнувшись ногами, она умудрилась сесть и на четвереньках пробежала под столом, выбравшись по другую сторону у мойки. Пробка бутылки была тугая, при мариновании она каждый раз открывала её, поддевая ножом. Теперь же ей было не до техники безопасности. Ухватила зубами, дёрнула и выплюнула. Всё-таки с пробки что-то попало, гу-

бы обожгло, но зато она плеснула на ногу стоящего рядом. Он вскрикнул. Второй выбил у неё бутылку из рук, пролив остатки кислоты на собственные руки. Эх, Игорю ничего не досталось! Нет, есть кое-что! Спасибо собственной лени, она не помыла посуду, устав от возни с помидорами, и оставила её в мойке. Схватив грязную сковороду, она двинула ею Игорю по лицу. Не так уж сильно ударила, но он рухнул на пол и остался неподвижным.

Увидев врага поверженным, Лина вдруг резко успокоилась. Она поглядела на покрывшиеся белыми волдырями руки одного и сидящего на полу с разутой ногой другого и сказала:

– Вызывайте скорую, а то инвалидами останетесь.

Оттолкнула ближайшего и ушла в комнату. Взяла телефон, назвала себя, адрес, сообщила, что на неё совершено нападение, что нападавшие облиты кислотой и требуется медицинская помощь. Потом так же спокойно позвонила Ивану и повторила сообщение. Он сказал, что выезжает немедленно и по дороге свяжется с теми, кто может помочь.

Первой появилась полиция, следом за ней поднялись работники скорой, Лине и двум Игоревым друзьям просто обработали места ожогов, посоветовав утром купить спрей, Игоря забрали с травмой лица и болевым шоком. Буквально следом в квартиру вошёл Витецкий с оператором:

– Лина, ты как? Спокойно, господа, я пресса и родственник. Миша, снимай всё тут. Тебя что, изнасиловали?

– Да нет же!

– У тебя кровь.

– Ой, – она оттянула пижамные штанишки. – Это, наверное, от удара в живот.

Лина подняла футболку. На животе проступал огромный синяк.

– Миша, снимай. Ребята, вы что творите? Как вы могли её здесь оставить?

– Она не сказала, что живот...

– А работники скорой её не осмотрели почему?

– Они губы только обработали...

Снова вызвали скорую. Витецкий отправил оператора на машине следом, а сам нагло влез в салон за носилками: «Родственник я, родственник. Дядя родной». Уже по пути ей сказал:

– Полиция уже в курсе, кто нападавшие. Будут теперь давить на тебя, что ты сама их пригласила и побила. Пока твой не подъедет, я от тебя ни на шаг.

Фельдшерица сочувственно ахнула:

– Мажоры что ль какие?

И завопила в рацию:

– Диспетчер, у меня уточнение, похоже, угроза выкидыша вследствие избиения, маточное кровотечение. Тут не в травму надо, а в гинекологию. Там в пятой место есть? Нет? А платная? – вопросительно поглядела на Витецкого, он кивнул. – Перенаправляй на пятую, родственники согласны, –

отключилась и сказала. – В гинекологию хрен сунутся, а ещё требуйте психолога.

– Но я же не беременна, – возразила Лина.

– Я не утверждаю, а предполагаю, – пожала плечами фельдшерица.

Витецкий оплатил палату и поднялся на лифте вместе с Линой, сказав, что подежурит до приезда Ивана. Дежурил не зря: через час вслед за ними приехали полицейские. Приехали бы они и раньше, да потеряли их по дороге: сначала в травму заявили, потом уже через диспетчера напали на след. Только тогда появился врач и пригласил их в кабинет УЗИ. Витецкий усадил Лину на кресло-каталку и повёз, заявив, что и в кабинете с ней, родной племянницей, нипочём не расстанется, потому что горит желанием увидеть первый снимок двоюродного внука. При этом шепнул Лине, что, поскольку в полицейской группе появилась женщина, ожидать можно самого плохого. Тут, к счастью, приехал Санталов. И только когда Витецкий уступил ему место, Лина вспомнила, что должна была сказать, но забыла. И, лёжа на кушетке с намазанным гелем животом, она крикнула:

– Дядюшка! Вернись! Это очень важно!

И шёпотом поведала ему о том, что шесть лет назад подобное преступление было совершено в общежитии Новгородского университета. Журналист заметно обрадовался.

– Так, давайте к делу, – сказала сонная врачиха, вода по Лининому животу холодной штуковиной. – Господин ново-

прибывший, вы, как я понимаю, автор гола?

– Если вы о беременности, то да, – мрачно сказал Санталов. – Месяца два с небольшим?

Блин, его же никто не предупредил, что беременность была придумана на ходу! Но врач кивнула:

– Да, десять-одиннадцать недель. Распечатать фото на память, папаша?

И откуда Иван срок знает? Кажется, она это вслух спросила.

– Я свои косяки помню.

Царапнуло по сердцу. Значит, Линин ребёночек для него косяк? И правду сказала Ирка, что они совсем не романтическая пара?

А тем временем зашла ещё одна врачиха, тоже уставилась на монитор, представилась её палатной и предупредила, что лежать ей на сохранении минимум три недели, из которых первая половина будет строго в горизонтальном положении, даже в туалет нельзя вставать. А полицейской даме заявила, что никаких допросов в палате не допустит, не в том состоянии пациентка, чтобы на неё психологически давили.

В палату Лину отвёз Санталов. Уложив в постель, он попытался её обнять, но она вывернулась из его рук:

– Я сама не знала о беременности, откуда ты знаешь срок?

– Только тогда это могло приключиться... ну, помнишь, между визитами в аптеку принимающей и приглашённой стороны.

– То есть сразу! Да, косяк...

– Я понимаю, что обидел тебя неосторожным словом. Лиана, ты молодая женщина, тебе естественно хотеть стать матерью. А я... мне сорок три, в моём возрасте уже внуков ждут. Ну, артисты там, миллиардеры с молодыми жёнами папашами становятся, так там юные вдовы с новыми папами на их капиталы детей дорастят. А случись что со мной? У тебя ни работы, ни квартиры, ни наследства вдовьего. Вот только не вспыхивай! Я от тебя никогда не откажусь, и от ребёнка, конечно. Нужно квартиру покупать, расписаться нужно срочно. Всё это необходимо и независимо от беременности было бы сделано, а радоваться ей я не могу. Надо, наверное, справку взять, чтобы нас расписали по-быстрому?

– А вот с этим спешить мы не будем...

– Значит, обиделась.

– Было бы обиднее, если бы ты попытался симитировать радость. Артист из тебя так себе, несоответствие желаний простительнее, чем обман. Да не в обиде дело! Я замужем.

– Что?!

Лиана поплотнее закуталась в одеяло:

– Сколько раз я репетировала это признание! И всегда представляла себе, что в этот момент нахожусь у тебя под мышкой. И каждый раз трусливо откладывала разговор. А теперь оказывается, что на расстоянии вытянутой руки рассказывать легче. Итак, я замужем, и вообще живу по чужим документам. С той, чьи документы в моих руках, у меня сов-

падает только фамилия. Только она у меня по мужу, а в девичестве я Озерова. Озерова Ангелина Павловна, двадцать семь лет, родилась в Уремовске, пять лет назад там же закончила филфак университета. Замужем за Ивановым Анатолием, предпринимателем средней руки и средней нравственности.

Глава пятнадцатая

Одиннадцатого декабря с десяти утра до десяти вечера Лина была счастлива. Вот так безгранично счастлива, как только бывало в детстве, только не одиннадцатого, а тридцать первого в ожидании подарка. Ты знаешь, что он уже под ёлкой, только придётся нужного часа дожждаться. У неё и дальше как в детстве получилось, когда ждала мишку, а получила книжку.

Двенадцатого у Поли и Мити свадьба. Это Лина однакурсница. Ни разу не друзья, но Лину с Толиком пригласили, потому что половина их бывшей группы приглашена. А сегодня девичник-мальчишник. Мальчишник, как водится, в спорт-баре, а девчонки собрались у Вали, Толиной сестры, на даче. Дача-не дача, так, хороший дом в пригородном посёлке.

Скуотища на этом девичнике смертная. С утра баня. Лина отказалась, сказала, что давление. Она никогда не ходит в общую баню и в бассейн, стесняясь своей полноты и излишне объёмной нижней части. Они вдвоём с Валиной тёткой в четыре руки принялись обед готовить и на стол накрывать. Девчонки из бани приползли косенькие, под парок, чувствуется, приняли немало. Разговоры за столом тянулись обычные: о мужиках, о детях. Периодически Лину уговаривали выпить. Уже темнеть начало, у неё голова разболелась, но

о прогулке ей не дали и рта раскрыть. Тогда Лина решила схитрить, сказав, что хочет шампанского. И таким образом вырвалась из дома, посланная в поселковый магазин.

Она действительно купила «Венец Черноморья», хотела пройтись по посёлку, но наткнулась на нетрезвых подростков и всю дорогу бежала. На каком-то повороте оторвалась от преследователей, но продолжала бежать, и уже через пять минут открывала калитку Валиного дома. Остановилась на углу под открытой форточкой, расстегнулась, чтобы охладиться и привести себя в порядок, а то от насмешек не отобьёшься.

Из форточки несло жареными котлетами и гулом пьяных голосов. Видно, подружки гомонили каждый о своём. Потом выделились голоса двоих: Вали и Тамары. Тамара, младшая сестра невесты, насмеялась над внешностью Лины и её глупостью. Такая, мол, не бедная женщина, но неухоженная, и поговорить с ней не о чем. Ни одной модной блогерши не знает, в музыке не шарит вообще. И как мог Толик, парень продвинутый и симпатичный, польститься на такое чмо? Вали ей ответила, что ни одна из здесь присутствующих с Толиком бы не ужилась, потому что враз бы заловили его на чужой бабе. А у Лины ума не хватает понять, что её братик не ходит налево, он там постоянно находится. Вот и сейчас вместо мальчишника он завис дома со своей нынешней касиршей, а Валию попросил задержать Лину у себя до утра. А жена она что надо: дома порядок, деньги свои она в его биз-

нес вложила. А что нос большой и ж... тоже, так Толя по этому поводу поговорил ей сказал: «Ничего, что морда овечья, лишь бы п... человечья».

И тогда ещё Лина не поверила. Ну, не мог так Толик о ней говорить, он, конечно, порой посмеивается над женой, но всё равно нежный и внимательный. А подруги... да какие они подруги? И зачем Лина согласилась идти на эту свадьбу, тем более, ехать на эту дачу? Тихо закрыла за собой калитку, дошла до следующей улицы и даже такси вызывать не пришлось, как раз у углового дома пассажиры выгружались.

Вот в десять вечера её счастье закончилось, потому что ключ она не смогла до конца в замочную скважину впихнуть, значит, другой ключ изнутри вставлен. Нажав на кнопку звонка, услышала визгливый бабий голос:

– Толечка, пиццу привезли!

Теперь сразу всё встало на свои места. Лина выхватила из пакета шампанское и, сорвав с горлышка фольгу, стала раскручивать мюзле. Когда дверь распахнулась, она наставила на них бутылку и сказала:

– Нет, Толечка, это не пицца, это передаёт привет твоя сестрица! Сказала, что ты тут новую овцу шпилишь! – и окатила их шампанским. – Совет вам да любовь, но не в моём доме! Оба на выход!

– Толя, это что за чучело?! – возмутилась визгливая баба.

Толя молча вытирал физиономию. На площадке остановилась бабка с четвертого этажа. Это она что, пешком подни-

мается? Лифт не работает или любопытство пригнало? Лина сказала:

– Ну, я жду!

– Лина, не при людях же, – схватив её за руку, прошипел он.

– Да ладно, Валька на весь девичник про твои подвиги рассказывала. Что же ты молчал, бедненький? Давно бы свалил, если со мной так плохо!

Ну, сглупила! Надо было войти в квартиру и выпихивать преступную пару, а она стояла на площадке и ждала, когда они уйдут. А эта баба вдруг толкнула её что есть силы. Покатилась Лина по ступенькам и... всё. Болью полыхнуло почему-то в глазах и в спине. И пришла она в себя на следующий день. Перевязаны нос и щека, саднит в паху. Пришедшая с обходом врача-сидюга изложила её потери сухо и без сантиментов: выкидыш с последующей чисткой, сломан нос и счищена щека, лёгкое сотрясение. Долго держать здесь не будут, через несколько дней выпишут долечиваться амбулаторно у гинеколога и лора. Ноздря порвана, да, и на лице шрамы останутся. Но всё это считается нанесением лёгкого вреда здоровью.

Лина поняла, что с врачом уже успела пообщаться эта... кассирша. Но следом за ней и Толик пришёл с передачей!

– Ты идиот? – повернулась она к нему изумлённо.

– А ты подумай хорошо, кому ты нужна будешь, – выпалил он.

– Я себе нужна. Пошёл вон!

Потом пришёл папа и, даже не спросив, как она себя чувствует, стал уговаривать её не пороть горячку и простить мужа.

– И ты недалёкого ума...

Взяв с тумбочки телефон, она дозвонилась до собственной конторы и договорилась с одним из юристов о том, что он займётся продажей её части Толиного бизнеса. Уже после обеда она тут же в палате подписала доверенность на него. А ещё попросила не пускать к ней посетителей.

Глава шестнадцатая

Вечером в отделении началось движение. Оказалось, на трассе неподалёку КАМАЗ влетел в междугородний автобус. Одна из пострадавших попала к ним в палату. Наутро они поговорили и даже посмеялись над совпадениями, несмотря на трагические обстоятельства. А совпадений было довольно много. Обе Ивановы, только вторая – Алина. «Вся-то разница – нге», – смеялась она. Обе учительницы по образованию, только Ангелина филолог, а Алина – учительница начальных классов. У них даже травмы оказались похожими. У Алины лицо травмировано стёклами, шрамы почти такие же ужасные, и ребёнка она потеряла, правда, на куда более позднем сроке. Лина своей потерей была потрясена, но она всего полсуток знала о своём положении и ещё не успела почувствовать себя матерью и погрезить о будущем. А Алина весьма цинично заявила, что выкидыш облегчает её положение: жених, который вёз её с севера в Уремовск к матери, в этом же автобусе погиб, а родни у неё не осталось, Алину бабушка воспитывала, её нет уже несколько лет.

Когда к Лине всё-таки прорвался Толик, Алина со своей койки изумлённо таращила глаза, наблюдая, как Толик уговаривал Лину отозвать доверенность, то угрожая, то умоляя. После его ухода она спросила:

– Эй, подруга, как ты в такое дерьмо вляпалась? Он же

всеобщий приз!

– Это как?

– Если у него что получается, то только через баб. Руками он делать ничего не умеет.

И Лина невольно засмеялась: а ведь правда!

Ей нравилась грубоватая речь однофамилицы и своеобразный юморок, она завидовала её жизнелюбию и уверенности. Только встав с постели, с наклейками на подбородке и носу, она уже пересмеивалась с мужиками на лестнице запасного выхода, стрельнув у них сигарету. Когда Лина высказалась по поводу того, что с их травмами не стоит пугать людей, она отрезала:

– Не бывает некрасивых женщин, бывают дуры, не уверенные в себе. У меня директриса была с нижней частью пятьдесят шестого размера. Когда она плыла, покачивая своей кормой, мужики руки складывали как футболисты перед штрафным ударом. А ты из своей толстой ж... трагедию делаешь! Заживут наши порезы, и снова мы красотки!

Алина совсем мало рассказывала о себе, только когда Лина об этом прямо спрашивала. Не могла не спросить о том, как это учительнице можно так мерзко материться.

– О, ты ещё не слышала, как ругаются мои второклашки, – хрипло захохотала однофамилица. – Наши Черемхи – посёлок, вокруг которого на многие десятки километров шахты, а сам посёлок разросся на десяток с чем-то тысяч жителей, не считая вахтовиков. А жители-то, в основном, из отсидев-

ших. Так что в семьях... сама понимаешь. Но зато невестам раздолье, в женихах дефицита нет. Ну, я, как выпишут, назад отправлюсь. Есть там у меня запасные варианты, а может, ещё кого перспективнее найду.

Тем же вечером Алина закашлялась. Соседка их, тётка в годах, кляла её за курение и грозила пожаловаться палатной. Но к утру у неё подскочила температура, и стало понятно, что курение тут ни при чём. Пришли люди в скафандрах и взяли у всех мазок. Из палаты выходить запретили, сказали, что Алину отправят в областную инфекционную больницу, а остальных – в обсервер. Через пару часов забрали не её, а почему-то пожилую соседку, которая к этому времени тоже затемпературила. Впрочем, вскоре увезли и Алину, только в другой госпиталь, который недавно открыли в здании санатория. А к вечеру пришлось отправлять в инфекционную двух оставшихся, которые тоже закашляли.

Перед отъездом Лина не смогла найти телефон.

– Да прохиндейка эта его сперла, больше некому, – прохрипела последняя из палаты. – Кто-кто... подружка твоя!

Условия в больнице были не очень. Палата на шесть коек, потом ещё в проходе два топчана поставили. Впрочем, Лине было так хреново, что не до претензий. В какой-то момент очнулась от того, что рядом что-то хрипело, а по голове стучало. Оказывается, она даже не почувствовала, что её перетащили в реанимационную палату и подключили к аппарату искусственного дыхания. Это помогло. Через два дня пере-

ключили на другой аппарат, который хоть по голове не стучал. Ещё через несколько дней врач, такая же гуманистка, как и та, что в предыдущей больнице, сказала:

– Не ожидала, что вытащим. С таким повреждением носовой перегородки, да с лишним весом... повезло вам. Либо возраст молодой поспособствовал, либо жить очень хотелось.

А жить и вправду хотелось. Когда было совсем плохо, она, хрипя и задыхаясь, вспоминала об отце, о муже, о подружках подколодных и клялась себе: «Всё равно выживу назло вам всем! Изменяю свой характер! Буду как Алина, нахрапистая и остроумная. Пускай я тугодум, зато память хорошая. Напридумываю домашних заготовок, из интернета фраз хамских надёргаю. Всех порву, только бы выжить!»

Лине было сказано, что на завтра её на два часа отключат от ИВЛ, на следующий день перерыв будет подольше, ну, и так далее. Но на следующий день её отключили насовсем и перевели в прежнюю палату, да ещё на топчан, а под её аппарат положили мужика. Он, мол, в критическом состоянии, а аппаратов свободных нет. Лина промолчала, не в её характере своего добиваться, только подумала, что ладно, что отец и муж, не дозвонившись, не разыскали её и не передали телефон, так они ещё и не поговорили с врачом и не предложили ей оплатить хорошее отношение к пациентке.

За ночь на твёрдой клеёнчатой кушетке так сковало спину, что хоть волком вой. И Лина подумала, что, хотя силёнок

совсем нет, но их в этой больничке и не наберёшься. Новый год пропустила, но хоть старый дома можно встретить по-человечески. И обратилась к палатной врачихе с просьбой о выписке.

– Не рано? А впрочем, как хотите, – на ходу бросила она ей.

Глава семнадцатая

Толкнув стеклянную дверь, Лина вышла на широкое крыльцо с пандусом. Порыв ветра хлестнул по лицу сухим снегом. Она притормозила, задохнувшись. Ей сейчас направо, если к остановке. Или такси вызвать? Насколько она знала, таксисты неохотно берут заказы с этого адреса, опасаясь заразы. Ладно, не надо о грустном, ведь обошлось! И невольно покосилась налево, где за зданием больничной кухни находился морг, куда на вскрытие свозили, как говорят, всех умерших от новой заразы. Поспешно отвела взгляд, и он зафиксировал две знакомые фигуры: мимо крыльца прошли папа и Толик. Никак навестить решили? А вот о муже-то она не подумала! Судя по всему, он по-прежнему живёт в их квартире. Как бы ещё и не с той кассиршей! А бороться с ними у неё просто нет сил. В родной дом? Так там кроме отца-предателя ещё и молодая мачеха обретается...

Вот же не бомжиха, и зарплата у неё, и счётёц кой-какой имеется, а податься некуда. Кстати, о счёте, ведь Виталий полученную часть денег за проданную фирму Толика перевёл в наличные и должен был оставить в рабочем сейфе. Это он сам ей подсказал, чтобы при разводе не делить. Пока папа здесь, надо смотреться на работу.

Было уже темно, когда такси подъехало к адвокатской конторе. Расплатившись, Лина сказала:

– Если подождёте минут пять, то поедем дальше.

Таксист кивнул, не поворачиваясь к ней. Лина взбежала на крыльцо и поспешила к рецепции. Навстречу ей двигалась бухгалтерша, мазнув по Лине взглядом, как по незнакомке. Ах, да, маска! Этот атрибут нового времени хоть и затруднял дыхание, зато прикрывал обезображенное лицо. На ходу она достала ключи и присела перед здоровущим старинным сейфовым шкафом. Так, пакет. Вытряхнула несколько закатанных в целлофан банковских упаковок, посчитала и запихнула снова в пакет. Виталий, наверное, уже ушёл. И телефона нет! Схватила листок, написала: «Спасибо, Виталик, всю сумму забрала, с меня магарыч!» Хотела засунуть в дверную щель кабинета, но такси! Кинула записку в сейф, прихватила оттуда ещё конверт с запасными ключами от всех квартир, закрыла его и полетела на выход.

Таксист спросил:

– Куда едем?

– Сейчас... я только посмотрю расписание на Новогорск.

– В восемь последний. Успеваем.

За несколько минут до полуночи Лина выгрузилась из такси у бабушкиного дома. Окна не горели, значит, бабушка Наташа уже спит. Выйдя из лифта, она некоторое время нерешительно топталась у двери, потом выдохнула и достала ключи.

Бросив сумку у порога, она разулась и на цыпочках прошла на кухню. Что такое? Нежилой какой-то запах. Включи-

ла свет. Холодильник отключён, мусорное ведро пустое. Заглянула в зал, спальню – нет баб Наташи. И такое впечатление, что она не уехала на время, а давно здесь не живёт. Стало как-то не по себе. Полезла в сумку... ах, да, телефона-то нет! Ладно, это до завтра подождёт.

В зале провела пальцем по столу. Да, пыль... но сил нет. Достала комплект постельного белья, расстелила на диване и отрубилась, едва прикоснувшись головой к подушке.

Утром едва встала, слабость вполне естественная, так ещё и ноги болят от вчерашней нагрузки. Но надо искать бабушку Наташу. А сначала купить телефон.

У лифта столкнулась с бабушкиной соседкой. Поздоровалась, спросила про бабушку Наташу.

– Недавно видела, заходила она. Спросила, когда перебраться будет. Ответила, что душа не лежит. Надо, мол, сестрины вещи перебрать, что выбросить, что раздать, но без тебя этого делать не будет.

Ну, хоть с бабушкой Наташей всё в порядке. А то уж... ведь она старше бабушки, мало ли что.

Вернувшись с покупками, Лина первым делом уткнулась в телефон. Просмотрела сайты местных клиник косметической хирургии, отзывы о них. Эх, куй железо, пока горячо! Не порядок бросилась наводить и обед готовить, а стала перетряхивать сумку, выискивая справку из больницы, паспорт... а что с паспортом? Ещё когда телефон оформляла, обратила внимание, что уж очень его затёрли в больнице.

Повертела в руках, раскрыла. С фотографии на неё смотрела Алина!

Как такое могло случиться? Она всё это время числилась в больнице Алиной? А что же Алина? Немедленно надо меняться документами! Господи, и так сил нет, а тут ещё придётся возвращаться в Уремовск и бегать по этим карантинным учреждениям. Снова полезла в интернет, поискала справочную ковидную службу.

– Здравствуйте, я разыскиваю свою сестру Иванову Ангелину, её должны были из травматологии к вам перевести... да...

Скончалась вчера. Так, а почему тогда папа с Толиком пришли в инфекционную больницу? Обнаружили подмену и ищут однофамилицу? Вот и пусть поищут!

– Конечно, вы ещё слабы, но со свежими рубцами работать легче, – сказал врач. Да не факт, просто в связи с пандемией люди о внешности стали меньше думать, поток пациентов истончился, а врачам по-прежнему кушать хочется. – Нос встанет вам недёшево, тут ещё перегородка. И контур лица придётся подтянуть, скулы обозначатся, тогда и шрам со щеки уберётся. Вот, смотрите на мониторе. Будет лучше, чем было.

– Да я, собственно, давно мечтала нос подрезать, – ответила она, вглядываясь в монитор. – Нос у меня дедушкин. На его лице он смотрелся очень гармонично. А я... но родственники – ни в какую. Глаза прооперировать разрешили,

чтобы без очков, а нос – категорически нет!

– Ну и напрасно они, – мягко возразил он. – Женщина имеет право исправлять погрешности природы.

Неделю Лина провела в клинике, потом ездила туда на процедуры. Возвращаясь с очередной, наконец-то увидела в квартире бабушку Наташу. На перемены во внешности она просто не обратила внимания, зато сразу заинтересовалась, почему это её внучатная племянница уже продолжительное время живёт вне дома. На историю об измене и последующей травме отреагировала весьма прохладно:

– Ну и что, твой дед всю жизнь гулял. Разошлась моя сестрица с ним – и кому лучше стало? Мать твоя подростком была, встала на сторону отца и с ним осталась. Он, профессор и видный мужчина, не пропал. И бабы ему не отказывали, и работа была. А она в Ефимовске несколько лет мыкалась, квартиру снимала. Дочь с ней не общалась, мужа больше не нашла. Эту-то квартиру она позже в наследство от нашего отца получила. Вот тебе мой сказ: из квартиры я тебя гоню, отправляйся домой и с мужем мирись. Ты у нас размазня, ни ума, ни хитрости. А Толик – парень хваткий, за ним не пропадёшь. Ну, помучаешь его немного да простишь.

Ну вот, все родственники её так обесценивают. И не пробиться к ним! А к бабушке Наташе даже и не стоит, не настолько она близкая родня, чтобы ею дорожить.

– Ладно, баб Наташа, мне четыре процедуры осталось. В пятницу после последней уеду, – зная, как она чувствительна

к денежным потерям, добавила. – Они уже заплачены.

– Только отцу позвони.

– Ага.

Ага, фиг вам. Даже если бы захотела, номера-то нет. То есть номер конторы Лина и так помнит, только звонить, конечно, не будет.

В пятницу бабушкина сестра лично проводила её до автостанции и посадила на автобус:

– Ты, глупая, злишься на меня сейчас, но потом благодарить будешь. Семья – главная ценность!

Да, как же. Шведская семья. Или скандинавская, без палок от мужа с любовницами не отобьёшься. Сидела, повернувшись к окну, и беззвучно плакала. Как ей не хватает бабушки! Летом бабушка Наташа вдруг позвонила ей и сообщила, что сестра её совсем плоха, но говорить Лине не велела, только это ведь неправильно, если внучка родная единственная придет к холодным ногам. Лина сорвалась с работы и через два часа уже ехала в Новогорск. Неделю она с ней провела, потом всё. Перед смертью бабушка сказала:

– Может, неправильно, но квартиру я Наташке оставляю. Тебе пока не нужна, так что она в бараке будет мучиться? Потом всё равно тебе оставит, больше-то родни у неё нет. Не матери же твоей наследство оставлять! А ты в своей семье голоса не имеешь, твой козёл квартиру продаст, а деньги разматает.

Глава восемнадцатая

С вокзала Лина отправилась квартиру отца. Дверь ей открыла его Лола и завизжала. Выскочил из комнаты папа и тоже уставился на неё как на привидение.

– Ну, и где радость по случаю возвращения дочери? Блудного зятя ты всегда встречал горячее!

– Лина... ты жива?

– А почему это я должна быть мёртвой?

Ну, объяснились. В тот день они вовсе не разыскивать Лину шли, а в морг. С местной похоронной фирмой договаривались. А почему подмены не заметили? Так умерших от ковида в мешках хоронят, они покойницу и не видели. Вещи её выдали, там мелочёвка какая-то... но был её телефон!

Пока Лина с папой изъяснялась, Толик прилетел. Видно, Лола вызвонила. Теперь все трое давили на неё: будет трудно доказать, что Лина – это Лина, тем более, с таким изменением во внешности. Кстати, где деньги, которые она у Толика отжала? Ей ещё очень хорошо придётся его попросить, чтобы он её личность подтвердил.

Лина поглядела на папу. Он заюлил глазами:

– Дочка, ты чересчур нервная стала. Тебя надо показать психологу. А Толик... ну, не удержался мужик! Он больше не позволит себе такого.

– Какого такого, папа? Я понимаю, тебя устраивает, что

твой зять, как его сестра сказала, не ходит налево, а постоянно там находится. Тебя устраивает даже то, что он периодически твою жену трахает?

Это она, конечно, на ходу придумала. Теперь, с открытыми на мужа глазами, Лина готова заподозрить его в чём угодно. А с чего бы иначе Лола ему позвонила?

– В общем, так я вам скажу, – глядя на Лолу, которая набирала в грудь воздуха, прежде чем завопить, сказала Лина. – Кончилась Лина-дура. Ах, вы мою личность подтверждать будете только на ваших условиях? Так вот вам МОИ условия! Вы думаете, что вам выгоднее наследство получить, чем мою личность восстанавливать? Толик, муж мой бывший, муж неверный, а ты знаешь, что четыре года назад я завещание написала, и в нём ты даже не упомянут? Что, тесть не рассказал? Понимаю, сюрприз хотел сделать. И ты, папа, думаешь, что по завещанию всё тебе отойдёт? А между тем, когда ты моё наследство оформишь, Лола будет готова Толику... ну, или другому молодому козлику вручить всё то, что у тебя при разводе отождёт. А Толик ради этой квартиры, может, на ней и женится, только моё существование над ним Дамокловым мечом повиснет. Когда я появлюсь, он преступником окажется, потому что двоеженец. Да и ты, папа, как юрист, побоишься в наследство вступать, потому что не знаешь, кто ещё меня после моей мнимой смерти видел, и кто на пороге родного дома заметил. Так что ждут вас всех сказочные сюрпризы.

Неслось ей вслед «Ли-и-на!», а она уже бежала по пологой лестнице их дорогого сталинского дома.

Спрятавшись за углом, она набрала бабушку Наташу и сказала:

– Ну вот, баб Наташа, зять твой точно парень хваткий...

Пока она рассказывала, та молчала в трубку, только дышала тяжело. А потом как-то жалобно спросила:

– Что же делать, Линочка?

– Не знаю... нет, знаю! Вы все от меня отказались, а теперь я от вас отказываюсь. Буду жить под чужим именем, а для вас всех я стану привидением. Будете при виде каждой толстухи вздрагивать.

– Лина, приезжай ко мне! Прости, внученька!

– Нет.

– И отца не жалко?

– Баба Наташа, я три недели, как из реанимации. Кто из вас меня пожалел?

Отключила телефон и побежала на проспект. Тут в двух кварталах от родительской квартиры дядя Саша работает.

Секретарша, гримза старая, одно твердит: не принимает! Ну и что, что родственница, он никого не принимает! Лина черкнула на листке: «Крёстный, подари итипет!» и подала ей. Это так она маленькой велосипед трёхколёсный звала. Гримза сморщилась, но отнесла. Он тут же из кабинета выскочил.

– Я так понимаю, слухи о моей смерти до тебя не дошли?

Долго сидели разговаривали. Они однокурсники, мама, папа и дядя Саша. Мама долго между ними выбирала, но замуж вышла за папу. А родила вообще неизвестно от кого. Папа и дядя Саша – вечные соперники. Дело не в профессии, адвокатам вовсе не мешает дружить защита противоположных интересов. И даже не в маме. Просто нелюбовь с первого взгляда.

– Да, пока не забыла. По делу Полянского...

Ну, сдала важного свидетеля. Объяснила, почему так захотелось. Это месть не за то, что папа Толика поддержал, а за то, что всю жизнь её душой считает. Он думает, что если она в юридический не захотела, так, значит, не в состоянии разобраться в делах, которые подшивает? Вот и получай, фашист, гранату!

– Лина, восстановить твои права я смогу элементарно. Дело это занудное, но не сложное. А насчёт психолога Павел, к сожалению, прав. Они тебя с детства ломали, твои родители. Воспитали послушного ребёнка с нулевой самооценкой. Поздно, конечно, характер выработать. Но, может, поднаужишься?

– Дядя Саша, я размазня. Сейчас у меня одно желание: сесть на облачко и глядеть сверху, как муж с отцом меня ищут, а баба Наташа их гоняет. Я решила с этим паспортом пожить. Они ведь не знают, что подмена произошла ещё в травматологии, будут перебирать тех, кто в госпитале на базе санатория лежал.

– Солнышко, это противозаконно.

– А мы никому не скажем, что я у тебя была. Пусть помучаются!

Поздно вечером они закрыли офис и отправились к нему домой, продолжая спорить. Уломала-таки она законника на противоправные действия. Назавтра он отвёз её в инфекционную больницу, где она из приёмного покоя вызвонила какую-то тётку, отвечающую за личные вещи пациентов, и получила по предъявлении паспорта дорожную сумку Алины Ивановой. Там нашлись все её документы, необходимые для того, чтобы ей легализоваться под чужим именем. Долго всхлипывала над её бережно разложенной по пакетам недорогой одежде: яркая, в пайетках, заклёпках. Франтилась девочка, замуж собиралась, родить готовилась. И было ей всего двадцать два.

Новый телефон пришлось скинуть, потому что он звонком бабушке Наташе засвечен, крёстный купил на себя ей другой. Вручил ключи от квартиры Полянского в Энске в качестве компенсации за отцовский секрет. Ещё заскочила в салон, чтобы сделать стрижку «Паж», как у Алины на паспорте. С тем и убыла она в чужой город.

Глава девятнадцатая

– Не понимаю. Ладно бы, преступление совершила или от злодея скрывалась. Уезжать-то зачем? Восстановилась бы в правах, да и жила бы спокойно.

– Спокойно? Это не про Озеровых. Я с детства рот открыть боялась. А уж на внешности моей и уме, если сорок раз в день не потоптались, считай, день даром прошёл. Иванов в эти игры с полуоборота включился. Они бы меня совместными усилиями в статусе жены восстановили.

– А мама?

– Мама, дай ей бог здоровья, уже тринадцать лет живёт в Европе. Она была чемпионом мира по манипулированию и имела чёрный пояс по истерикам. Я бы сказала, после её побега мне ослабление режима последовало. А уж в Энске я себя почти нормальной ощутила. У меня приятельницы появились, я даже шутить научилась и огрызаться. Хотя работала той же секретаршей, зато знания по диплому стала применять. И внешность немного выправилась, нос подкорректировали, опять же, после болезни слегка вес сбросила, пропорции, правда, никуда не денешь, фигура у меня нестандартная...

– Что ты себе напридумывала, фигура ещё какая-то не такая... да я тащусь от твоей фигуры... это мой любимый размер... Лина...

– Вань, прекрати, ты не дома!

Больше всего Лина боялась, что всплывёт её второе имя.

Но после депутатского запроса по поводу аналогичных нападений не женщин в Энске и Новогорске заместитель мэра ушёл в отпуск, а Игорь с друзьями под подписку о невыезде. И о Лине за последующие две с небольшим недели не вспоминали. Поэтому после выписки Лина позвонила крёстному и уведомила о возвращении. По его наводке они пришли в нужное заведение, чтобы сообщить о подмене.

Лина схватила Санталова за руку и ткнула пальцем:

– Вот!

На стенде с объявлениями о розыске первым висел плакат «Помогите найти человека» с портретом слева и текстом справа: «Иванова Ангелина Павловна 26 лет (1994 г.р.), 10 февраля 2021 г. ушла из дома в неизвестном направлении. Приметы: рост 162 см., плотного телосложения, волосы тёмно-русые, глаза серые. Одежда: Тёмно-коричневый пуховик, серая вязаная шапка, сапоги светло-серые».

– Лина, да ты красавица была, – охнул Иван. – Лоб высокий, нос вполне пропорциональный, я бы даже сказал, что твой нынешний носик делает лицо проще. А в этой даме чувствуется порода.

– Ага, осталось оседлать – и на ипподром!

Проходящий мимо полицейский заинтересовался:

– Узнали кого-то?

– Да, себя, – выдохнула Лина.

Он некоторое время внимательно вглядывался в её лицо, потом сорвал объявление, распахнул дверь кабинета и сказал:

– Прошу вас, Ангелина Павловна.

– Как это вы сразу поверили, – удивилась Лина. – Я здорово изменилась, да и портрет этот... он ведь вообще-то художественный, его один модный фотохудожник делал, кажется, и не без ретуши.

– Я помню вас. Мы в суде пересекались, и в конторе вашей мне бывать приходилось. Виталя ещё о вас хорошо отзывался.

Оказалось, что отец в розыск подал уже на следующий день. Заявил, что после травмы, потом тяжёлой болезни, последующих косметических операций и известии о том, что её признали умершей, она была в неадекватном состоянии, проявила болезненную обидчивость, когда родные сказали ей, что восстановление статуса будет длительным, и в горячах ушла из дома. Его слова подтвердили муж и мачеха. Позже приехала её дальняя родственница и наезжала на этих заявителей, что они могли убрать Лину, чтобы получить наследство. В общем, все они жаждут с ней увидеться.

– Ну... увидимся...

Лина выложила на стол документы Алины, рассказала о том, как произошла подмена.

– Зачем, Ангелина Павловна? Это действительно неадекватные действия.

– А кто в этой истории адекватный? Я узнаю, что муж мне неверен, лечу домой, застаю его там с любовницей. Не буйствовала. Правда, облила их шампанским. Но шампанское было куплено, чтобы сделать торжественное сообщение ему о моей беременности. И тут любовница сбросила меня с лестницы. На следующий день муж приносит мне фрукты, а отец, даже не спросив, как я себя чувствую, начинает уговаривать меня помириться с этим... даже слов не подберу. А эта родственница, двоюродная бабушка моя, прогоняет меня из своего дома, мол, в такая дура, что одна не проживу и должна за Толика держаться. Вы их вызвали? Сейчас вы увидите, как они меня ценят.

Муж Толик, действительно, смазливый мужик, с порога бросился к Лине с объятиями и упрёками, что ей голову лечить надо, но Санталов, не вставая с места, преградил путь ногой:

– Брэк! Это моя жена!

– Слышь, мужик...

– Да, Толик, это мой мужик, – сказала ему Лина. – А от тебя мне нужен развод.

– А вот фиг вам, – вспылил он.

– Вообще-то я беременна, – улыбнулась она. – Желаете поддержать моего ребёнка материально? Милости прошу в стадо оленей!

– Ты, – вспыхивает он, некоторое время пыхтит, потом разворачивается и уходит.

Хозяин кабинета спокойно провожает его взглядом. Почему – становится понятным, когда Толик возвращается. Наверное, пропускная система. Он по приглашению полицейского присаживается к его столу, и они начинают вполголоса переговариваться. Полицейский вносит при этом данные в компьютер и отправляет бумаги на принтер.

Стук в дверь. Появляется отец. На него Лина реагирует теплее, даже обнимает. Потом представляет ему своего спутника:

– Это Иван, мой... жених.

– Ну, глупости, Лина. Какой жених при наличии мужа?

– Ну, услышали? И так каждый раз. Папа, «жених» – это эвфемизм. Любовник он мой, так тебе понятнее? Но согласен на мне жениться, поэтому жених.

– Линочка, ты не волнуйся...

– Да, волноваться мне вредно в моём положении. Поэтому переходите к процедуре опознания и ко всяким там заявлениям. А мы с Иваном в гостиницу...

– Лина, какая гостиница? У тебя квартира есть.

– Ты, пап, какую квартиру имеешь в виду? Мою, где ты с Лолой живёшь, или на твоё имя купленную, где зять твой любимый до сих пор живёт, тоже, наверное, не один?

Папа моргает. Значит, Лина угадала. Потом начинает волюнку о ценности семьи и ошибках, которые не должны эти ценности разрушать.

– Вот видите? Ну в кого мне адекватной быть? Это отец,

который мне биологически никто, а фактически растил с рождения. Я не понимаю, за что ты со мной так? Почему упорно стоишь на стороне этого кобеля?

– Линочка, ты беспомощная, ты не сможешь одна. Ну вы-то хоть видите, что она с тех пор так и не пришла в себя? Её надо в хорошую клинику...

– Это дело не моё, – отрезал полицейский. – Лечат врачи. В любое лечебное учреждение вы обращаетесь, имея на руках документы, удостоверяющие личность. Я оформляю бумаги, и далее единственный способ выйти из создавшейся ситуации – обратиться с заявлением в районный суд по гражданским делам для того, чтобы признать Ангелину Павловну живой. Только решение суда поможет «покойнику» официально «воскреснуть» и восстановить все права. Вам как юристу это хорошо известно. И с чего вы взяли, что она беспомощная? Она в положении, но ведь у неё защитник есть, отец её ребёнка. Надеюсь, у него это получится в отличие от первого мужа.

Зная, с какими сложностями сталкиваются люди при таких казусах, Лина даже удивилась, как быстро, всего за несколько визитов, здесь всё оформили. А вот с судом ничего не получалось. В связи с эпидемической обстановкой документы подавались онлайн, потом судом затребовались какие-то дополнительные, потом по непонятной причине судебные заседания несколько раз переносились. Всё это время Лина жила со справкой наподобие освобождённой из

тюрьмы. Об устройстве на работу нечего было и мечтать. А ещё не расторгнутый брак. Словом, было из-за чего нервничать.

Глава двадцатая

Неожиданно помог Витецкий. Он умудрился оформить её в своё издание редактором внутреннего сайта, только предъявив её вырученные из родительского дома диплом, а из адвокатской конторы – трудовую книжку, попутно лишь слегка удивившись, что она Ангелина, а не Алина. И даже справка из паспортного стола у неё прошла. Лина сказала ему, что потеряла паспорт, а с восстановлением возникли сложности из-за расхождения со свидетельством о рождении. Так ей дядя Саша посоветовал: никому в Энске не говорить о своём «взбрыке», коли собирается там обосноваться.

Причину её трудоустройства Витецкий пояснил с присутствием ему цинизмом: это место он таким образом зарезервировал за собой. Завод ведёт переговоры о передаче их раскрученного интернет-издания городу. Если после выборов к власти придут депутаты от завода, он безболезненно перейдёт вместе со своим коллективом в подчинение новому мэру, а если власть не переменится, он останется на заводе. Как раз к уходу Лины в декретный отпуск вопрос будет решён так или иначе.

В связи с эпидемией на работе она появлялась два дня в неделю, остальные дни работала из дома. Как начальник друг Санталова оказался ещё тем поганцем. Не сказать, что Ивана Ильича в «Губернской» очень уж любили, но как ненавидели

главного редактора в «Нефтянке», это надо было видеть. Но даже эта ненависть к начальству не объединяла коллектив, и серпентарий там был о-го-го. А она даже не могла поделиться этими впечатлениями с Иваном, потому что он вообще был против её работы. Но порой прорывалось:

– Ну, твой дружок...

– Нет у меня друзей, Лина. Они все в прошлом остались: в детстве, в институте, в армии. Женька мне приятель. Общаемся мы не душевно, а по делу. Профессионал он крепкий, а человек... ну, разный. Меня он ни разу не подставлял, даже выручал, вот, хоть с тобой. А в «Молодёжке» его все не любили. С бухгалтером Ларисой Александровной только приятельствовал, но перед уходом, говорят, какую-то гадость сделал, она его чуть не придушила. Но потом помирились.^[1]

Один плюс, нет, даже два: Лина получит бесценный профессиональный опыт и пособие по беременности и родам. Ещё один плюс был в том, что после больницы привыкли они шутя друг друга дядюшкой и племянницей звать. Благодаря этому никто в коллективе не пытался её в коалицию против главного редактора вовлечь.

На исходе лета, до нападения, в относительно спокойные по ковиду времена, Лина имела счастье познакомиться с родителями Ивана. Они жили в райцентре Пружинск, и заглянули как-то к ним, приехав в областной центр за покупками. Как невестку они её не восприняли, высказав своё недо-

вольствие Ивану по поводу её внешности и поведения довольно громко, хоть и в её отсутствие в комнате, но Лина хлопотала на кухне и почти всё расслышала.

– Ну, не понравилась, но зачем так-то? – спросила Лина после того, как, отказавшись от угощения, они через час отправились домой.

– Не обращай внимания, они всегда такие, – махнул рукой Санталов. – Сыну под полтинник, а они считают, что до сих пор лучше знают, как ему жить.

– Значит, для своих родителей ты тоже дурак?

– Однозначно!

Теперь надвигалось семидесятилетие Ваниного отца, и воспоследовало приглашение на одно лицо. Лина спокойно на это отреагировала, уговорив Ивана съездить и поздравить отца, и даже надеть в честь этого события так нелюбимый ею костюм:

– Они люди консервативные, для них джинсы – рабочая одежда. И я там зачем? Ты же не считаешь, что я нуждаюсь в их родительском благословении? В конце концов, мой папенька тебя тоже не облобызал!

Предполагалось, что вернётся Иван на следующий день, но уже через четыре часа он был дома. Он и злился, и смеялся, рассказывая, что собирался впервые за несколько месяцев в хлам напиться, поскольку Лины рядом не было. Но, приехав в дом родной, увидел в числе гостей бывшую жену Марину и однокурсницу Иру. Сразу хотел уехать, а по-

том решил не форсировать события, а понаблюдать, что ещё матушка предприняла. А предприняла она то, что посадила его за стол между этими двумя дамами! Пришлось сыну юбиляра накатить водопроводной воды в стакан, и когда до него очередь дошла тост произносить, он пожелал имениннику всего хорошего и отметил то, что браку его родителей скоро сорок пять лет, что только такие толерантные люди, как они, могли столько прожить и не разругаться, а как главный пример их толерантности привёл то, что сейчас за столом рядом с их сыном сидят две его бывших женщины, а если бы они привезли с собой всех мужчин, что были у них после него, то и их бы они тепло приняли в своём доме.

– Ну, надеюсь, последнее ты только подумал? – засмеялась Лина.

– Да нет, всё так и сказал. Родители стерпели, только дырки на моём галстучке взглядами прожгли. Зато эти две дёрнулись из-за стола выскочить, но я не дал. Придержал за хвосты и спросил, за каким лешим они сюда приехали и чего от меня ждали? И буквально через полчаса из-за стола незаметно вышел и домой покатил. Так через пару десятков километров меня гайцы остановили и на алкоголь проверили!

– А уж это точно они. Да, поганая ситуация...

Через несколько дней после юбилея Иван Ильич слёг. Скорая приехала очень нескоро, лишь на третий день. Свезили на КТ, установили поражение лёгких, сочли его недостаточным для госпитализации, выдали лекарства и остави-

ли лечиться дома. Тут уж Лине стало не до собственного положения: уколы, дезинфекция, готовка, уговоры впавшего в отчаяние Санталова:

– Что с тобой станет, если я умру!

– Значит, должен ты за жизнь держаться, чтобы мне не пропасть. И не выдумывай, никакого нотариуса тут не будет, нечего его жизнь опасности подвергать! Себя из болезни вытягивай!

Так совпало, что, когда больному стало совсем худо, ещё и хозяин квартиры позвонил, чтобы сообщить о том, что возвращается. Лина собирала вещи и уговаривала Ивана не терять присутствия духа:

– У меня гнездо порока в запасе до февраля, не пропадём! Главное, не подкачай, за жизнь держись!

Она и сама была готова впасть в отчаяние, но позвонил по поводу какой-то статейки Витецкий, а она сказала ему об ухудшении и отключилась, и он появился вдруг в квартире одновременно с медиками, спокойно подхватил носилки, помог спустить их до машины, по дороге уверяя приятеля, что всё с Линой будет в порядке, в переезде ей поможет. Как ни странно, вскоре появилась главбух издательства, пояснив:

– Когда Витецкий позвонил, чтобы спросить, есть ли у тебя подружки в редакции, я решила, что Лера тебе, конечно, ближе, но ей не стоит рисковать, у неё дети. А мы с Жекой одиночки и в ковид не верим.

В шесть рук упаковали вещи, прибрались, бросили ключи

в почтовый ящик и поехали на Московский проспект. А когда таскали вещи в подъезд, мимо них прошла Ирка Медникова и обожгла взглядом.

– Нечистую силу даже не надо призывать, она сама является, – прошипел Витецкий.

– Чего это вы?

– Они все трое в «Молодёжке» начинали, – пояснила главбух. – И все трое хороши. У Ирки хвостик в те времена уже проклюнулся, но и у парней рожки пробивались. Твой оболъстителем слыл до брака с Мариной, бабы редакционные его Сатаной звали. А Витецкий... да что там, он по многим параметрам говнистый малый!

– Да ладно тебе, Лара, – вполне добродушно отреагировал он на такую характеристику.

На следующий день Лину начали бомбить звонками бывшие коллеги: что за дела, ты, говорят, ушла от Санталова к Витецкому? Ясно, Ирка постаралась. Да и плевать бы, но телефон Ивана не прозванивался, а она так ждала его звонка, и эти абоненты были ей ни к чему, только дёргали. А Витецкий продолжал её опекать: установил связь с госпиталем, чтобы узнавать о Санталове, отвёз её наконец-то на приём в женскую консультацию, потом на анализы и на УЗИ, где ей объявили, что будет мальчик. Помогая выйти из машины, подал ей руку, и она вздрогнула:

– Блин, дядюшка, у вас температура!

У ковид-диссидента начался ковид. Домой она его не от-

пустила, да и что ему делать одному в холостяцкой квартире! Вызвала скорую помощь, а зная, насколько она нескорая, начала колоть лекарства, которые остались от Ивана.

Ухаживать за этим пациентом было и легче, и сложнее. Легче оттого, что присутствия духа он не терял. Сложнее – потому что всякую медицинскую манипуляцию воспринимал в штыки. А ещё он продолжал работать, и это было сложнее и интереснее. Оказывается, он не только продолжал онлайн пополнять своё интернет-издание, а ещё и за Санталова материалы передавал. Теперь это отчасти легло на Лину. Это было страшно интересно, но, в отличие от Ивана, который был с ней и в работе мягок, Витецкий её самолюбия не щадил, за ошибки и нерасторопность язвил весьма болезненно для отвыкшей от оскорблений Лины. Но это была хорошая школа жёлтой прессы, в отличие от традиционной, которой её обучал Санталов. А грубо отвечать на грубость она постепенно училась, хамить неприятному Витецкому ей было в кайф. Самое смешное, что он от её грубости тоже кайф ловил. И ещё: не было в его язвительности несправедливого, обвинял он всегда за дело.

Главбух, чья квартира была над ней, первое время помогала им, но свалилась с теми же симптомами. Лина бы справилась с двумя больными, но, полистав больничную карточку, испугалась и позвонила её кардиологу. После собственной личной истории она такого человеческого отношения не ожидала: врач обещал перезвонить и ведь перезвонил, сооб-

щив, что независимо от степени тяжести заболевания его пациентка будет помещена в реанимационное отделение, что там о её диагнозе уже знают и машина за ней выслана.

Проводив носилки с больной, она поднялась на свой второй этаж и застала у собственной двери старуху Санталову с бывшей невесткой, которые упорно жали кнопку звонка.

– Вы что-то хотели?

– Где мой сын?

– Он в больнице.

– Я хочу убедиться, что его тут нет!

– Иван в больнице, а здесь находится другой больной, у него тоже ковид, и заходить сюда опасно...

– Не обманывай! Я должна это видеть!

Короче, ключ у неё из рук вырвала Марина, распахнула и влетела на кухню-столовую, где Витецкий, полусидя на высоких подушках, общался с кем-то, держа перед собой планшет.

– Вот! Ирка права!

– Лин, чего это они?

– Не врубился, дядюшка? Ирка разнесла по издательству весть, что я Ивана на вас променяла.

– У-у, как приятно, – расплылся в гаденькой улыбочке он. – Пришли обвинить нас в преступной страсти? Даже китайской заразы не убоялись?

Последние его слова заглушает дверной звонок. Поскольку дверь Лина за собой даже не прикрыла, сразу же вошли

два «космонавта» в белых скафандрах.

– Что за сборище, – набрасывается фельдшер, которая посещает Витецкого уже в третий раз. – Вы же говорили, что вас тут только двое!

– Да вот, не верят они в ковид, – наябедничала Лина. – Нагло вошли, хотя я им запрещала.

Вслед испуганно улепётывающим женщинам летят угрозы медицинского и полицейского характера. Но потом медики сменяют гнев на милость. Этот противный тип умеет, оказывается, быть обаятельным. Женщины оказались его читательницами и почитательницами, и даже обещали каким-то образом передать Санталову телефон, хотя в госпиталь не вхожи.

[1] См. *"Ловушка для осьминогов"*

Глава двадцать первая

И на следующий день Иван позвонил! Ответив на видеозвонок, Лина расплакалась:

– Ванечка, ты на Деда Мороза похож...

– Ну-ка, покажи, – хрипит Витецкий, и Лина садится на пол рядом с диваном, чтобы в камеру попало его ехидное лицо. – Вань, если увидишь, кому борода идёт меньше, чем тебе, обязательно мне покажи! Но вряд ли такой найдётся.

Бородой это ещё не назвать, но белая щетина смотрится на лице чем-то чужеродным. И ещё прозрачная трубка под носом. Голос слабый, с каким-то посвистыванием.

– Лина, что этот тип делает на твоих подушках? По законам жанра литературной чепухи, застав вас в таком виде, я должен тебя бросить.

– Я бы и сделал что-нибудь этакое неприличное на подушках, но пока для меня предел неприличия – это на них помочиться или обгадиться. Всё ещё с трудом дохожу до сортира, – веселится Витецкий. – Впрочем, у тебя будут свидетели гнусного прелюбодеяния. Вчера сюда ворвались тётя Нина и Марина и обвинили нас в распутстве...

Выслушав рассказ о вчерашнем, Санталов расстроился:

– Вот сучки эти, Ирка и Маринка, мать зачем потащили? Ведь полнота и возраст – основные факторы риска!

– Авось обойдётся, я больше недели температуру, может

быть, уже незаразный.

И пошла в жизни белая полоса. Из Уремовска Виталий позвонил, назвал время видеоконференц-связи. Потом короткий суд, на котором её даже не штрафуют. Новый паспорт, прописка в родном доме, восстановление СНИЛС, исправление последней записи в трудовой книжке. Начальник даже предлагал ей вернуться на прежнее место, сказал, что без неё весь коллектив осиротел. Только сейчас она узнала, что отец отсюда перешёл в университет на преподавательскую работу. «Попросили» после провала дела Полянского. Чувства вины при этом не испытала, хотя в предательстве не призналась. Всего два раза съездила, оставляя на весь день пациента одного.

– Второй Новый год проходит под короной, – вздыхает она, разглядывая свой новенький паспорт.

– Кончай себя жалеть, ищи фотки по теме. Вот Иван прислал удачную, где ряд коек с ИВЛ. Добавь сюда наших участковых в скафандрах, чтобы углом были... ещё в Новогорске узнай, были ли случаи привлечения за нарушение режима.

Этот трудоголик только о работе!

Тридцать первого Санталов выпросился из больницы. Встретили Новый год всё-таки! Но соком виноградным. Была в запасе бутылка водки, только Иван открыл её, понюхал и даже на язык взял: нет, нюх пропал, а без запаха не цепляет!

Наутро они с Санталовым впервые поругались. Иван мягко высказался о том, что не стоило оставлять приятеля в их

квартире, подвергать себя риску заражения, да и есть же какие-то рамки приличия, ну и что, что он одинокий, положили бы Евгения в больницу.

– Не тяни свои клешни ко мне, не пытайся загладить свою неправоту обнимашками. Давай-ка я отвечу. О себе. У меня иммунитет нормальный, переболела – раз, привита – два. О Витецком. Его в больницу под дулом пистолета не загонишь, а если бы увезли, то он бы себя там так повёл, что выкинули бы враз. И о нас двоих. Тебя увезли, по справочному телефону сухие отмазки ни о чём. Мне впору на стенку лезть! А он меня сюда перевёз, работой загружал, в больницу возил на приём и анализы. Моя бабушка мне говорила, что самое гадкое в людях – неблагодарность. Я ему по гроб жизни благодарна! Я плюю на рамки приличия! В этих рамках я бы сохла, сидела бы тут одна и с ума сходила по тебе! А с ним я была занята по самую маковку. Не всё ли тебе равно, что люди говорят? А ты лучше вспоминай о том, что он меня спасал для тебя, причём не один раз.

– Понял. Прости, – счёл за лучшее сразу отступить Иван.

– Я тебе больше скажу. Сына назову Евгением, мой малыш за жизнь ему не меньше должен быть благодарен, чем родителям.

Витецкий тоже не остался в долгу. Причину ссоры он понял и поддразнил приятеля в своей обычной манере:

– Сатана, знаешь, что те, кто женится на молоденьких, в смысле психиатрическом находятся в пограничном состоя-

нии, они латентные педофилы. У меня на соплячек твёрдое табу. Все мои дамы – сверстницы, первая моя длительная связь возникла на первом курсе и была дама возрастная, чуть ли не на десять лет старше. Она даже всерьёз за меня замуж собиралась, пока не узнала, что я несовершеннолетний! А ещё я педагог по диплому. Лина мне ученица, я её иначе как дитя рассматривать не могу. Вот у тебя, извращенца, журналиста по диплому, такие границы не установлены.

Он прожил у них почти до середины января. Слишком медленно восстанавливался. Уже Иван сел за руль и выезжал за пределы области, уже главбух издательства выписалась из больницы и вышла на работу, а он по-прежнему едва ноги таскал. Лина поражалась, что у него хватало энергии целыми днями висеть на телефоне, вызывая новости и сенсации, а потом стучать по клавиатуре ноутбука, но покрывался потом, стоило ему вокруг дома обойти. Лина таскала его по дорожке, ведущей от дома к остановке, а потом по круговой, которую облюбовали любители бега и собачники. Вечерами к ним присоединялся Санталов. «Танго втроём», – веселилась главбухша. «Привет шведской семейке!», – язвила Лера. А Лина бурчала:

– Некомплект, тут ещё моего законного мужа не хватает!

Толик в оба её приезда за документами скрывался, и Лине пришлось подать заявление о разводе мировому судье. Только получив вызов, он соизволил с ней связаться и предложил встретиться.

– На суде теперь...

– Нет, Лина, нам надо обсудить вопросы собственности.

– Ты что, мои юбки-блузки-пantalоны делить будешь? Но ведь твоя кассирша килограмм на десять легче и сантиметров на десять длиннее.

– У нас с тобой квартира.

– Ты и дальше собираешься её арендовать?

До Лины только тут дошло, что её средней руки предприниматель даже не выяснял, на кого оформлена квартира, не видел в глаза даже квитанций на оплату коммунальных платежей, а, следовательно, коммуналку уже год не платит. В терминах, которые она затвердила в общении с Витецким, Лина охарактеризовала его ум и порядочность, а потом перезвонила отцу и поинтересовалась, как это случилось, что в его квартире год живёт посторонний человек, да ещё за квартиру не платит? Его бормотание о том, что он её муж, вывело Лину из себя.

– Я год назад сказала тебе, что расхожусь! Я живу с другим, я беременна от него. А ты всё ещё собираешься нас воссоединить. Вы всю жизнь долбите мне, что я глупа. Извини, папенька, но, по-моему, это у тебя размягчение мозгов.

И бросила трубку.

Отец перезвонил на следующий день. Опять то же самое. Да ещё претензии: я, мол, плачу за квартиру, в которой ты прописана. И вообще, давно уже пора определиться с жильём. Давай я у тебя квартиру куплю.

Ну, понятно, всё о бабках.

– Папа, у тебя денег таких нет, чтобы её купить. И мне дед её завещал с условием.

– Неправда! Ты была ребёнком!

– Я была нормальным ребёнком. Это после его смерти вы стали из меня дуру делать. А дедушка сказал, что, если он маме наследство оставит, она его живо разматает, и нам обеим будет не на что жить. Он с меня слово взял, что, пока мама жива, я эту квартиру не продам. А теперь у меня ребёнок будет, я тем более её не продам. Ты ведь для своей Лолы у меня квартиру пытаешься вымозжить? То есть обделить дочь и внука, пусть и не родных, ради этой... ладно, не буду. Папа, я уже пять лет там не живу, и впредь не собираюсь, если жизнь окончательно не прижмёт. Пока ты жив, всё будет по-прежнему. Пользуйся жильём, мебелью, дедовой уникальной библиотекой. Но после тебя это достанется твоему внуку. Или Лола обещает тебе родного ребёнка подарить?

Он тяжело молчал. Потом отключился. Позже на неё пытался наехать Толик, похоже, что тесть наконец-то потребовал от него платить или съехать. Но быстро отступил, поняв, что Лина из-под контроля вышла навсегда.

– Ну что, развод и девичья фамилия? – спросил Витецкий Лину, встретив её на автовокзале вместо Санталова, уехавшего в Москву.

– Свидетельство о разводе на руках, а фамилию менять не стала. Какой смысл, если собираюсь её в очередной раз

сменить?

Через пару дней он увязался с ними в загс, и стал свидетелем на свадьбе. По предъявлении справки о беременности их зарегистрировали в тот же день. Так себе свадьба получилась: пообедали, Лина стала посуду мыть, а мужики на какой-то брифинг убежали.

Глава двадцать вторая

От штампа в паспорте ничего не изменилось, только Лине пришлось за новым обратиться. То ли от хлопот, то ли от приближения родов она стала сильно отекать, поэтому ездить с риелтором на просмотр квартир, выставленных на продажу, она отказывалась. Санталов нервничал, срок аренды «гнезда порока» заканчивался в феврале. Но однажды, не доехав до дома, они были вынуждены затормозить у аквацентра, увидев мать и бывшую жену Ивана, беседующих с Витецким. Иван пошёл пообщаться с матерью, Лина осталась в машине. Иван вернулся довольно быстро, вслед за ним подоспел его приятель.

– Ишь, как сияет, гадость, наверное, дамам сказал?

Муж засмеялся:

– Ты не поверишь, заставил меня поклясться, – и не договорил, его согнуло от хохота.

– А что такого, тётя Нина очень не хотела, чтобы Ванька на тебе женился. Я ему и сказал: не огорчай маму, дай слово, что больше никогда не женишься. А он такой: да пожалуйста, клянусь, что больше никогда не женюсь!

– А Марине что требуется?

– Подлечить уязвлённое самолюбие, – ухмыльнулся приятель. – Вот только ты Ивана не ревнуй.

– Вот ещё...

Лине плевать на Марину, да и на свекровь, по большому счёту, тоже. Что ей чужая тётка, она с родной матерью четырнадцать лет не виделась, они перезванивались один-два раза в год, и каждый раз после звонка у неё надолго портилось настроение. Как Ваня сказал? Все друзья в прошлом остались? Да, у неё тоже не друзья, а приятели. В нынешней жизни один Ваня весь мир заслонил.

Нет, всё-таки этот ехидный лысый чёрт ей друг. Вечно со словами гадкими, на работе и вовсе заорать может, но что значат слова по сравнению с поступками? Наорёт, а потом яблоко сунет: «На, подкрепи пузожителя». Не даёт наклониться, бросается сапоги ей застёгивать. Да, спасибо ни разу не сказал. Но не обвинять же его в неблагодарности, если в делах он роднее родных? И замечает то, что порой даже Ваня не видит.

– Ты что сопишь недовольно? Что на мужа зло косишься?

И вытянул-таки из неё занозу: Иван воспринимает её беременность как болезнь, то есть неизбежное зло, которое нужно перетерпеть. И её ребёнок – такое же неизбежное зло, косяк.

– Лина, а ты разницу между мужиком и бабой понимаешь? Не то, что между ног и в целом по контуру силуэта, а психологически? Так вот, что касается разницы между мальчиками и девочками, то женщина девять месяцев дитя в себе носит, а потом всю оставшуюся жизнь считает его частью себя. Оно у неё на уровне спинного мозга приросло. А му-

жик слишком мало в это дело вложил, чтобы так уж ценить. Поэтому оценивает головным мозгом. Может полюбить, может гордиться, если есть чем. Присмотрится и со временем полюбит. Но может и не полюбить, имеет право. А твой Иван до оскомины добропорядочный, если и не привяжется, всё равно родительские обязанности будет исправно исполнять. Вот у тебя отец был?

– И был, и есть. Он не биологический... ну, то есть мама меня от кого-то другого родила, но растил он меня с самого рождения.

– Он тебя любит? Ну? Ты что зависла?

– Интересный вопрос, дядюшка. Никогда об этом не задумывалась. Как ни обидно это признавать, если любит, то несколько своеобразно. Но вообще у меня и мама тоже... своеобразная.

– Ну, договаривай!

– Вот если человек ежедневно твердит тебе, что ты тормоз, дура и некрасивая – это любовь?

– Охренительно! Что, и мать, и отец? А я всё думал, что это ты беззубая такая? Мне часто тебя побить хочется, а оказывается, ты уже битая-перебитая, и зубы тебе в семье давно повывёргивали без наркоза. Теперь понятно, какой цемент скрепил вашу пару. Ну что ж, пациент Санталова, у Ивана этот брак точно будет последним, недаром клялся. Это я тебе как доктор говорю.

– Хватит ржать, выражайтесь яснее!

– Ты первая в его донжуанском вписке, у которой полное отсутствие стервозности. Недаром он полгода тебя обхаживал.

– Да ничего он не обхаживал! Если хотите знать, я ему сама навязалась!

– Серьёзно? Как рыбак-теоретик тебе скажу: для того, чтобы рыбка заглотила крючок, надо его к ней подвести и червячком завлечь. Так что не заблуждайся. И кончай, рыбка, икру метать впустую. Он тебя любит, и это главное.

– Дядюшка, ни разу к слову не пришлось. А ты женат был, дети есть?

– И женат был пару раз, и дочь есть. В Ефимовске живёт с матерью, Света, семнадцать лет, папкой чужого мужика зовёт. Редко общаемся, зовёт предком, когда деньги нужны. Предваряя последующие вопросы, скажу: женился по залёту, счастья не испытывал, когда родилась, охренел на первой неделе от детского писка, умиления от содержимого памперсов не испытывал. Разбежались быстро. Алименты плачу исправно.

– Ну, по крайней мере, честно. А может, Света родит пацанёнка, и в вас на старости лет вдруг проснётся чадолюбие. Будете вы его учить obscene лексике, кормить кашей и прогуливать по Жаброво.

Наконец-то приходит повестка по поводу нападения. В отделение её сопровождают двое: и муж, и начальник. И в кабинет вваливаются все трое. Несмотря на то, что Лина да-

же ещё не в декрете, вид у неё ужасный: бледность, отёки и необъятный живот. На замечание одного из обитателей кабинета о том, что приглашена она одна, Витецкий вкрадчиво уточняет:

– А роды вы принимать будете?

Игорь в клинике неврозов. Следовательно, с опаской косясь на Линину оплывшую фигуру, задаёт вопрос, каким образом Игорь узнал адрес съёмной квартиры, если его, адрес то есть, вообще никто из знакомых не знал. Лина впервые чувствовала себя защищённой, поэтому не растерялась, а стала рассуждать:

– Вопрос, конечно, интересный. В распечатку звонков и его, и моего телефонов, конечно, брали, поэтому знаете, что он у меня в ЧС, и мы не перезванивались, так что версия у меня только одна: Полина. Ещё когда работала, видела их вместе. А буквально за несколько дней до нападения мы столкнулись в Жаброво. Я от неё с трудом отвязалась, сев на автобус, а потом в последний момент выскочив из него, но кто мешал ей проследить за мной?

Недалёкая девочка, которую очень оперативно разыскали, сразу созналась, что Игорь заплатил ей за адрес Лины. И наивно хлопала ресницами: «А чё такого?» После этого давить на Лину, что она сама пригласила троих придурков, учитывая к тому же, что дверь была сломана, уже как-то было ни к чему. Дело опять зависло в ожидании выздоровления главного подозреваемого.

И вот Лина получила больничный. Неделя отдыха – и она готова на стенку лезть. Понемногу помогает мужу с набором текста, стряпает, много гуляет, но всё равно чувствует себя не при деле. Наконец-то они покупают жильё, как и мечтали, в Жаброво. Иван Ильич вкладывает в неё все имеющиеся деньги, и они оказываются в абсолютно пустой квартире. К счастью, предыдущие владельцы оставили им кухню. Витецкий, пришедший помочь приятелю освежить отделку, благо живёт в доме напротив, ржёт:

– Знаете ли вы, что если из мебели у вас один журнальный столик, то вы не журналист, вы алкоголик.

Нет, кровать они, конечно купили. И столик у них, не журнальный, а маленький для ноутбука был. И кресло к нему. И всё, больше в комнатах ничего!

И Витецкий предлагает Лине подработать ещё месяц на корпоративном портале, «чтобы было пузожителю на памперсы, себя занять делом и мужу нервы не трепать». Режим сидящий, только два дня в офисе, а три на удалёнке, поэтому даже Санталов не очень возражает.

Глава двадцать третья

– Круто у вас, московских, – завидует Витецкий. – Семинар в Турции! Эдак на халяву в море искупаться, водочки попить, с коллегами женского пола пообжиматься, жизнь холостую вспомнить.

– Вот и я говорю, – соглашается Лина. – Нас бы послали, а, дядюшка?

Уговорили всё-таки Санталова. Отбрыкивался от поездки всячески, но сегодня с утра улетел в Москву, а дальше чартером в Анталию.

Лину очень волнует, как чувствует себя Иван. Ей кажется, что из всех чувств к ней у мужа осталось только чувство долга. Об этом она говорит в машине, когда они возвращаются с «присутственного дня», прихватив с собой новую подругу Витецкого, врачиху заводской больницы Раю. Эта дама поразительно похожа на предыдущую, такая же полная, громогласная и ехидная. Только волосы вытравила в платиновый блонд, а предыдущая была рыжей. Она откликается, не давая ему слово вставить:

– Что ты комплексуешь? Ну, отёки, ну, живот. Мужики таких мелочей не замечают. Если муж любящий, то в его глазах жена всё та же, какой он её в первый раз увидел. Даже если пятьдесят лет с той поры минуло и пятьдесят килограмм с той поры наедено.

– Это у неё гормоны, – подхватывает Витецкий. – Все беременные такие. То «ты меня не любишь», то селёдку ей под плащом.

– Под шубой, чудила, – хохочет дама.

– Ты звони, если что, – высаживая Лину у подъезда, говорит он. – Проводить?

– Что я, до лифта не дойду?

Да всё нормально. Тридцать четвёртая неделя, завтра второй присутственный день, а потом можно залечь дома, только дважды выходя на улицу: днём не меньше часа среди сосен, а вечером перед домом по дорожкам, чтобы спать крепче.

Назавтра одна из коллег некоторое время не решается что-то сказать ей, а потом всё-таки не выдерживает, и сообщает, что кроме собкоров газеты на семинар приглашены руководители некоторых региональных изданий. И от Энской области двое.

– Дай сообразить... значит, «Губернская» и молодёжка. Дядюшка!

– Ты что, рожаеть?

– Хуже! Тем charterом Ирка Медникова полетела!

Они переглядываются и хохочут. В аэропорту Иван Ильич им говорил, что хоть напьётся, не оглядываясь на жену, которая уже почти год как содержит его в трезвости.

– Какой облом, – стонет Витецкий. – В кои-то веки настроился на пьянку, а тут Ирку нелёгкая принесла!

А вечером позвонила мама. Лина давно с ней не разговаривала, уже года полтора. Травма, потом ковид, потом побег. Признаться, она и не вспоминала о ней. На те похороны она вряд ли приезжала, по всему миру тогда были ограничения из-за пандемии. А интересно, после появления Лины и объявления её в розыск матери хоть сообщили, что дочь жива? После вторичного её появления речи об этом не заходило. Когда Лина подумала об этом, то ей стало стыдно. Но потом она себя одёрнула: не так уж много места в материнской жизни она занимала, чтобы думать о ней.

Ну, глядя на незнакомый номер, Лина ничего такого не предполагала. И вот знакомый голос. Особенно не стесняясь, мать поведала о том, что своевременно переслала в Россию документы, чтобы принять наследство умершей дочери, и только на днях, испытывая денежные затруднения, решила затребовать деньги. Обратилась к другу Саше и узнала, что дочь, оказывается, жива. И уж коли разговор этот начат, то пора дедово наследство поделить.

– Я жива, так что наследство тебе не светит.

– Ишь, как заговорила. А совесть?

– Совесть, мама, субстанция нематериальная. Деньги, которые оставил мне дед, прожиты, а квартиру я буквально на днях пообещала папе. Пожизненно, потом он её Женьке моему оставит.

– К-какому Женьке? – мама даже заикаться начала.

– Сыну моему, внуку вашему общему, который месяца че-

рез полтора родится.

Почему-то имя зацепило её даже больше, чем отказ поделиться наследством.

– Не смей! Слышишь, не смей этим позорным именем моего внука называть!

– Я так решила. А ты при встрече, если она когда-нибудь состоится, можешь звать его «мой малыш», «внучок», «котик», «пупсик». Пока!

Лина отшвырнула трубку и решила выйти прогуляться, чтобы немного разрядиться. Заодно до торгового центра дойти, творога купить. Терпеть она его не может, но для формирования костей ребёнка полезно. Пока ковырялась на стеллаже с молочными изделиями, разглядывая срок годности, обратила внимание на неприятного типа, мрачно поглядывающего на неё из-за контейнера с минеральной водой. Знакомое лицо. Впрочем, в здешний магазин ходят только живущие в микрорайоне, так что со временем все лица примелькаются. А Санталовы хоть и первый месяц тут живут, но до болезни Ивана почти полгода жили в соседнем квартале.

Лина вышла из дома налегке, только бумажник в карман пальто сунула и маленький пакетик, зная, что ничего кроме творога покупать не будет. Стоя на крыльце магазина, посмотрела по сторонам. Уже почти совсем стемнело. Днём было на нуле, но к вечеру изрядно похолодало. Прошлой ночью до пятнадцати градусов опускалось, похоже, что и нынче будет не теплее. Обычно она выходила гулять позже, но раз

уж оказалась на улице, так лучше потоптаться заодно, чтобы потом из дома не вылезать. Может, и пораньше спать завалится. Хотя она очень уговаривала мужа поехать на семинар, но без него чувствовала себя неприкаянной. Встряхнулась и двинулась по хорошо присыпанной песком дорожке. Решила по ней дойти до следующего квартала, где они прежде жили, обойти его по кругу и мимо школы вернуться к дому.

Когда Лина оказалась в арке, ведущей в квартал, окружающий школу, сзади послышались шаги. Она ускорила шаг, но чьи-то руки крепко ухватились за её плечи. Это тот, что следил за ней в магазине, сразу поняла она. Пока Лина пыталась вырваться, другой мужчина заклеил ей рот, а потом прикрыл скотч медицинской маской. Они взяли её за руки с двух сторон и потащили назад. Запихнули в машину, заломив руки и связав их за спиной.

Машина – какой-то жигуль древнего вида. В салоне невыносимо пахнет бензином, и к горлу подкатывает тошнота. Некоторое время она часто дышит носом, пытаясь побороть рвоту, но потом горло обжигает желудочным соком, рвота заполняет рот и нос, маска намокает, Лина задыхается. «Э-э», – тянет непонимающе тот, кто уселся рядом. А тот, кто за рулем, матерится, прижимается к обочине, разворачивается к пассажирам, снимает с Лины маску и срывает скотч, получая на руки фонтан рвоты. Он снова матерится и шипит:

– Слышь, ты, свинья супоросная, мы тебе пасть оставим отклеенной, но если ты хоть слово!

И выразительно подносит к её лицу кулак.

– Атас, менты, – шипит второй.

Линино сердце пускается в пляс, но машина с мигалкой проносится мимо. Лина мучительно кашляет, сплёвывая на колени, потом новый позыв рвоты. Сосед отодвигается, насколько это возможно, но в этом авто возможности ограничены. Машина вновь срывается с места, и Лина заваливается на соседа. Тот брезгливо её отталкивает, и она ударяется лицом о спинку переднего сидения. Тут она уже чисто из вредности рыгает на неё. Водитель орёт:

– Блин, дядька убьёт за машину! Сама будешь её отмывать!

Как они не боятся? Эти дебилы провозят похищенную через центр. Но дуракам бог помогает, и на них никто не обратил внимания. Свернули в сторону Заводского района. Где-то на подъезде к территории завода они разворачиваются и какими-то закоулками мимо заброшенных складских зданий въезжают в узкий тупик. Споро выдёргивают из машины и вталкивают в сравнительно тесное помещение. Похоже на обычный частный гараж под одну легковушку. Грубо усаживают на засаленное сидение древнего стула и приматывают завязанные сзади руки к стойке стеллажа у стены.

Значит, для защиты и спасения у неё только ноги и язык. Ну что ж, язык важнее. Как-никак, она в журналистике уже год, да и в университете филологии обучалась. Они загоняют машину в гараж, с матюгами устанавливают лампу на капоте,

направляя её на Лину. Она понимает, что готовится, и борясь с одышкой, спрашивает:

– А Поинка где? Неужели к мужу моему поехала? Вов, ты сам, что ли, свою бабу под него подложил?

Она узнала его, когда услышала «Менты!» Такая вот цепочка ассоциаций: в роли мента – участковый из их башни на Московском, а рядом Вова, которого он оттаскивал от двери «гнезда порока».

– Ты чё? – взрывается Вова и ударяет её в ухо.

– Она вам хоть денег чуток дала? За меня ведь мамаша дружка её немало заплатила, – продолжила она, не обращая внимания на боль. – А то ведь она от моего Санталова теперь не вернётся.

– Ты чё гонишь?!

– Ой, боюсь, что они уже в Москву рванули... представляешь, у него путёвка на двоих в Анталию на руках и мой паспорт заграничный. Ты позвони ей, спроси, где она. А если не ответит, позвони какой-нибудь её подружке и спроси, какие планы у неё были на мужика, к которому она хотела секретаршей устроиться.

Не обращая внимание на друга, который уговаривает его не горячиться и не звонить, как договорились, Вова набирает Полину, слышит механический голос и звонит какой-то Ксюхе. Она напропалую кокетничает с ним невзирая на его рычание. На это Лина и рассчитывала: подружка, такая же пустоголовая и бессовестная, сдаст Полину с потрохами. Ли-

на знала, что Полина ещё тогда, почти год назад, прониклась любовью к такой несложной профессии, как секретарша, и долгое время обходила различные конторки, предлагая свои услуги... ну, те услуги, которые могла оказать. И Ксюха не подводит, вроде бы неумышленно сообщая, что у начальница жена старая и толстая, и подвинуть её будет легко. А потом типа «ой, я же ничего не знаю, это всё случайно вылетело!» И Вова командует другу:

– Сидишь, ждёшь меня! Чё «скучно, холодно!» Вот тебе баба, грейся, развлекайся!

Когда Вова уезжает, Лина говорит оставшемуся:

– Как ты думаешь, он вернётся? Нет, я не к тому, что он тебя продаст, вы же дружки с детства, а может, и родственники. А вот Полинка, она вам собирается деньги отдавать?

Парень молчит. Он такой же недалёкий, как Вова, но у него не взрывной характер, и он упрямый, если чего решил, то не свернёт, даже если поймёт, что его обманули. И Лина продолжила:

– Я к чему? Понятно, что и меня, и Женьку вы убьёте, деваться вам некуда...

– С чего ты взяла... эй, погоди, какую Женьку?

– Не какую, а какого. Сыночка моего, который через месяц появится. Я ведь на сохранении лежала, была угроза выкидыша. И чтобы доносить, мне на шейку матки два шва наложили, – тут Лина с легендой не заморачивалась, мужики в женских делах не разбираются, можно любой бред впарить.

вать. – Представляешь, муж два месяца на голодном пайке? Я боялась, что он загуляет, а тут ещё эта Полинка коршуном вокруг него кружит. Теперь, значит, мамаша Игоря наняла вас, как я понимаю, меня изнасиловать под камеру, чтобы вроде как я сама сексуально озабоченная, и сама бандюков приглашаю, чтобы они надо мной поизмывались. Но ведь я всё равно на вас заявлю! А ты знаешь, что с насильниками в тюрьме делают? Вам, небось, крутого адвоката обещали? Только в предварилровке адвоката не будет, а будут голодные мужики с уголовными понятиями. Оттрахают вас, будь здоров. Ну, за деньги можно, конечно, потерпеть...

– Заткнись!

– А я что? Ты меня насилуешь и начинаются роды. Вы убегаете от страха, и мы с сыном загибаемся. Два убийства. И видео с места события. Ни один адвокат не отмажет. Полинка при деньгах и при моём муже. Ей сколько, двадцать? А ему сорок четыре. Знаешь за что мне больше всего обидно? Что всё ей достанется: и муж мой, и квартиры наши, и деньги. Вот хочу я, понимаешь, чтобы хоть деньги Вова успел у неё отобрать, и те, что мэрская жена ей заплатила, и те, что у нас на машину отложены. Блин, полтора миллиона!

– Где лежат? – не выдерживает похититель.

– Нет, сразу не скажу, а то эта стерва Вову вокруг пальца обведёт и деньги заберёт. Позже, когда ясно будет, кто победил.

– А может, ты вообще всё врешь, – говорит недоверчивый

похититель.

– Что ты хочешь проверить?

– Ну... мужику твоему позвонить.

– Если он везёт Полинку в Москву по чужому паспорту, то дурак он будет отвечать на звонок. А ты позвони кому-нибудь, кто может узнать, где Санталов.

Её тюремщик надолго задумывается. Потом говорит:

– А вот лысый плюгавый такой приятель твоего. Какой у него номер, помнишь? Ты почему без всего в магазин вышла?

Да, значит, следили они за ними некоторое время, если приятеля заметили. Лина делает вид, что с трудом вспоминает номер. На удивление парень обращается к Витецкому с очень правдоподобным вопросом, дескать, спрашивал Санталов у него о хорошем мастере-столяре, что мебель на заказ делает, а сам телефон отключил. Вот, сосед его дал номер приятеля... извините, если не по адресу. И Витецкий предлагает ему перезвонить через недельку, мол, Иван Ильич в Турцию укатил.

Дома, понятно, никого нет. Но Вова взял её ключи. Хорошо, если бы Полина разминулась с Вовой. Теперь всё зависит от того, кто первым позвонит сюда.

Но похититель уже завёлся и ждать звонка не желает. Он подходит к воротам, и Лина вслед ему говорит:

– Эй, дай мне на ведро сходить, а то я тут обмочусь и примёрзну.

– Да и ... с тобой, – но потом притормаживает и поворачивается к ней. – Говори, где деньги, будет тебе ведро.

– Поторгуемся? Ставь ведро!

Парень нехотя возвращается и шарит по стеллажам. Наконец берёт пятилитровую пластмассовую бутылку из-под питьевой воды и срезает верх по плечики:

– На тебе, пользуйся!

– А встать, а руки?

– Сама как-нибудь.

– Да будь ты человеком!

Он некоторое время пребывает в раздумьях, потом возвращается и достаёт из кармана нож. Срезает скотч, скрепляющий руки и стойку, потом разрезает его на руках. Лина двигает ноющими плечами, вращает затекшими кистями. Парень её торопит. Она бурчит:

– Ты хоть отвернись...

– Да ладно, чего я там не видел. Рассказывай, где деньги.

Куда деваться, Лина присаживается и отвечает, осторожно ощупывая взглядом пол на предмет чем бы тюремщика ударить. И потом её осеняет:

– Деньги на антресолях над кухонной дверью. В коробке сапоги, а в сапогах деньги напиханы... слушай, тут горячая вода есть?

– Че-е-го?

– Это... понимаешь, это воды отходят! Я рожаю! Помоги с банки подняться, а то Женька прямо в неё улетит!

Некоторое время парень тупо смотрит на вытянутые к нему руки, потом разворачивается и вылетает в ворота, оставив их приоткрытыми. Лина встаёт, подтягивает велюровые домашние штаны, застёгивает безнадёжно заблёванное пальто, прихватывает для защиты какие-то железные не то клещи, не то бог знает, как эти щипцы называются, и выходит из гаража, оставляя ворота точно в том положении. И думает, что физиология – штука для нервных мужиков пострашнее грязной сковороды, которой она огрела Игоря. Похитителя уже не видно, но Лина сворачивает в первый же узкий проход между гаражами. Минут сорок она шагает по наезженной колее, пока не оказывается перед дощатым забором, пролом в котором выводит её во двор ветхой пятиэтажки. Почти сразу она сталкивается с тёткой, несущей ведро к контейнерам у забора и говорит:

– Помогите мне пожалуйста...

– Блин, и что же вас в гаражи-то носит, – осветив её фонариком, говорит тётка. – Полицию вызывать?

Лина кивает. Какой-то полицейский появляется на удивление быстро, наверное, поблизости живёт, он её спрашивает и звонит в отдел. Приехавшим полицейским она путано объясняет, как ехали к тому гаражу, где её держали. Сидит она в их машине, и тот, который её спрашивает, оставляет двери открытыми и брезгливо морщится. Ясное дело, несёт от неё не розами.

Почти одновременно отзвонились те, кто на полицейской

машине были посланы разыскать гараж похитителей, и появился автомобиль Витецкого. С ним его блондинка Рая, которая ругалась с мужиками почище её вредного друга и силой пыталась перетащить Лину к себе. Потом её отвезли всё-таки в больницу, где осмотрели на аппаратуре, обработали руки и лицо, пострадавшие от скотча. Ночь она провела в стационаре, а наутро её отпустили домой. Как ни странно, на беременность её приключения не повлияли.

Глава двадцать четвёртая

К тому времени, когда Лина вышла во двор жилого дома, Вова уже сидел в отделении, а Полина лежала в травматологии. Бой произошёл вовсе не в квартире Санталовых, а в той, что они снимали в прошлом году.

Девушка решила извлечь из ситуации максимальную выгоду, то есть получить деньги и от заказчицы, и от мужа похищенной. Это она так своим подельникам сказала, а может, планы на Санталова у неё были иные, но теперь уж этого не узнаешь. Несмотря на то, что Полина следила за Линой, главного она не увидела: того, что живут они в другом доме. Решила, что в гости туда ходят. Поэтому, когда парни увезли Лину в гараж, она отправилась напрямиком в бывшую съёмную квартиру, где уже третий месяц проживал владелец. Почему так получилось, что после ответа на вопрос о Санталове Полина не ушла, а оказалась в гостях? Хозяин квартиры, разведённый мужчина в возрасте за сорок, журналист-фрилансер, в отличие от приятеля владеющий несколькими языками, а поэтому зарабатывающий большей частью в зарубежных изданиях и несоизмеримо больше, что с первого взгляда было заметно, показался ей перспективной добычей. А он с первого взгляда понял, что девица не против, и дурак бы он был, отказавшись от добычи, которая сама прибилась к порогу. Прошло довольно много времени, пока Лину при-

везли в гараж, потом пока она натолкнула Вову на мысль о неверности Полины, потом дорога назад в Жаброво, потом Вова с Лениными ключами слегка замешкался внизу, потому что электронный ключ к чужому домофону не подошёл. Позже он в подъезд всё-таки проник вслед за жильцами. А когда Вова стал ковыряться чужими ключами в замке квартирной двери, то хозяин не бросился сразу открывать, а позвонил соседу. В результате мужики Вову немножко попинали, а вся такая внезапная, противоречивая вся Полина вдруг кинулась Вову защищать. В результате слегка пострадали соседи, а Вова вдруг тоже оказался противоречивым и пару раз вмазал Полине. Потом приехала полиция и рассортировала компанию.

Теперь, когда встаёт вопрос о выписке Полины из стационара и последующем запросе о содержании под стражей, она просит Лину о встрече.

– Нет, – решительно говорит Санталов.

– Ванечка, я обучаема, – реагирует на запрет Лина. – Я помню, что ты предупреждал меня о том, что помоечные кошки опасны. И я с ней не общалась и впредь не собираюсь, она меня просто выследила.

А через пару недель в абсолютно спокойной обстановке Лина просто подвернула ногу на том же крыльце торгового центра, даже не упала, а зацепилась руками за перила, устояв и только слегка встряхнувшись. И то, чем она пугала похитителя, произошло. «Вот ведь накаркала», – подумалось. И

Иван, как назло, в поездке по районам. Пусть муж в пути не дёргается, решила ему не звонить, и вообще никому. Ну хоть что-нибудь она должна сделать самостоятельно! Например, родить.

– У вас как, были запланированы партнёрские роды? – спросила у Ивана Ильича присоединившаяся вместе с Витецким к нему в поездке в перинатальный центр Рая.

– Ну нет, – замотал головой Санталов. – Этот стресс мне не по силам. Я вчера чуть не сдох, когда приехал, а её нет. Звоню, а она говорит, что родила.

– Говорят, отцы хотят присутствовать на родах, если отсутствовали при зачатии, – заржал его приятель.

– Кончай балагурить, – прикрикнула на него подруга. – Прежде чем на глаза жене под окном появиться, пойдём-ка давление померяем, папаша. Что-то мне ваш бледный вид не нравится. А ты, юморист, не усугубляй.

Она, действительно, увела Санталова в приёмный покой. А Витецкий, поглядев на сердитую медичку в справочном окне, выловил более добродушную, как ему показалось, в годах и в весе, и спросил, как можно обойти ограничения и повидать родственницу.

– Мальчик недоношенный, в реанимации. Ничего особенного, носовое дыхание, с терморегуляцией, понятное дело, проблемка. Да чуть подержим в кувезе, завтра, может, уже кормить начнёт. Стоит там, дурочка, рыдает у окна. Нырять-те туда, где скорые подъезжают – и на второй этаж. Но я вам

ничего не говорила!

Лина стояла у окна между реанимационной палатой и коридором. Витецкий тронул её за плечо. Она развернулась, всхлипнула и уткнулась ему в грудь. Он как-то растерялся, гладил её по спине и не знал, что сказать. Схохмить в своей обычной манере – как бы хуже не сделать. Через Линину голову он заглядывал в окно и не решался спросить, какой из двух младенцев, находившихся в огромной палате, её. На его взгляд – оба страшненькие.

Сзади послышались шаги.

– Ангелина, – раздался резкий окрик. – Ты что сырость разводишь, дура?

Они повернулись, не разрывая объятий.

– Мама? Ты что делаешь здесь?

– Я вчера в Новогорск прилетела, а тётя Наташа сказала, что ты родила... а это кто? Блин, Жень, вы с ума, что ли, сошли? Извращенцы! Да кого вы выродили?

– Марго? Ты чего орёшь?

– Подожди, дядюшка. Это, что ли, твоя возрастная дама, с которой у тебя была связь на первом курсе? Ну чисто литературная чепуха! Пресловутый граф нашёлся! Мам, он что, мой биопапа?

Лина снова уткнулась ему в грудь, но теперь смеясь. Подошли Санталов с блондинкой Раей.

– Жень, это что, истерика?

– Хуже, ребята, это воссоединение семьи. Оказывается, я

вчера дедушкой стал. Ну, Мотылёв, чёрт глазастый! Ведь он один в нас сходство заметил!

– Санталова, это что за сборище? Живо в палату, вам сейчас ребёнка принесут на кормление. Посторонние, немедленно покиньте отделение!

Глава двадцать пятая

Когда всех посетителей выставили в зашей, прямо у пандуса, по которому въезжали машины к приёмному покою, начались родственные разборки. Иван Ильич, которому только на ходу удалось обнять жену, был зол и на приятеля, который добрался до неё раньше, и на его даму, которая заставила его зайти померить давление, да ещё болючий укол заставила вытерпеть в пятую точку, и столько времени на этом пришлось потерять. А к теще, которую он видел впервые в жизни, у него вообще была масса претензий как за прошлое её отношение к дочери, так и за сегодняшнее, он же слышал, как она орала «дура»! Витецкий это понимал, поэтому начал разговор первым.

– Иван, я тебя понимаю, с Линой поговорить не удалось. Но и ты пойми, если бы она тебя бледного увидела, она бы расстроилась. Сейчас ей детёныша принесут, и она про всех нас забудет. Значит, успокаивайся и привыкай к мысли, что я тебе тесть, – тут он заржал в голос. – Соответственно, терпи и уважай. Это Марго, твоя теща. Не знаю, как сейчас, а тридцать лет назад она была дура и психопатка. И как Линочка такая умница и выдержанная у нас получилась, наверное, выродилась в меня, хотя в семье её постоянно унижали...

– Ты что несёшь, Витецкий! Ты к ней никакого отношения не имел с самого зачатия! Мы с Павлом её вырастили,

воспитали, образование ей дали!

– Да? А Лина утверждает, что видела вас в последний раз, когда ей было четырнадцать лет, – возразил Иван.

– А почему вы решили от Женьки родить? Я думаю, они с вашим мужем были по внешности не схожи? – вступила в разговор блондинка.

– Да, – вырвалось у тётчи. – Юным он красавчик был, я надеялась, что ребёнок будет хорошеньким, а дочь родилась вся в деда, крупная, нескладная, носатая...

– Ну и сука же ты, Марго, – с чувством произнёс Витецкий. – Ну как можно обижать собственного ребёнка! Иван, не допускай её к жене!

– Даже и не собирался, – ответил он. – Поехали, Жень! Мне ещё диван покупать. Поможешь?

– А то! Я ребёнку кроватку подарю, да, Рая?

– Мог бы и покруче чего. Всё-таки ты немало задолжал дочери за тридцать лет, – подколола она.

– Не преувеличивай, ей всего-то двадцать восемь.

И не так уж долго сынок набирал вес и силы. Когда его принесли домой, у него уже прорезался такой басовитый крик, что на три этажа разносился, если мальчик был голоден. День с ночью он путал, довольно спокойно отсыпаясь днём, а ночью задавая концерты. Только ранним утром после кормления Иван Ильич выкатывал коляску на улицу, давая возможность Лине немного поспать. Да новоявленный дед в выходные дни предлагал свои услуги, прогуливаясь с вну-

ком по дорожкам. Не сказать, что уж очень он к ребёнку привязался, но заинтересовался точно. И гордился. Но больше всего это его смешило. Аттракциона неслыханной щедрости от него никто не ждал, его и не случилось, но кроватку он внуку подарил. Санталов посмеивался, что по законам жанра должен был этот жмот передать Лине имение и графскую корону, на что она вполне серьёзно возразила, что их сын – единственный наследник всех предков как по отцовской, так и по материнской линии, дай бог им долгой жизни, конечно. Поэтому пусть Витецкий своей законной дочери свои сокровища оставит, а Лине достаточно заботы и поддержки, что она от него за последний год получила. После вскрывшегося родства возникла неловкость: как его теперь называть? Дядюшкой – не соответствует действительности, папой Лина другого привыкла звать. В результате стала звать дедом. Кажется, ему это нравилось.

Как-то, проводив деда с внуком на прогулку, она вместо того, чтобы прилечь, стала на кухне порядок наводить. Муж двинулся за ней:

– Лина, отдохни, ты только скажи, что делать надо...

– Да чего-то я и спать сегодня не хочу. Вот думаю о подмене. Как тогда все говорили, что поступок мой неадекватный был. Но ведь до этого в моей жизни столько подмен было! Только без меня это решали. Мать мне отца подменила. Она ведь с ним встречалась несколько недель, не зная, что он соплик несовершеннолетний, и всерьёз собиралась за него

замуж. Только когда узнала, что он на первом курсе учится, согласилась за папу выйти. Не думаю, что он был бы хорошим отцом, Свете, дочери законной, он отец никакой, но, по крайней мере, душой некрасивой не дал бы меня звать. Они мне и профессиональный путь подменили, куда, мол, тебе в школу, седи секретаршей, это твой потолок. Толик этот опять же... у него вместо меня много дам на подмене находилось. И только когда я на дурацкую по всеобщему мнению подмену решила, у меня жизнь наладилась. Удачной она стала для меня. Я счастливая, Ванечка.

Напрягало только одно: не видела она в муже той беззаветной любви к сыночку, что переполняла её. Да, гулял с ним, мог сменить памперс, помогал купать, укачивал. Но ей хотелось бы, чтобы умилялся и радовался.

По тёплому времени года они много гуляли, на улице младенец вёл себя спокойнее, так что большую часть времени он находился на свежем воздухе.

Как-то столкнулась Лина в своём квартале с Полиной. Удивилась, что не сидит, оказалось, что под подпиской. Ещё наглости хватило у неё обвинить Лину в том, что родилась она у приличных родителей, никогда не голодала и в рубище не ходила, работу имела, мужа нашла богатого...

– А не надо сукой быть, – вырвалось у Лины, агрессивной от недосыпа. – Я же знаю, нормальные у тебя были родители, не алкаши и не лодыри. А у дружка твоего Игоря, которому ты меня продала, и вовсе обеспеченные по самые ноздри и

при власти, а он такая же сволочь, как ты. Я училась, старалась, а ты ленилась. Я в университете на бюджете училась, потому что школу закончила нормально. Ты в моей секретарской работе только чай-кофе увидела, а то, что как минимум родным языком надо владеть и компьютером хотя бы на уровне тупого пользователя – этого ты не заметила. Какие у тебя ещё трудности были? Вова тебя бил? Так ушла бы от него! Меня били один раз. Я не простила, моя обидчица хоть и получила условный срок, но судимость имеет. И тебя не прощу, ты меня вместе с моим не рождённым ребёнком дважды на смерть посылала.

– Ишь, и у тебя зубки прорезались, – выслушав её возмущённый рассказ, сказал муж. – Только эта кошка всё равно не поняла. Но главное, что ты возражать научилась.

– Обидно, Вань. Такое ощущение, что все против всех. Только самые близкие за тебя, но и они предать могут.

– Что, и я?

– Нет, что ты! Тогда и жить не стоит.

Конец мая, жара. Лина ушла в сосны и бездумно двигается по тропе под деревьями, давно сойдя с гражданской асфальтовой дорожки. Женька спит, состояние самой привычно-полусонное. Спасибо, птица вспорхнула, и шишка ударилась о землю, заставив её выбраться из дремы. Ого, это сколько же она идёт по лесу? Теперь нет смысла поворачивать, легче дойти по этой тропе до цивилизации, судя по натоптанности, она ведёт в достаточно популярное место, а оттуда можно

будет вызвать такси.

Двинулась дальше, и вскоре послышался шум автомобиля. И через пару минут Лина вышла к дороге. Огляделась: место незнакомое, но догадаться можно. Это окружное шоссе, тянущееся в обход Жаброво параллельно Тихой Рясе. Да, на противоположной стороне – глухие кирпичные заборы, за которыми прячутся особняки. Говорят, пафосное место, крутые владельцы, их участки простираются до самого берега. Потянулась к заднему карману шорт за телефоном и вдруг услышала «Ли-и-на!» Оглянулась. Из-за деревьев вышла семейная пара с тремя ребятишками, один из которых бежал к ней. Добежал и уткнулся ей в живот.

– Господи, Андрюша! С кем ты тут?

А сама уже видит: с Андреем Павловичем. Рядом такая же невысокая толстая дама, вероятно, жена. И две девочки. Не узнала их, но догадалась, что это те самые, которых год назад он держал на коленях на детском празднике.

– Андрюша, пожалуйста, покарауль коляску. Там маленький Женя спит, – и бросилась к супругам как к родным, обняла обоих. – Они ваши теперь, да?

И незнакомая женщина отозвалась как близкой:

– Представляете? Полгода на школу приёмных потратили, сто порогов оббили. Вы ведь с Андреем там были? Мы с ним договорились девочку взять, я сама специально не поехала, чтобы он без меня решил. А они сестрёнки. И он меня постепенно загружал: сначала две вместо одной, потому что их

разлучать нельзя, а потом давай ещё мальчика возьмём, он о папке-рыбаке мечтает. У нас дочь, ей тридцать уже, они с зятем категорически детей не хотят. А теперь она стала к нам чаще заезжать, говорит, волнуется за наше здоровье. Трудно, конечно, но как-то я себя нужной почувствовала. И работу бросила, ну её. А у вас кто?

Лина ответила на звонок мужа, поглядывая на коляску, в которую осторожно заглядывали, перешёптываясь, дети. Сын, конечно, проснулся и сморщил носик, собираясь зарорать. Но тут Санталов подъехал. Взглядом группу оценил, с Андреем Павловичем за руку поздоровался, тот ему жену представил, а он ей руку поцеловал. Детям сказал: «Здорово, орлы и орлицы!», заглянул в коляску, и Женька вдруг засучил ногами и улыбнулся. Лина охнула:

– Нет, вы представляете? Я с сыном круглосуточно, кормлю, мою, переодеваю, не сплю, а первая улыбка – папе!

– Мужская солидарность, – развела руками жена Андрея Павловича.

Иван Ильич закинул коляску в багажник, пристегнул сына рядом с женой и сел за руль. Лина по дороге всё поглядывала на него: что-то он подозрительно молчит? А потом выгнулась так, чтобы в зеркале его увидеть. А он улыбается, аж сияет!